

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HDI

HL 1R83 X

A7

Bobrovskii, P. O.

Prestupleniã protiv . . .

HARVARD LAW SCHOOL
LIBRARY

p. 24

128
31
C

ПРЕСТУПЛЕНІЯ ПРОТИВЪ ЧЕСТИ

ПО РУССКИМЪ ЗАКОНАМЪ

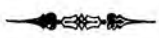
ДО НАЧАЛА XVIII ВѢКА.

*Отрывокъ изъ приготавлиаемаго къ печати 3-го выпуска арти-
кула воинскаго (гл. XVII и XVIII).*

ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Н. О. Бобровскаго.

С.-Петербургъ.

ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

1869.

805

221101

Rec. May 13, 1905.

ПРЕСТУПЛЕНІЯ ПРОТИВЪ ЧЕСТИ ПО РУССКИМЪ ЗАКОНАМЪ ДО НАЧАЛА XVIII ВѢКА.

Вопросъ о личныхъ оскорбленіяхъ или преступленіяхъ противъ *личной чести* по русскому праву, уже давно обращалъ на себя вниманіе юристовъ, преимущественно криминалистовъ¹⁾. Преступленіямъ же противъ *родовой чести* посвящено особо нѣсколько капитальныхъ трудовъ, на которые мы укажемъ впоследствии.

Обращаясь къ источникамъ, мы увидимъ, что съ самаго основанія русскаго государства въ славянскимъ языческимъ элементамъ примѣшивалось сперва вліяніе скандинавовъ или варяго-русовъ; далѣе, по порядку времени, вошли въ бытъ народа элементы—византійскій, вмѣстѣ съ христіанствомъ, и монголо-татарскій, со времени владычества монголовъ. Дружина, которая была зерномъ для военныхъ силъ въ русскомъ государствѣ, мало по малу преобразуется въ бояръ и дѣтей

---

¹⁾ *Спасовича* „О преступленіяхъ противъ чести частныхъ лицъ по уложенію о наказаніяхъ“ (жур. мин. юст. 1860 г. № 1). *И. Ламе* „О наказаніяхъ и взысканіяхъ за безчестіе по древнему русскому праву“ (жур. мин. народ. прос. 1860 г., ч. III). *Boris Utin*, Ueber die Ehrenverletzung nach Russischen Recht, seit dem XVII Jahrhundert. Dorpat. 1857. *Шайкевича* „О преступленіяхъ противъ чести.“ Моск. унив. зап. 1865. Приложенія“. *Духовскаго*: „Понятіе клеветы, какъ преступленія противъ чести частныхъ лицъ по русскому праву“. Ярославль. 1873 г. и друг.

боярскихъ или дворянъ, со всѣми притязаніями на предводительство и господство въ войскахъ.

Въ многовѣковый періодъ русской исторіи не сознается значеніе личности; языческіе обычаи славянъ съ трудомъ поддаются вліянію христіанства, въ которомъ личность уважается сама по себѣ, независимо отъ общественнаго положенія. Только во второй половинѣ XVI столѣтія, послѣ паденія *судебнаго поединка*, какъ „суда божія“, обычая языческаго, рядомъ съ процвѣтаніемъ чести родовой и служебной, начинаетъ едва-едва пробиваться понятіе о чести личной.

Въ слѣдующій періодъ исторіи, обнимающій болѣе сталѣтъ, сѣмена новыхъ идей забрасываются въ народный бытъ сначала въ смутное время, черезъ посредство поляковъ и шведовъ, потомъ, съ воцареніемъ дома Романовыхъ, черезъ призываемыхъ на службу иноземцевъ, подъ общимъ собирательнымъ именемъ „нѣмцевъ“, засѣвшихъ преимущественно въ служиломъ сословіи. Въ военномъ быту постепенно падаетъ первенство дворянской привилегированной конницы и поднимается значеніе казачества. Притязательность родовой чести становится тягостною для государства, которое ощущаетъ надобность въ развитіи вооруженныхъ своихъ силъ. Въ соборномъ уложеніи признается еще, какъ бы нехота, необходимость огражденія личной чести каждаго самаго малаго челоуѣка, но только съ паденіемъ мѣстничества устранено существенное препятствіе къ открытому признанію въ каждомъ челоуѣкѣ его личныхъ достоинствъ.

Въ третьемъ періодѣ, обнимающемъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, менѣе полустолѣтія, до изданія воинскаго и морскаго уставовъ, эти новыя идеи находятъ энергическое приложеніе. Благодаря генію Петра Великаго, совершается коренное измѣненіе военнаго устройства, учреждена регулярная армія и образованъ флотъ, каждый воинъ признанъ *служюю отечества*—его защитникомъ и охранителемъ, въ новомъ государствѣ на счету каждый солдатъ, каждый матросъ: рядовому

солдату, какъ офицеру и начальнику, законъ даетъ защиту отъ неправаго посягательства на его честь и право искать удовлетвореніе за личное оскорбленіе въ какой бы формѣ оно ни выразалось бы. Сознается, что личная честь не можетъ быть предметомъ продажи на деньги, что она составляетъ благо, которое личность можетъ отстаивать, какъ и всѣ другія права свои, что это благо можетъ быть у человѣка отнято только въ силу закона, при извѣстныхъ условіяхъ. Но и въ этотъ періодъ упорно продолжается еще борьба старинныхъ понятій съ новыми, чести родовой съ честью служебною. Мѣстничество еще существуетъ въ правахъ чиновныхъ людей.

Восьмивѣковой путь проходитъ съ видимымъ торжествомъ нравственной силы надъ физическою, христіанства надъ евангельскою и евангельскою надъ евангельскою.

I. Преступленія противъ чести въ древней Руси.

Въ жизни русскихъ славянъ, при самомъ зарожденіи государства, встрѣчаются тѣ же бытовые явленія, которыя наблюдаются и въ жизни другихъ древнихъ народовъ. Родовой патриархальный бытъ русскихъ славянъ, съ обычаемъ кровавой мести, лежитъ въ основѣ древнѣйшихъ памятниковъ русскаго законодательства. Родовыя отношенія играли важную роль въ быту нашихъ предковъ, съ ними мы встрѣчаемся даже и въ XVII столѣтіи ²⁾).

Русскіе князья, съ своею дружиною, образовавъ юное славянское общество, внесли въ среду его начало сословное, въ противоположность родовому. Въ дружину варяжскую открытъ

---

²⁾ Весьма интересны воззрѣнія на этотъ предметъ: *Эверса, Соловьева, Кавелина, Калачова, Никольскаго, Утина* и друг. Въ пятидесятыхъ годахъ по этому вопросу возникла серьезная полемика. См. москов. сборн. 1852 г., т. I, статью *Аксакова*. Теорія родоваго быта у русскихъ славянъ обстоятельно изслѣдована *Никольскимъ* въ сочиненіи: „О началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ“. Москва. 1859 г.

былъ свободный доступъ храбрымъ людямъ всѣхъ странъ и народовъ и прежде всего, конечно, туземцамъ славянамъ; въ дружинѣ каждый могъ подняться своею личною доблестью, личными достоинствами, явилось понятие о лучшихъ храбрѣйшихъ людяхъ, выдѣлявшихся изъ толпы, сванной прежде извѣстною степенью по родовой лѣстницѣ. Дружина получала содержаніе отъ князя; старшіе члены дружины, называемые въ актахъ боярами и княжими мужами, были его совѣтниками, воинами по преимуществу; иногда такихъ княжихъ мужей называли *огнищанами*. Другую часть войска, подчиненную дружинѣ, составляли *вои* (воины), т. е. земское войско. Всѣ они вмѣстѣ съ дружиною образовали *полки*. Но были еще и наемныя войска: варяги, печенѣги, торки. Ожесточенныя битвы нерѣдко рѣшались единоборствомъ—*поединкомъ*. Поединчики, случалось, боролись безъ оружія, схватывали другъ друга руками, и старались задушить противника, или повалить, ударить объ землю. Печенѣгъ вызываетъ на единоборство русскаго: со стороны Азіи выходитъ громадный печенѣгъ, со стороны Руси—Янъ Усмоневецъ, человѣкъ обыкновенный, незначительностію своего вида возбуждаетъ насмѣшки великана, но побѣждаетъ его. Редедя князь касопскій вызываетъ на поединокъ Мстислава. Мстиславъ чувствуетъ, что противникъ одолѣетъ его, и однако русскій князь побѣждаетъ азіатца, побѣждаетъ духовною силою, вѣрою. Высшую богатырскую природу, высшія стремленія преданіе видитъ въ лицѣ Святослава. Онъ не богатырь въ собственномъ смыслѣ, онъ вождь дружины, онъ отказывается отъ поединка съ Цимисхіемъ, но онъ первый между дружинниками, бьется на челѣ ихъ, не отдѣляется отъ нихъ, не существуетъ безъ нихъ, живетъ и умираетъ съ ними. Въ немъ личность всецѣло подчинена потребностямъ общественнымъ. Это герой въ настоящемъ понятіи.

При стремленіи юнаго общества къ расширенію, при жизни въ постоянной борьбѣ, когда господствовали необузданныя страсти, когда силою брали все, а право силы считалось высшимъ правомъ, нравы не могли быть мягкими, и самые законы допускали частную месть, какъ расплату за

обиду. Кровавая месть, частыя убійства на пирахъ, мщеніе Ольги, разбой при Владимірѣ, поступки Добрыни съ семьєю Рогволода въ Полоцкѣ, поведеніе Святослава — вотъ факты, не оставляющіе сомнѣнія для вывода о грубости нравовъ и жестокости людской. Всѣ члены одного рода обязаны защищать другъ друга, мстить другъ за друга. Въ русской правдѣ эта обязанность ограничена уже извѣстными степенями родства: братъ мститъ за брата, отецъ за сына и наоборотъ, дядя за племянника съ братней и сестриной стороны.

Все это въ порядкѣ вещей, вездѣ первоначальнаго общества складывались такимъ же образомъ. Изъ русской правды видимъ, что родовой бытъ славянъ въ XI столѣтіи началъ уже ослабѣвать.

Когда не было мстителя, то убійца платилъ князю меню, виру, за князя мужа и боярина двойную виру (80 гривенъ), за свободного человѣка одну *виру*, за женщину *полвиры*. Рабъ, холопъ считался вещью, предметомъ; его убійство не считалось убійствомъ. Честь какъ и жизнь свободного человѣка оцѣнивалась на деньги; честь холопа не стоила и *веврты* (900 доля гривенъ).

Когда сила физическая на первомъ планѣ, когда страсти не подчинены господству религіозныхъ и нравственныхъ законовъ, тогда не можетъ быть мѣста обидѣ словомъ: за скорою обидою слѣдуетъ скорая месть, расправа физическая, беспощадная, но отъ мстителя уже можно было откупиться деньгами. И древній богатырь, герой эпохи, въ народномъ воображеніи представляется существомъ одареннымъ чудовищною физическою силою, котораго одолѣть можно было только посредствомъ чародѣйства.

Съ русскимъ народомъ эпохи язычества въ тѣсной связи волхвы, гадатели, кудесники, ворожеи, вѣдуны, вѣдьмы. Язычники славяне подчинялись вліянію этихъ темныхъ силъ. Волхвы славянъ, какъ видно, имѣли тѣсную связь съ волхвами финскими. Долго послѣ принятія христіанства волхвы

съ сѣвера мутили славянское народонаселеніе. У финновъ болѣе чѣмъ у славянъ было развито ученіе о злыхъ боже-ствахъ, о злыхъ духахъ, объ общеніи съ ними. Значеніе чародѣевъ и ворожей въ быту русскаго народонаселенія было весьма значительно; оттого вѣроятно, долгое время, въ теченіи пяти—шести столѣтій, съ волшебствомъ и чародѣйствомъ бесплодно боролось христіанство ³⁾.

Обратимся къ обзорѣнію источниковъ и прослѣдимъ ходъ историческихъ явленій, которыми обуславливалось постоянное развитіе просвѣщенія въ обществѣ и соотвѣтственное съ нимъ развитіе понятій о личности.

Памятники древней Руси.

а) *Языческіе обычаи русскихъ славянъ въ ссорахъ, дракахъ и играхъ: поединки, потѣшныя и кулачныя бои.*

Быть русскаго народа, опоэтизированный въ былинахъ, представляетъ доблестныхъ богатырей, вступающихъ въ бой съ беззавѣтною отвагою, ради удалства, мести, поживы на чужой счетъ; или же, подобно древнимъ героямъ, русскіе богатыри жертвуютъ собою ради отчизны, за вѣру, за вдовъ, сиротъ и бѣдныхъ людей. Наши витязи бьются одинъ на одинъ.

Въ одиночныхъ бояхъ или поединкахъ русскіе герои бились, на коняхъ или пѣшіе, разнымъ оружіемъ: „палицами булатными“, „саблями острыми“, „вопьями долгомѣрными“, а то и просто дубинами, на примѣръ новгородскіе богатыри, или въ рукопашку. У поединщиковъ былъ въ употребленіи также лукъ, рогатина и булатный ножъ.

---

³⁾ *Соловьевъ*, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ т. I, стр. 90, 91, 247. См. еще цитату 117 о волхвахъ, явившихся въ Ростовской области, объяснявшихъ какимъ образомъ созданъ человекъ. По ихъ понятіямъ доброе или злое существо происходитъ изъ женщины, тогда какъ чернокожкіе, по своему характеру, есть мужское.

Одольвший въ рукопашномъ бою поражалъ своего противника рогатиною, или же булатнымъ ножомъ. Но могъ дать ему и пощадy. Коренной русскій богатырь Илья Муромецъ почти во всѣхъ былинахъ представляется ловкимъ стрѣлкомъ ⁴⁾.

Въ законодательныхъ памятникахъ первое извѣстiе о „полѣ“, т. е. „судебномъ поединкѣ“ встрѣчаемъ въ договорѣ смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Ригюю въ 1229 г. ⁵⁾. Русскимъ запрещается вступать на поединокъ съ *иностранными* какъ въ русской землѣ, такъ и за ея предѣлами. „Но нѣмцы“ т. е. иностранцы, могли рѣшать дѣло между собою поединкомъ, „князя это дѣло не касается“ ⁶⁾. Изъ словъ договора, запрещавшаго смолянамъ вызывать на поединокъ нѣмецкихъ гостей „на полѣ въ Смоленскѣ“, Бѣляевъ заключаетъ, что у смолянъ существовалъ обычай дѣлать такiе вызовы ⁷⁾. Бьющiеся на поединкѣ употребляли палки или дубину (палицу), сулицу или мечъ. Палацкiй въ исторiи чеховъ упоминаетъ о постановленiи Кунрата Ота въ XII столѣтiи, коимъ чехамъ запрещается употребленiе поединка „развѣ только съ иностранцами“ ⁸⁾. Слѣдовательно у чеховъ разрѣшалось биться съ иноземцами, у русскихъ же славянъ, напротивъ, биться съ иноземцами запрещалось. Но у тѣхъ и у другихъ славянъ съ XIII столѣтiя, вѣроятно подъ влиянiемъ христіанства, стремились *вывести изъ употребленiя поединокъ между своими*.

⁴⁾ В. П. Авенариуса „Книга былинъ“. С.-П.-Б. 1880 г. стр. 25, 256, 253, 102.

⁵⁾ „Собраніе важнѣйшихъ памятниковъ по исторiи древняго русскаго права“. Сбп. 1859 г., стр. 22: „роусиноу не звати латина на полѣ биться оу роуской земли; а латиникоу не звати роусина на полѣ оу Ризѣ и на Готьскомъ березѣ“; а въ 1230: „роусиноу же нельзѣ позвати немчина на поле смоленское, ни немчичю въ Ризѣ, на Готьскомъ березе“.

⁶⁾ Тамъ же стр. 22, 23: „Аже латинскии гость биеться мѣжо съ бою оу роуской земли любо мѣчемъ, а любо деревьмъ, князю то не надобе, мѣжо съ бою судити“. А въ вариантѣ 1230 г. названы „мечъ“ и „сулица“.—Русскіе должны судиться между собою своимъ судою „отыправяться сами по свосему суду“, не только въ русской землѣ, но и за ея предѣлами: „въ Ризе на Готьскомъ березе“.

⁷⁾ Бѣляевъ „Поле“. Москвитянинъ на 1855 г. № 13 и 14, стр. 35.

⁸⁾ Ibid., стр. 34, 35. „Dejiny národu Českého, ч. II, стр. 327.

Въ русской правдѣ не встрѣчаемъ названія „поле“, но въ ней упоминается о „желѣзѣ“, о „водѣ“, какъ объ особыхъ формахъ суда божія, а къ такому суду, какъ одна изъ его формъ, относится и судебный поединокъ или поле⁹⁾. Такъ было вездѣ въ эпоху господства ордалий.

О рѣшеніи судебныхъ дѣлъ водою упоминаетъ извѣстный проповѣдникъ XIII стол. Серапіонъ: „Вы же воду послухоумъ постависте и глаголете: аще утопати начнетъ, неповиненъ есть, аще ли поплыветъ—волхвовъ есть. Не можетъ ли дьяволъ, видя ваше маловѣріе, подержати да не погрузится, дабы въ вращи въ душегубство?“ Представителей православной церкви возмущали эти обычаи язычества: „Яко оставльше послушество боготвореннаго человѣка, идоста къ бездушну естеству, къ водѣ, пріясте послушество на прогнѣванье божіе¹⁰⁾“. И желѣзо, какъ судебное доказательство (договоръ Мстислава 1229 г.), употребляется въ крайнихъ случаяхъ¹¹⁾. Испытаніе водою, холодною или горячею, и желѣзомъ, какъ обычай языческаго суда божія, переходило въ законодательство христіанъ съ замѣною однако языческихъ обрядовъ, употреблявшихся при судѣ, обрядами христіанскими: передъ испытаніемъ водою дѣлали *заклинанія* и *освящанія* ее, потомъ обвиняемаго бросали въ нее связаннаго и если онъ погрузился на дно, то объявляли невиннымъ, если же всплывалъ

⁹⁾ Ibid., стр. 35. См. *русскую правду*, по троичному списку, ст. 17, 81, 82: „во всѣхъ тяжбахъ, въ татѣбѣ и въ покленѣ, когда не будетъ лица, то тогда дати ему желѣзо изъ неволи до полугривны золота“; когда же исъ былъ менѣе, до двухъ гривень серебра, „то на воду“. Иски же меньшей дѣнности рѣшались присягою (*Собр. важн. памяти. древ. рус. пр.*, стр. 54, 64, 65). Холопъ могъ быть допущенъ къ свидѣтельству по желанію истца только въ крайности, при отсутствіи свидѣтеля изъ лицъ свободныхъ. У чеховъ подсудимый обязанъ былъ простоять извѣстное время на раскаленномъ желѣзѣ, либо держать на немъ два пальца до тѣхъ поръ, пока совершить предписанную присягу. У сербовъ обвиненный долженъ былъ опустить руку въ раскаленный котель, либо выхватить желѣзо изъ огня при дверяхъ храма и отнести его къ алтарю. Подвергавшійся испытанію водою долженъ былъ сдѣлать нѣсколько шаговъ въ глубину рѣки: если онъ при этомъ робѣлъ и мѣшался, то проиривалъ дѣло, *Соловьевъ*, Ист. Рос. I, стр. 264, цит. 378. Авторъ полагаетъ, что здѣсь начало *пытки*.

¹⁰⁾ *Быляевъ*, стр. 36. *Творенія св. отц.* Годъ 1, кн. 3. Приб. стр. 202.

¹¹⁾ Ibid, стр. 36 *Русск. достопамятности* ч. II, стр. 235.

на поверхность воды—виновнымъ. Обычай бросать людей въ воду на *жертву* нѣкоему богу существовалъ съ древнѣйшихъ временъ и сохранялся долгое время у русскихъ славянъ послѣ принятія христіанства. При испытаніи же горячею водою испытуемый обязанъ былъ вынуть изъ сосуда съ кипящемъ извѣстный предметъ.

Поединки, надо полагать, вели къ беспорядкамъ, къ нарушенію общественной тишины, ибо поединщики „польщики“ обращались за помощью къ *постороннимъ* и такимъ образомъ изъ частнаго боя легко воспламенялась общая драка. По существовавшему изъ древности обычаю въ Черногоріи, когда кто нибудь вызывалъ другаго на поединокъ (мейданъ), изъ мести или просто изъ удали, то часто случалось, что поединщики созывали на помощь къ себѣ и, когда вокругъ завязывался бой, удалялись ¹²⁾).

Запрещеніе призывать на помощь постороннихъ, особенно людей другой націи, мы видимъ въ текстѣ древнѣйшихъ европейскихъ военныхъ артикуловъ, коими разрешались поединки и драки.

Языческое происхожденіе потѣшныхъ игръ.

Новгородскіе *потѣшные бои* палицами или палками, о которыхъ упоминають лѣтописцы, также весьма древняго происхожденія. Воспоминанія о бояхъ сохранялись въ народныхъ преданіяхъ и перешли въ новгородскія былины. Въ былинахъ про „Василія Буслаевича“ назначенъ бой его дружины съ новгородскими мужиками, т. е. съ горожанами, на *Волховомъ мосту* и здѣсь сплетается съ преданіемъ объ идолѣ Перунѣ, вверженномъ въ р. Волховъ. Въ густынской лѣтописи сказано, что когда въ 990 году въ Новгородѣ сверженъ былъ въ волховъ идолъ Перуна, то „единъ нѣкто человекъ верже на него палицею, онъ же, взявъ палицу, верже нею на мостъ и уби тамо мужей вилка (нѣскольео). Порази же слѣпотою новгородцевъ, яко *оттолъ* въ сіе время даже до

¹²⁾ *Поповъ*, Путешествіе въ Черногорію, стр. 145, 291; у Бѣльева, стр. 37.

нынѣ (т. е. до XVII в.), въ *каждо лето на томъ мосту люди собираются и, раздѣльшися на двое, играюще убиваются*¹³⁾“.

Такъ упорно въ народномъ быту христіанъ сохранялись древніе языческіе обычаи.

Противъ бѣсовскихъ побоищъ или „неистовыхъ забавъ“, какъ и противъ поединковъ, возставала церковь, а жившіе въ Новгородѣ нѣмецкіе гости просто побаивались этихъ „мужицкихъ“ дракъ съ древолоємъ.

Въ правилахъ владимірскаго собора 1227 г. сказано, что митрополитъ Кириллъ съ епископами новгородскимъ, ростовскимъ, переяславскимъ и полотскимъ¹⁴⁾, опредѣлили: участниковъ *нечестивыхъ игръ съ древолоємъ*, которыя сопровождались безчинствами и убійствами, отлучать „отъ святыхъ Божиихъ церквей, а оубиении да боудуть прокляти въ сии вѣкъ и въ боудущи“. Противящихся по постановленію собора велѣно лишать христіанскаго погребенія: „Аще и оумреть, то надъ нихъ не ходять иереи и службы за нихъ да не творять, ни положити ихъ близъ Божиихъ церквей“. Священника, не исполняющаго этихъ правилъ, лишать сана: „да боудеть чюжь своего сана“.

Въ составѣ предложеній (редакція которыхъ дошла до насъ на латинскомъ языкѣ), представленныхъ со стороны нѣмецкихъ уполномоченныхъ новгородскому правительству, при заключеніи съ нимъ договора 1270 г., находится статья, по которой на улицѣ между нѣмецкими торговыми дворами должна быть запрещена неистовая забава, въ коей люди бьются древолоємъ. При этомъ указана и цѣль запрещенія:

¹³⁾ Полн. собр. русск. лѣтопис. т. II, стр. 257, 258, 259, въ прибавл. *уст. мтѣ* и еще въ *Русск. Врем.* ч. 1, стр. 52: „Онъ же (Перунъ), плыва сквозь великій мостъ, верже палицу свою и рѣче: на семъ мя поминають новгородскія дѣти, ея же (добавляетъ лѣтописецъ) и нынѣ безумніи люди убивающесе, угѣху творять бѣсомъ“. У *Бяляева* стр. 41 и слѣд.

¹⁴⁾ Изъ постановленій собора видно, что отъ временъ языческихъ (треклятыхъ еллинъ) сохранялись обычаи „въ Божественные праздники позоры нѣкаки бесовския творити, съ свистаніемъ и съ вичемъ и съ вылемъ сзывающе нѣки сваредныя пшаница, и бующесе дрьволоємъ до самыя смерти и взимающе отъ убиваемыхъ порты“. *Русск. Дост.*, ч. I, стр. 115. У *Бяляева*, стр. 42, замѣч. 2.

„чтобы русскіе и гости не имѣли повода къ ссорамъ“. Но статья эта очевидно не была принята Новгородомъ, такъ какъ ея въ договорѣ 1270 г. нѣтъ ¹⁵⁾.

Обычай языческихъ игръ въ XIII вѣкѣ распространенъ былъ не только между русскими славянами. Лѣтописецъ, рассказывая о битвѣ Данила Романовича галицкаго съ Мендогомъ, между прочимъ, писалъ: „И ятвязи съ *сумицами* гонимася на поли подобно *игръ*“ ¹⁶⁾. Ятвяги были упорными язычниками и съ ними вели истребительныя войны сосѣдніе христіане: тевтонскіе рыцари, князья мазовецкіе и особенно князья галицкіе. У ятвяговъ бой нерѣдко рѣшался поединкомъ.

И такъ, до нашествія монголовъ русскимъ славянамъ, какъ и германцамъ, были хорошо извѣстны ордалии, какъ различныя формы суда Божія, а въ томъ числѣ и поединовъ; вѣрили, что „божество“ было на сторонѣ праваго, и эту вѣру не могло поколебать у древнихъ славянъ принятіе христіанства и строгій запретъ духовенства.

Въ народныхъ обычаяхъ, сохранявшихся отъ временъ язычества, поддерживались потѣшныя бои или игрища, съ которыми соединялись языческіе обряды; церковь вела борьбу съ этими обычаями, несогласными съ духомъ любви и кротости христіанской, и верховная власть готова была поддержать стремленія христіанскихъ іерарховъ, возстававшихъ противъ боевъ съ палицами, противъ боевъ потѣшныхъ или игрищъ. Но ни церковь, ни верховная власть не могли искоренить въ русскомъ народѣ обычаевъ, стремившихся стать юридическими учрежденіями, чему ни мало не препятствовало татарское иго, остановившее надолго свободное развитіе общественной и государственной жизни.

Мы видѣли, что въ XIV и XV столѣтіяхъ у романскихъ

---

¹⁵⁾ *Андреевскій*, О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ, заключенномъ въ 1270 г. С.-П.-Б. 1855 г. См. примѣч. 91, на стр. 28. *Бережковъ*. О торговлѣ Руси съ Ганзой конца XV вѣка. С.-П.-Б. 1879 г. См. стр. 189—194.

¹⁶⁾ *Карамзинъ*, Ист. госуд. росе. т. IV, стр. 90. Лѣтописецъ волынской рассказываетъ о поединкѣ молодого Льва Даниловича съ начальникомъ ятвяговъ Стекингомъ. *Даниловича*, *Skarbnik*, № 156. *Ярошевича*, *Obraz Liwy*, т. II, гл. I § 13.

и германскихъ племенъ поединки стали средствомъ своекорыстія, самоуправства, и насилій. Тоже было и съ судебными поединками славянъ; рыцарскія игры, тоже что и кулачные бои, въ существѣ своемъ точно также были наслѣдіемъ языческихъ забавъ. Во всѣхъ этихъ явленіяхъ видимъ замѣчательное сходство западныхъ народовъ съ тѣми славянами, которые направили свои силы на отдаленный востокъ Европы.

Въ XIV столѣтіи, существовавшій у западныхъ и южныхъ славянъ обычай судебныхъ битвъ, сдерживаемый ранѣе законами нѣкоторыхъ государей (напримѣръ у чеховъ), получилъ самобытное развитіе и опредѣленіе, болѣе или менѣе сходное съ германскими уставами. Въ чешскомъ „земскомъ уставѣ 1348 и 1355 г.г.“ въ сорока пунктахъ подробно описаны всѣ обряды и условія, относительно судебного поединка или по чешски „забоа правнаго“¹⁷⁾. Эти обряды сопровождались обычаями языческими извѣстными русскимъ славянамъ.

Поле по судебникамъ Іоанна III и Іоанна IV.

Не смотря на раздробленіе Руси, обычай поля не исчезъ и держался въ народномъ употребленіи. Это видно изъ словъ нѣкоторыхъ дошедшихъ до насъ грамотъ XV столѣтія: „или поле ся коньчало, а то коньчати“ и проч.¹⁸⁾, и изъ посланія митрополита Фотія къ новгородцамъ 1410 г., который подъ страхомъ лишенія священнаго сана запрещаетъ священникамъ причащать поединщиковъ и допускать ихъ къ крестному цѣлованію; убившій другаго на поединкѣ име-

¹⁷⁾ „Wybor z Literatury Ceské“. Прага 1845 г. стр. 610—625. *Палацкий*, „Dejin. etc.“ ч. II, стр. 297. У *Бяляева*, стр. 45.

¹⁸⁾ *Бяляевъ*, стр. 45. Псковская судебная грамота, договоры Москвы съ Рязанью. Собр. госуд. грам. и догов. I, грам. №№ 36 и 65. Въ уставной блъзерской грамотѣ 1488 г. судебный процессъ въ денежныхъ дѣлахъ разрѣшается вести *до поля*: „А побьются на полѣ, и намѣстники велятъ на виноватомъ истцово доправити, а на себя велятъ взяти противень противу истцова, а то имъ съ тиунн и съ доводчики за всѣ ихъ пошлынн“. *Акты археограф. эксп.* т. I, № 123 стр. 93.—Тутъ же упоминается о пошлынахъ намѣстнику, тиуну, доводчикамъ: „а досудятъ намѣстники и тиунн о рублѣ до поля, а восхотятъ ся помирити, и они дадутъ намѣстнику гривну, и съ тиунн и съ доводчики, за всѣ пошлынн“.

нуется душегубцемъ, „въ церковь не входитъ, дары не при-
емлетъ, ни богородицѣна хлѣба, причащенія святаго не при-
метъ *осмнадцать мѣтъ*“; убитый на поединкѣ лишается хри-
стіанскаго погребенія: „а убитыго не хороните“¹⁹⁾. Языче-
ская основа поединка сказывалась у русскихъ славянъ въ
существованіи особаго класса *волхвовъ* и *чародѣевъ*, которые
оказывали помощь польщикамъ „сатанинскими“ дѣлами;
хотя объ участіи этихъ темныхъ силъ упоминается въ памят-
никахъ позднѣйшихъ (именно XVI столѣтія), но очевидно,
что волхвы и чародѣи, существуя у славянъ съ древнѣйшихъ
временъ, составляли у нихъ, какъ и у германцевъ, неотъем-
лемую, хотя и не гласную силу „судебнаго поединка“. Съ
чародѣями, волхвами, вѣдунами, ворожеями русскіе поль-
щики заключали условія и отъ нихъ ожидали помощи
въ заклинаніяхъ и заговорахъ; православная христіанская
религія ничего не могла сдѣлать, чтобы искоренить языческій
обычай вывести чародѣйство, какъ господствующую силу въ
рѣшеніи дѣлъ по „суду божію“. Мало того, съ объединеніемъ
московской Руси подъ скипетромъ Іоанна III, „обычай поля“
въ тязбахъ приобрѣлъ государственное значеніе: судебникъ
Іоанна III, 1497 года, опредѣляетъ условія поля въ статьяхъ:
„о полевыхъ пошлинахъ“, „о судѣ городскомъ“, „о послу-
шествѣ“²⁰⁾. Московское государство, не взирая на неодоб-
реніе духовенства, пользуется народнымъ обычаемъ для обло-
женія поединщиковъ пошлиною въ пользу своихъ чиновни-
ковъ. Такимъ образомъ польщики, по „отеческому обычаю“, съ
одной стороны негласно обязывались болѣе или менѣе значи-
тельною платою волхвамъ и чародѣямъ, а съ другой—офи-
ціально облагались узаконенною пошлиною въ пользу околь-
ничаго, діака и недѣльщика (въ Москвѣ), намѣстниковъ или
ихъ тіуновъ и доводчиковъ (въ областяхъ).

¹⁹⁾ *Блггестъ*, стр. 45, 46: „а который попь хоронить, тотъ поповства лишенъ“. Въ цитатѣ у автора не вѣрна ссылка: въ актахъ подъ стр. 426 значится „тамо-
женная грамота Соловецкаго монастыря“ 1591 г.

²⁰⁾ *Судебникъ* в. к. *Іоанна Васильевича*. „Собр. важн. пам. по ист. древ. рус-
скаго права“, стр. 169, 170, 178, 182, 185, 186.

Повидимому торжество поединка дошло до полного апогея въ началѣ XVI стол., т. е. вскорѣ послѣ признанія этой формы процесса обязательною для московскаго государства.

Герберштейнъ, въ запискахъ о Московіи „*Regum Moscoviticarum commentarii*“, говоря о судопроизводствѣ по великокняжескому судебнику, въ описаніи своемъ о поединкахъ, какъ *обычай отечественномъ*, дополняетъ его нѣкоторыми любопытными данными, почеркнутыми изъ практики.

Мѣсто поединка „поле“ назначали *окольныйчій* (*ocolnik*) и *недѣльщикъ* (*nevelsnik*), которые, равно какъ и судья (бояринъ) и писецъ, получали опредѣленную пошлину ²¹⁾. Слѣдуетъ замѣтить, что передъ начатіемъ боя недѣльщикъ отводилъ опредѣленное пространство и обносилъ его веревкою, за что получалъ плату, которая носила названіе „вязчее“, независимо отъ пошлины, „да недѣльщину-жь *вязчего* 4 алтынъ“ (судеб. Іоанна III). Въ рѣшенію дѣла „полеми“ прибѣгали не только въ дѣлахъ гражданскихъ, но и уголовныхъ ²²⁾. „Если поединокъ совершается по причинѣ какого нибудь пожара, убійства друга, похищенія или кражи, обвинитель, если побѣдитъ, имѣетъ получить то, о чемъ просилъ; окольному дать полтину и оружіе побѣжденнаго, писцу пятьдесятъ денегъ, недѣльщику полтину, *вестону* (?) (*veston*—тотъ, который предписываетъ условія и сводитъ обѣ стороны на поединокъ) *четыре алтына*; все оставшееся у побѣжденнаго слѣдуетъ

²¹⁾ „Окольныйчій представляетъ собою *претора*, т. е. судью, поставленнаго княземъ; этимъ же именемъ также называется высшій совѣтникъ, находящійся постоянно при князѣ: Недѣльщикъ у нихъ—общественная должность; недѣльщики призываютъ въ судъ людей, схватываютъ злодѣевъ и держатъ ихъ въ темницѣ; они принадлежатъ къ числу *благородныхъ*“. *Герберштейнъ*, въ переводѣ Анонимова, стр. 85. Въ статьѣ „о полевыхъ пошлинахъ“ установлено количество таковыхъ: когда „досудятся до поля, а у поля *не стоявъ* помирятся“, когда „у поля *стоявъ* помирятся“, „когда побіются на полѣ въ *заемномъ* дѣлѣ“, „когда побіются на полѣ въ *пожегѣ*, или въ *душегубствѣ*, или въ *разбоѣ*, или въ *татьбѣ*“. Судеб. Іоанна III, стр. 169, 170. У чеховъ мѣсто поединка называлось „шранкомъ“ отъ нѣмецкаго *Schrank*.

²²⁾ Полеми позволялось рѣшать дѣла: *заемныя* отъ рубля и выше, бой или оскорбленіе и увѣче, *поджогъ*, *душегубство*, *разбой* и даже *тяжбы* о *поземельномъ* владѣніи. *Вьялевъ*, стр. 47.

продать и отдать судьямъ, самого же (побѣжденнаго) подвергнуть тѣлесному наказанію по мѣрѣ преступленія“²³⁾.

Самый поединокъ, какъ видно изъ описанія Герберштейна, происходилъ такимъ же точно образомъ, какъ и у скандинавскихъ народовъ, вообще у германцевъ. Тотъ же порядокъ соблюдали и западные славяне, напр. чехи. Только у русскихъ, какъ кажется, не было многихъ мелочныхъ формальностей и предварительныхъ преній. Когда вызванные истцомъ *свидѣтели* ²⁴⁾ показывали противъ обвиняемаго, то послѣдній, по отечественному обычаю, требовалъ *присяги, поля и поединка* и ввѣрялъ свое дѣло „правдѣ божіей“.

„Каждый изъ нихъ, говоритъ Герберштейнъ, можетъ поставить на поединокъ кого нибудь другаго²⁵⁾; также каждый можетъ взять себѣ какое угодно оружіе, *пищаль и лукъ*“²⁶⁾. Поединщики наши были обременены крайне тяжелымъ вооруженіемъ и большею частью пускали въ дѣло „сулицу“ (желѣзную палицу съ обоихъ концовъ заостренную), которою

---

²³⁾ Въ судебникѣ Іоанна III: „ино на *убитомъ* исцево доправить, да окольничему на *убитомъ* полтина да доспѣхъ, а діаку четверть (т. е. 50 денегъ), а недѣльщику полтина, да недѣльщику-жъ вязчего 4 алтына (т. е. 24 деньги); а *самъ убитой* въ казни и въ продажѣ боарину и діаку“. У Герберштейна „вестону“ опредѣлялось вязчего 4 алтына, и такое же количество окольничему по судеб. Іоанна III.— „*Убитый*“ не слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ стоитъ „битый“.

²⁴⁾ Окольничій и діакъ, прійдя на мѣсто поединка, спрашивали ищей и отвѣтчиковъ: „кто за ними стряпчей и поручники?“. Названные ими свидѣтели обязаны были присутствовать безъ оружія, „а доспѣху, и дубинѣ, и ослоповъ стрячимъ и поручникомъ у себя не держати“. *Судеб. Іоанна III, стр. 186.*

²⁵⁾ Такого называли „наймитомъ“; см. „о послушствѣ“. Судеб. Іоанна III: „А противу послуха отвѣтчикъ будетъ старъ или малъ, или чѣмъ увѣченъ, или попь, или чернецъ, или черница, или жонка, ино противу послуха наймитъ наняти вольно, а послуху наймата нѣтъ“... „А на комъ чего възычетъ жонка, или дѣтина малъ, или кто старъ, или немощень, или чѣмъ увѣченъ, или попь, или чернецъ, или черница, или кто отъ тѣхъ въ послушствѣ будетъ, ино наймита наняти вольно; а истцомъ или послуху дѣловати, а наймитомъ битися; а противу тѣхъ наймитовъ истцу или отвѣтчику наймитъ-же; а възочетъ и онъ самъ біется на полѣ“.

²⁶⁾ О вооруженіи и снаряженіи поединщиковъ въ судеб. Іоанна III ничего не сказано. Подробности вооруженія по Герберштейну изложены нами на стр. 269 „*Арт. Воин.*“, вып. 2^а.

русскіе искусно владѣли. „Начинають бой сперва копьемъ, потомъ употребляютъ въ дѣло другія оружія (сулицу, топорь). Въ продолженіе многихъ лѣтъ московиты, бывшіеся съ иностранцами, съ германцами, поляками или литовцами, были побѣждаемы. Когда же весьма недавно, одинъ литвинъ, 26 лѣтъ отъ роду, былъ убитъ на поединкѣ съ однимъ московитомъ, который вышелъ побѣдителемъ болѣе чѣмъ изъ двадцати поединковъ, то князь разгнѣвался (sic) и приказалъ немедленно призвать его, чтобы на него посмотрѣть. Увидѣвъ его, онъ плюнулъ на землю и постановилъ впредь не назначать поединка между иноземцемъ и своимъ подданнымъ“. Иноземцы опасались схватываться съ русскими въ рукопашную, и старались одолѣть искусствомъ и проворствомъ нападеній; напротивъ, русскіе, будучи сильны руками и мышцами, отличались силою ударовъ. На поединкѣ (вѣроятно за чертою, внѣ круга, какъ и у германцевъ) присутствовали друзья и доброжелатели обѣихъ сторонъ, обыкновенно съ дубинами, которыя пускали въ ходъ отъ времени до времени: „Ибо, если доброжелатели одного изъ бойцовъ увидятъ, что ему дѣлается какая нибудь обида, то тотчасъ бѣгутъ для отраженія этой обиды; то же дѣлаетъ и другая сторона, и такимъ образомъ между ними происходитъ схватка, интересная для зрителей, потому что дерутся въ потасовку, кулаками, батогами и дубинами съ обозженнымъ концомъ ²⁷⁾“.

Герберштейнъ, описывая наше поле, какъ любопытное явленіе, даже и не вспоминаетъ о судебномъ поединкѣ у своихъ соотечественниковъ, который еще существовалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ западной Европы въ началѣ XVI вѣка.

Въ судебникѣ Іоанна III предписывалось отгонять отъ поля „опричныхъ людей“, т. е. постороннихъ, а сопротивляющихся подвергать штрафамъ и привлекать къ суду. Но этотъ запретъ, какъ видно, не всегда исполнялся и поединокъ обращался въ общую свалку ²⁸⁾. Припомнимъ, что въ нѣмецкихъ

²⁷⁾ См. объ этомъ у Флемминга „Der volk. Teutsche Soldat“. Герберштейнъ, стр. 81—84.

²⁸⁾ „А которые вмутъ опричные у поля стояти, и окольничему и діаку тѣхъ

военныхъ артикулахъ призывать на помощь во время драки людей другой *нации* воспрещалось подъ угрозою смерти ²⁹⁾).

Въ актахъ первой половины XVI стол. (археологической экспедиции, въ историческихъ и юридическихъ) встрѣчаемъ частыя упоминанія о полѣ въ дѣлахъ о поземельной собственности. Истецъ и отвѣтчикъ, при опредѣленіи границъ своихъ владѣній, призывали свидѣтелей; свидѣтели той или другой стороны доказывали, всякому оспаривающему, справедливость своихъ показаній полемъ, такъ что свидѣтели истца бились на полѣ не только съ свидѣтелями отвѣтника, но и съ самимъ отвѣтникомъ, или обратно — истецъ бился съ свидѣтелями отвѣтника. До какихъ размѣровъ развивались вызовы на поединокъ свидѣтельствуешь тяжба Оералонтова монастыря съ крестьянами сосѣдней Есюнинской волости въ 1534 году. По поводу спора за межу, которую перешли на монастырской землѣ, стали косить сѣно и рубить лѣсъ, обѣ стороны представили свидѣтелей и при первомъ же показаніи свидѣтели монастырскіе разошлись со свидѣтелями общины; затѣмъ каждая сторона заключала свои рѣчи просьбою судьи: „дай намъ, господине, съ ними въ томъ Божію правду; цѣлуемъ, господине, крестъ да *лъземъ съ ними на поле битисъ*“ ³⁰⁾.

Такимъ образомъ споръ обращался въ сущности въ организованную драку, гдѣ обѣ стороны выставляли наемныхъ бойцовъ, т. е. *наймитовъ*, а тѣ въ свою очередь заручались заклинаніемъ чародѣевъ. И тѣхъ и другихъ отыскивать было не трудно за деньги: они напередъ знали: когда, кому и гдѣ присуждено было поле. Промышляя своимъ искусствомъ, наймиты, волхвы, ворожеи и чародѣи предлагали свои услуги за извѣстную сумму истцу и отвѣтчику. Польщивы, *поцѣловавъ крестъ*, всегда чувствовали потребность въ наймитахъ и влеченіе къ чародѣямъ и волхвамъ и затѣмъ уже лѣзли въ

отслати прочъ; а не пойдуть опричные люди прочъ, и окольничему и діаку на тѣхъ велѣти исцого доправите и съ пошлянами, да велѣти ихъ на поруку да поставити передъ великими княземъ“. *Судеб. Иоанна III*, стр. 186, 187.

²⁹⁾ Ср. военные артикулы: шведскій, датскій, имперскій XVI и XVII стол.

³⁰⁾ Акты юридическіе № 20, у *Биллева*, стр. 47, 48.

драку. Таковъ былъ „отеческій обычай“, гдѣ преданія языческой старины перепутывались съ христіанскими понятіями, и „Божья правда“, судъ Божій, сопровождаясь клятвою на вѣрствѣ, искала опоры въ сатанинскихъ дѣйствіяхъ заклинателей!...

Но этого мало. Іоаннъ IV, въ своемъ судебникѣ 1550 г., еще болѣе развилъ регламентацію „поля“, какъ судебного доказательства, въ которому неизбѣжно должны были обращаться тяжущіеся въ дѣлахъ уголовныхъ и гражданскихъ. Судебникъ 1550 г. заботится главнымъ образомъ объ извлеченіи выгодъ изъ суевѣрнаго „отеческаго обычая“, какъ и вообще изъ судопроизводства, для вознагражденія чиновниковъ и пополненія государственной казны. Хотя за лишніе поборы судебникъ угрожалъ тройнымъ штрафомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ оговорку: „а обшцется то, что жалобникъ солгалъ, и того жалобника казнити торговою казнію, да вѣнуги въ тюрьму“³¹⁾. Легко судить, какъ невыгодны были жалобы тяжущихся на несправедливыя поборы боярина и дьяка, окольниковичаго, дворецкаго, казначея и всякихъ судей и подьячихъ (въ провинціи намѣстника, волостеля ихъ тиуновъ и др.), болѣе или менѣе прикосновенныхъ къ вопросу о поединкахъ. Убитый, т. е. побитый на полѣ, долженъ былъ расплачиваться на всѣ стороны: „на убитомъ (т. е. битомъ) истцово доправити; окольниковичему на убитомъ полтина, да за доспѣхъ убитаго три рубля, а діаку четверть рубля, а недѣльщику полтинажъ, да недѣльщикужъ вязчего четыре алтына безъ дву денегъ. А убитаго дати на поруку: какъ его государь попытаетъ, ино его поставити передъ государемъ; а не будетъ по немъ поруки, ино его вѣнуги въ тюрьму, доколѣ по немъ порука будетъ“ (ст. 22).

---

³¹⁾ „Судебникъ царя и великаго князя Іоанна Васильевича, 1550 г., какъ судити бояромъ, и окольниковичемъ, и дворецкимъ, и казначеемъ, и діакамъ, и всякимъ приказнымъ людямъ, и по городомъ намѣстникомъ, и по волостемъ волостелемъ и ихъ тиуномъ, и всякимъ судіямъ“. О поли ст. 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19.

Хотя русское законодательство старалось уравнивать высшія средства поединщиковъ, т. е. ихъ силу и искусство, „а бой полщиковъ давати ровенъ“³²⁾, а обычаи требовали уравнианія и внутреннихъ качествъ бойцовъ³³⁾, однакожь полевой процессъ во всѣхъ отношеніяхъ представляется судомъ несправедливымъ, въ высшей степени разорительнымъ, особенно для побѣжденнаго. Онъ развивалъ классъ людей темныхъ: волхвовъ, ябедниковъ, питалъ суевѣріе въ массахъ и плодилъ неурядицу. Поле стали назначать по суду даже и тамъ, гдѣ можно было рѣшить дѣло миролюбиво или инымъ способомъ, ибо въ этомъ дѣлѣ непосредственно заинтересованы были и производители суда, и тѣ темные люди, для которыхъ поединокъ служилъ предметомъ наживы, т. е. наемиты и всякаго рода чародѣи. „Повелѣно, говоритъ Максимъ Грекъ, объ оружіи разсудитися тяжбѣ, взыскуется отъ обою добробравенъ полевщикъ, взыскуется отъ обидящаго и чародѣи ворожея, ижь возможесть дѣйствомъ сатанинскимъ пособити своему полевщику“. Чуткій ко всѣмъ современнымъ злоупотребленіямъ, Максимъ Грекъ, въ словѣ о *Божіемъ промыслѣ, благодати и челоуколюбіи*, возсталъ противъ поединка,

---

³²⁾ Между прочимъ Максимъ Грекъ по поводу судебного поединка пишетъ еще слѣдующее: „Сіе Божіе праведное повелѣніе отринувше, иже у насъ властеліе и судіе, желаніемъ користованія, аще и весь градъ предстанеть вопіюще и свидѣтельствующе на обидѣвшаго, никако же внемлють имъ; но оружіи и браньми множайшими велеть разсудитися обидящему и обидимому, и иже аще множайшими браньми побѣдитъ, той правъ судится у нихъ, аще обидѣвъ будетъ“. *Рукоп. библ. Троицкой лавры*, ст. 49 и 177 и друг.; у *Бяляева*, стр. 59. „А битися на полѣ бойцу съ бойцомъ, или небойцу съ небойцомъ, а бойцу съ небойцомъ не битися, иво имъ на полѣ битися и пр.“. *Судеб. Иоанна VI*, ст. 14.

³³⁾ Въ одномъ изъ судебныхъ дѣлъ 1505 г. сказано: „И Иванъ да Юрій Лучевы, да Митя Игнатовъ такъ рекли: мы, господине, съ ними на поле битися не лѣземъ; а поставятъ, господине, противъ насъ дѣтей боярскихъ, и мы, господине, противъ дѣтей боярскихъ битися лѣземъ“. *Бяляевъ*, стр. 50. Тутъ же приведены права лицъ на рѣшеніе тяжбы поединкомъ въ чешскомъ правѣ. Битися на поединкѣ могли только равные по рожденію, низшій же съ высшимъ могъ битися только тогда, когда этого хотѣлъ самъ высшій, въ противномъ случаѣ высшему по рожденію предоставлялось право доказывать свою невинность присягою надъ крестомъ. Люди благородные бились мечами со щитомъ; люди низшаго класса — палками (Куји) со щитами великими“. *Тамъ же*, стр. 51.

поддерживаемаго лихоимствомъ: „корыстованія бо для неправеднаго и лихоимства насытнаго умыслися вамъ сиево богомерзко судилище“. Въ такомъ судѣ обиженный убогій обвиняется, а богатый обидчикъ оправдывается „мзды ради“. Но голосъ Максима Грека тогда не имѣлъ рѣшительнаго вліянія, хотя въ глубинѣ души многіе признавали его справедливость и самъ Іоаннъ Грозный, утвердивъ судебникъ въ 1550 г., въ слѣдующемъ же 1551 г. на Стоглавомъ соборѣ московскомъ, въ предложенномъ на разрѣшеніе вопросѣ, выразилъ негодованіе на волхвовъ и чародѣевъ, которые своими бѣсовскими поученіями оказывали пособіе тяжущимся: „на тѣ чарованія надѣяся, поклепца и ябедникъ не миритца, и крестъ цѣлуютъ, и на полѣ биютца и, поклепаеъ, убиваютъ“ ³⁴). Но соборъ въ своемъ отвѣтѣ не пошелъ далѣе совѣтовъ. Онъ предлагалъ запретить чародѣйства при полѣ, и самъ наложилъ на чародѣйниковъ и принимающихъ ихъ запрещенія по церковнымъ правиламъ и представилъ ходатайство о томъ, чтобы не принуждать къ полю священниковъ и иноковъ, а довольствоваться отъ нихъ обыскомъ ³⁵).

Чародѣевъ и волшебниковъ, повидимому, не удалось извести, съ ними мы встрѣтимся еще въ XVII столѣтіи. Но „поле“ должно было прекратить свое существованіе еще въ концѣ XVI столѣтія.

Лѣта 7064 (1556 г.) августа въ 21 день, царь всея Руси приговорилъ со всѣми бояры: дѣла, которыя могутъ быть разрѣшены судомъ по обыску и свидѣтельскими показаніями

---

³⁴) *Стогл. м. 41*, вопр. 1—7. У *Вьялева*, стр. 60.

³⁵) *Стогл. м. 41*. Отвѣтъ на вопр. 17 „О свят. и судѣ“. Акты архископ. эксп., т. I, № 229 стр. 221: „а бояромъ къ полемъ и къ цѣлованью попомъ не присужати, обыскивати о всякихъ дѣлѣхъ обыскомъ“.—См. въ „Лекціяхъ по исторіи русскаго законодательства“ *И. Д. Вьялева*, изд. 1879 г. „О суевѣріяхъ“, стр. 547—549. Чародѣи и волхвы, прельщая народъ разными еретическими хитростями, предлагали поединщикамъ свои чудесническія пособія и по аристотелевымъ вратамъ и рафлямъ и звѣздамъ, показывали счастливые и несчастливые часы, прельщали людей, оттого и ябедники, надѣяся на чудесничество, не мирились, выходили на бой и побивались.

(„послушествомъ“), *вершити безъ поля и безъ цѣлованія*. „А досудятся въ которомъ дѣлѣ до поля, а станетъ бити челомъ отвѣтчиѣ, что ему стояти у поля не мочно, чтобъ присудили крестное цѣлованіе: *ино поле отстаивати*, а дати на волю истцу, хочеть самъ поцѣлуеть, или ему дастъ. А учнетъ бити челомъ ищца, ино потому жъ дати отвѣтчику на волю“ ³⁶). Съ того времени мѣстами началась отмѣна поединка.

Такъ, въ уставной двинской грамотѣ (сентябрь 1556 г.) читаемъ: „А судити выборнымъ судьямъ христьянъ по ихъ животомъ и по нашей уставной грамотѣ; . . . а судити имъ и *сыскивати во всякихъ дѣлахъ и управа чинити безъ полъ*“ ³⁷).

Въ другихъ грамотахъ, напримѣръ, уставныхъ Троицкаго монастыря, о полѣ упоминается даже въ 1590 году ³⁸). Во всякомъ случаѣ, въ концѣ XVI столѣтія „поле“ постепенно отмѣняется, какъ бы само собою начинаетъ угасать и въ началѣ XVII вѣка, кажется, совершенно исчезаетъ.

Упраздненіе поля, какъ судебного доказательства, повело въ усиленію наказаній свидѣтелей за ложныя показанія. Поле, какъ мы знаемъ, кормило не однихъ только приказныхъ людей, оно кормило наймитовъ, волхвовъ и чародѣевъ. Съ прекращеніемъ поля въ государствѣ сталъ развиваться классъ „ябедниковъ“, крайне не симпатичный въ народной памяти. Ябедники, говорятъ памятники наши, являлись въ суды по найму и проводили своихъ довѣрителей „лгали, говорили не по дѣлу, лаяли, оттягивали судъ“. И такихъ злыхъ людей,

---

³⁶) „Собр. важн. пам. по истор. древн. русскаго права“, стр. 273 и слѣд., II, 1, 8, 15. За ложныя показанія свидѣтелей определено наказывать какъ и въ разбойныхъ дѣлахъ, а именно—бить кнутомъ. Когда число солгавшихъ свидѣтелей будетъ значительное, то кнутомъ наказывали 5% или 6%. Бояре, дворяне и дѣти боярскіе отвѣчаютъ за ложныя показанія своихъ крестьянъ.

³⁷) Ак. археогр. эксп. I, № 250, стр. 272. Тоже и въ судн. грамотѣ удѣльнаго князя Владиміра Андреевича. *Былаетъ*.

³⁸) По мнѣнію Бѣляева (стр. 60 и 61), мѣстныя отмѣны поединка начались съ 1556 г.: уст. двинская грамота, въ акт. арх. эксп. т. I № 250, стр. 272; судн. грамота удѣльнаго князя Владиміра Андреевича. Напротивъ, въ устав. грамотахъ для сель Троицкаго монастыря 1560, 1580, 1590 встрѣчаются упоминанія о полѣ. Акт. археогр. эксп., т. I, стр. 278, 372, 420 №№ 255, 308 и 347.

послѣ навазанія внудомъ, ссылали въ украинскіе города— Сѣвскъ и Курскъ. Само правительство готовило въ степяхъ горючій матеріалъ для смутнаго времени. И этими ябедниками были дѣти боярскіе и боярскіе холопы ³⁹⁾.

Никакого не можетъ быть сомнѣнія, что распространение огнестрѣльнаго оружія со второй половины XVI столѣтія было главною причиною упраздненія „поля“, какъ судебного доказательства. Смертоносное оружіе поражало безъ разбора и сильнаго, и слабаго и богатаго, и бѣднаго. Теперь наймиты и чародѣи должны были обратиться въ иному, болѣе безопасному, но не менѣе прибыльному промыслу, и въ этомъ они нашли поощреніе въ суевѣрїи общества XVII столѣтія ⁴⁰⁾.

---

³⁹⁾ Многіе холопы боярскіе ходятъ въ доводахъ за своихъ государей (т. е. господъ) и *наймутся* въ судѣхъ у иныхъ, а *ябедами* и *кромолами* люди *протосятъ*, въ жалобищахъ пишутъ иски великіе и, что не довелось въ судѣхъ, лгутъ и говорятъ не по дѣлу, оттягая судъ, чтобъ надолго не вершится, или составляютъ кромолаи, поминая инныя прежнія дѣла „лаю“;... а тѣмъ злымъ людямъ, *дѣтямъ боярскимъ* и *холопамъ* и иныхъ чиновъ людямъ казни нѣтъ: и государь царь, что въ томъ укажетъ *Док. 1582 г.* Въ приговорѣ своемъ царь указалъ: ябедниковъ, кромольниковъ и составщиковъ по прежнимъ уложеніямъ не щадити; *золотій боярскикъ*, когда въ судѣ будетъ говорить не по дѣлу, *бивъ кнутомъ* отъ суда отсылати и впредь къ суду не пущати. А буде лаялъ—*бивъ кнутомъ доправитъ безчестіе безъ суда*. А назоветъ кого воромъ или кромольниковомъ и не доведетъ, самого казнити смертью, а кто въ судѣ жетъ и составитъ ябеду ино того казнити *торговою казнью, да написати въ казаки въ украинныя городки Сѣвскъ и Курскъ*. А наемнаго доводчика, который на судѣ продаетъ, взявъ деньги не договоритъ, казнити *смертью*, а кто подкупилъ—казнити *торговою казнью*.—Точно также установлены суровыя навазанія и на *дѣтей боярскикъ*, которыя бѣгавъ отъ службы, ходятъ въ суды за другихъ, занимаютъ ябедою, подаютъ великіе иски, а мирятся на маломъ. Такъ, за составъ и кромолаи *торговая казнь* и *ссылка въ казаки въ украинскіе города*, а по мѣстѣ и вотчины взявъ раздати роду его, а не будетъ ему рода—отдать безпомѣстнымъ. Съ судей (боярь, намѣстниковъ, казначеевъ, дяковъ), покровительствующихъ *ябедникамъ*, взяти истцовъ искъ, пошлины и протори, а въ искѣ, что государь укажетъ. *Лѣта 7090 (1582 г.) марта въ 12 день*. „Собр. важн. памят. по истор. русскаго права“ стр. 309—312.

⁴⁰⁾ Мѣста, гдѣ происходили судебныя поединки, до сихъ поръ сохраняются въ названіи разныхъ урочищъ, селъ и деревень словомъ *майдакъ* или *мейдакъ*; что на восточныхъ языкахъ означаетъ „поле“. Извѣстно, что у сербовъ и болгаръ до сихъ поръ мейдакъ именно означаетъ „поединокъ“. *Бяляевъ*, стр. 52 замѣтка П. А. *Безсонова*.

Потѣшныя и кулачныя бои.

Какъ *потѣшныя* бои съ дреколѣемъ, противъ которыхъ, какъ противъ обычая языческаго „эллинскаго“, возставало духовенство, лишавшее бойцовъ христіанскаго погребенія, что видно изъ слѣдующаго мѣста густынской лѣтописи: „позади же слѣпотою новгородцевъ, яко отголѣ (т. е. съ X вѣка) въ сіе время даже до нынѣ въ каждое лѣто на томъ мосту (Волховскомъ) люди собираются, *раздѣльшиися надвое, играюще* убиваются“, — такъ и *кулачныя бои*, зачастую оканчивавшіеся смертоубійствомъ, имѣли, повидимому, тотъ же характеръ.

Подобно турнирамъ нѣмцевъ, кулачныя бои русскихъ имѣли характеръ любимой забавы или *потѣхи*. На особенно отведенномъ мѣстѣ, называемомъ „поле“, собирався народъ, и молодежь публично вступала въ *единоборство*, показывая свою удалъ и силу. Вотъ что рассказываетъ о такихъ забавахъ въ XVI столѣтіи баронъ Герберштейнъ ⁴¹⁾. „Въ праздничныя дни молодые люди и мальчишки обыкновенно собираются въ городѣ на обширное и извѣстное всѣмъ (*celebris*) мѣсто, чтобы всѣ ихъ могли видѣть и слышать. Ихъ сзываютъ, подавая сигналъ свистомъ. Поэтому, сигналу они немедленно сходятся и вступаютъ въ рукопашный бой. Начинаютъ бой кулаками, и вскорѣ съ большою яростью колотятъ руками и ногами безъ разбору лицо, шею, грудь, животъ и дѣтородныя части, или споря между собою о побѣдѣ, стараются какимъ бы то ни было образомъ повалить другъ друга, такъ что часто уносятъ нѣкоторыхъ оттуда мертвыми. Кто побѣждаетъ большее число противниковъ, больше остается на мѣстѣ и мужественнѣе переноситъ удары, того хвалятъ передъ другими и онъ считается славнымъ побѣдителемъ. Этотъ родъ борьбы установленъ для того, чтобы юноши привыкли сносить побои и переносить терпѣливо всякіе удары“.

Въ теченіи XVI столѣтія кулачныя бои были еще въ большой модѣ, они забавляли суроваго царя Іоанна Ва-

---

⁴¹⁾ Барона Герберштейна Записки о Московіи, „*Regum Moscovit. Comment.*“ стр. 80 и 81.

сильевича. Всѣмъ извѣстна былина, воспѣтая знаменитымъ поэтомъ. Пространство для боя и для поединка обозначалось веревкою или цѣпью ⁴²).

Кулачные бои церковь относила также къ языческимъ забавамъ, считая ихъ „элинскю“ потѣхою, и въ XVII столѣтїи они подвергались энергическому запрещенію наравнѣ съ иными бѣсовскими забавами, а участники ихъ преслѣдовались наравнѣ съ ворожеями.

б) *Личныя оскорбленія по русской правдѣ, разнымъ уставамъ и судебникамъ.*

Первоначальные древнѣйшіе русскіе законы о личныхъ оскорбленіяхъ заимствованы изъ византійскихъ и скандинавскихъ источниковъ ⁴³). Въ уставѣ Владиміра къ церковному суду отнесены: а) *оскорбленія дѣйствиємъ ближайшихъ родственниковъ*: „зубояжа или сынъ отца бьетъ или мать дочья бьетъ, или свекровь“, б) *скаернословіе и брань*: „кто уречется свверными словы и прилагая отца и мать, или сестры, или дѣти“, „*уреканій три*: б....., и зели и еретичествомъ“, и в) *волхованіе и чародѣйство*: „вѣдовство, потвори, чародѣаніе, вѣихъвованіе, зельничество“. Тотъ же церковный уставъ въ редакціи Ярослава, при опредѣленіи взыскацій за обиду женщины, различаетъ сословія: „Аще кто пошибаетъ боярскую дочку или боярскую жену: за *соромъ* ей 5 гривенъ золота, а меньшихъ бояръ—гривна зо-

⁴²) „И велѣлъ (царь Иванъ Васильевичъ) растянуть цѣпь серебряную, чистымъ золотомъ въ кольцахъ спаянную. Оцѣнили мѣсто въ двадцать пять сажень для *оютничкаго боя, одиночнаго*“. *Лермонтовъ*.

⁴³) Второй отдѣлъ устава Владиміра—*правила о церковныхъ судахъ* составленъ по византійскому номаконону; послѣдній служилъ образцомъ первому. Уставъ этотъ служилъ источникомъ для всѣхъ послѣдующихъ уставовъ, опредѣлявшихъ отношеніе церкви къ обществу; на него ссылается московскій соборъ 1556 г. *Биллея* „Лекціи по истор. рус. права“, стр. 207, 209. Въ русской правдѣ встрѣчаемъ заимствованія изъ скандинавскихъ законовъ, см. Б. Утина „*Ueber die Ehrenverletzung*“, стр. 19 и приводимыя имъ цитаты. Русская правда, передѣланная на русскій ладъ, свидѣтельствуетъ о тѣхъ юридическихъ вѣрованіяхъ, коими жило русское общество того времени. *Биллея*, стр. 219.

лота, а нарочитыхъ людей три рубля; а простой чади— 15 гривенъ“. Еще опредѣленнѣе это различіе установлено за оскорбленіе женщины (мужней жены) названіемъ „б.....“: за жену великихъ бояръ—за соромъ ей 5 гривенъ золота, а будетъ меньшихъ бояръ—за соромъ ей 3 гривны золота, а будетъ городскихъ людей—за соромъ ей три гривны серебра, а сельскихъ людей—за соромъ ей гривна серебра⁴⁴⁾). Таже плата назначалась въ пользу митрополита. Кромѣ того, за обиду болѣе тяжкую опредѣлялось уголовное наказаніе по распоряженію свѣтской власти: „а князь казнить“.

Въ древнѣйшихъ законахъ, заимствованныхъ изъ Византіи, мы уже встрѣчаемся съ оскорбленіемъ словомъ (поноснымъ, оскорбительнымъ) и подобныя оскорбленія подлежали разбирательству духовной власти.

Въ русской же правдѣ, которая, за малыми исключеніями, отличается чисто славянскимъ характеромъ, оскорбленіе словомъ, напримѣръ брань, не считалась личною обидою, по крайней мѣрѣ о такой обидѣ въ ней не упоминается. Въ русской правдѣ разбираются различнаго рода побои и тѣлсныя поврежденія, на которыя оно смотритъ, какъ и въ статьяхъ объ убійствѣ, какъ на права частной мести. Обиженному предоставлялось на выборъ—или мстить обидчику или взыскать съ него деньги за *обиду*, за *соромъ*, т. е. за безчестье⁴⁵⁾.

---

⁴⁴⁾ Собр. важн. памят. по истор. древн. русск. права, стр. 396, 399, 401.

⁴⁵⁾ Законы о личныхъ оскорбленіяхъ по русской правдѣ разсмотрѣны Б. Утинымъ, П. Ланге и Бѣляевымъ въ вышеназванныхъ сочиненіяхъ. По мнѣнію Бѣляева (лекціи стр. 231), статьи о личныхъ оскорбленіяхъ въ русской правдѣ изданы въ отмѣну статей суднаго закона, несогласныхъ съ духомъ общества. Въ нихъ поддерживается право мести; но Ярославъ не могъ уже воплѣтъ отрѣшиться отъ византійскаго права и обратиться къ старымъ русскимъ обычаямъ. По старымъ русскимъ обычаямъ въ дѣлахъ по личнымъ оскорбленіямъ судебными доказательствами были знаменіе (знаки отъ побоевъ) и рота (присяга). Ярославъ отмѣнилъ роту и ввелъ новое судебное доказательство, чисто византійскаго происхожденія—свидѣтелей или *видоковъ*“. О томъ, что личное оскорбленіе считалось „безчестіемъ“ и относилось къ тѣмъ правонарушеніямъ, которыя означали обиду, разъясняетъ Б. Утинъ, стр. 23 и 34. Онъ ссылается на судебникъ царя Константина, въ ст. о *сварѣ* и т. д.

Всякое преступленіе противъ личности по древнимъ русскимъ законамъ считается *обидою* и этимъ словомъ въ обширномъ смыслѣ выражается *неправа*. Такое обобщеніе встрѣчаемъ и на другихъ языкахъ (латинское—*Injuria*, скандинавское—*Wildas*). Русская правда не дѣлаетъ различія между тѣлесными поврежденіями и оскорбленіемъ дѣйствиємъ, и облагаетъ тѣ и другія извѣстною платою. Къ оскорбленіямъ *дѣйствиємъ* она относитъ: 1) ударъ мечомъ, безъ обнаженія его, или рукояткою (ст. 18); 2) ударъ батономъ, чашею, рогомъ, тылѣсиною (ст. 20); 3) ударъ мечомъ съ нанесеніемъ раны (ст. 24); 4) простой толчокъ „аже попхнеть мужъ мужа, любо къ себѣ, ли отъ себе“ (ст. 25); 5) ударъ по лицу (вѣроятно рукою), (ст. 25); 6) ударъ жердью (ст. 25); 7) выбитіе зуба съ кровотеченіемъ „а кровь видать оу него во ртѣ“ (ст. 61); 8) „кто порветъ бороду“ (ст. 60). Предусматривается *угроза*: „Аже ли вынезъ мечъ, а не оутнетъ“ (ст. 19). Къ особому виду личной обиды относится нанесеніе удара (какого бы ни было) холопомъ свободному мужу. Затѣмъ, къ личнымъ же оскорбленіямъ отнесены *тѣлесныя поврежденія* или *раны*: 1) отсѣченіе перста (ст. 22); 2) отсѣченіе или поврежденіе руки или ноги (ст. 21); 3) поврежденіе глаза (ст. 21).

За всѣ означенныя личныя обиды опредѣлялась денежная плата обыкновенно на гривны, по количеству которыхъ мы можемъ различать большую или меньшую тяжесть обиды ⁴⁶⁾.

⁴⁶⁾ Высшею монетою была *гривна*. Гривна сначала означала вѣсъ металла—золота или серебра, и почти равнялась нинѣшнему фунту. Въ то же время она означала и монету, равную греческой литрѣ, котора вѣсила на нашъ вѣсъ 72 золотника, а по старинному вѣсу 68 золот. Гривна серебра содержала въ себѣ 4 гривны кунъ (такъ и въ договорѣ Смоленска съ Ригою 1230 года). Но это отношеніе не всегда было одинаково. Въ уставѣ Владиміра отношеніе между ними было какъ 1: 7, или какъ 1 къ $7\frac{1}{2}$. Въ этомъ же уставѣ въ золотой гривнѣ считалось 50 гривенъ кунъ. Но гривна золота не была ходячею монетою. Кунами назывались монеты въ нашъ полтинникъ величиною, только нѣсколько тоньше его. До XII столѣтія въ гривнѣ было 25 кунъ, а съ XII—уже 50 кунъ, то есть 200 монетъ, называемыхъ кунами, составляли гривну серебра. *Платъ* въ гривнѣ 20; выверецъ или векшъ въ ринѣ 900. Новгородскія деньги были почти вдвое тяжелѣе низовыхъ, въ новгород-

Въ побояхъ тяжкихъ виновный платитъ продажи по 12 гривенъ, въ побояхъ легкихъ—по 3 гривны; за побои въ дракѣ платится меньше 3 гривенъ, если не было никакихъ знаговъ на тѣлѣ. Но во всякомъ случаѣ зачинщикъ драки не получалъ платы за обиду (ст. 23). Взаимная обида не наказуема, что видимъ изъ выраженія въ ст. 20: „не терпяше противу тому (кто нанесетъ ударъ чѣмъ либо) оударитъ мечемъ, то вины ему въ томъ нетуть“.

Тяжею обидою считалось вырваніе клокa волосъ изъ бороды, напротивъ ударъ по лицу отнесенъ въ легкой обидѣ. Древній человекъ дорожилъ болѣе всего благообразностью своего лица. За выбитый зубъ съ кровотеченіемъ, что считалось тяжелой обидой, обиженному платилась гривна, какъ вознагражденіе за увѣчы (на леченіе) ⁴⁷⁾.

Что же касается до ранъ и тѣлесныхъ поврежденій, то въ Русской правдѣ противопоставлено два лица, получавшія плату: одно лицо — самъ обиженный, а другое лицо былъ князь. „Аже персть аутнетъ (кли) либо 3 гривны продажѣ, а самому гривна коунъ“ (ст. 22). Въ пользу обиженного опредѣляется небольшая плата: за отсѣченіе пальца гривна кунъ, за отсѣченіе руки и проч. 10 гривенъ, т. е. меньше чѣмъ за ударъ мечомъ. Полагають, что гривна и 10 гривенъ (ст. 21 и 22) была *добавочною платою*, сверхъ опредѣленной въ предъидущихъ статьяхъ платы за безчестье, и эта плата назначалась какъ за лѣчебное и за увѣчы (ср. ст. 24).

Получившій ударъ, когда не было на тѣлѣ знаговъ „еще ли

ской гривнѣ серебра считалось не 4, а $7\frac{1}{2}$ гривенъ кунъ, какъ и въ уставѣ Владиміра Святаго. Гривны дѣлались изъ чистаго серебра, мелкія монеты—изъ свѣсаго металловъ. *Биллетъ*, „Лекціи“, стр. 200—202.

⁴⁷⁾ Въ чью пользу шла продажа по спискамъ Правды судить трудно. Ланге въ своихъ толкованіяхъ (Журн. мин. народ. просвѣщ. 1859 г., апрѣль, стр. 166 и 167) старается доказать, что за обиду дѣйствиетъ вознагражденіе за „обиду“, „соромъ“, шло въ пользу обиженного, а за рану и тѣлесное поврежденіе оно опредѣлялось и въ пользу князя — какъ продажа, и въ пользу пострадавшаго — какъ безчестье. См. объ этомъ же предметѣ сужденіе Утина. Это различіе въ платѣ *нени* въ пользу князя, *безчестья* и *увѣчья*—въ пользу потерпѣвшаго, ясно можно различать лишь въ позднѣйшихъ памятникахъ русскаго права.

не будет на немъ знамени“, долженъ былъ привести въ судъ свидѣтелей и, по разслѣдованію, зачинщикъ драки платилъ 60 кунъ ($1\frac{1}{5}$ гривны); если же виновный не могъ привести свидѣтелей, то искъ прекращался. *Рота* или присяга Ярославоу сохранена только въ томъ случаѣ, когда обиженнымъ былъ Варягъ или Колбягъ, потому вѣроятно, что ни въ Скандинавіи, ни въ Помераніи не было введено еще христіанства и Ярославу не хотѣлось подчинять язычниковъ христіанскимъ законамъ (*Бяляевъ*, стр. 232).

Русская правда ясно различаетъ людей свободныхъ отъ несвободныхъ. Когда холопъ ударить свободного мужа, а господинъ его не выдастъ, то обиженный получаетъ за безчестіе 12 гривенъ; но если господинъ поймаетъ ударившаго его холопа, то можетъ его убить. Это постановленіе Ярослава, при его сыновьяхъ, смягчено въ томъ смыслѣ, что для удовлетворенія своей мести, господинъ, поймавши холопа, могъ его побить и отпустить („любо бити и развязавше“), или взять гривну кунъ за соромъ (бечестіе). Въ личныхъ обидахъ по Русской правдѣ всѣ свободные получаютъ одинакое удовлетвореніе, между тѣмъ въ опредѣленія виры за убійство различаются прежде всего два класса: *княжи мужи* и *бояре*, принадлежавшіе къ высшему разряду дружины, и всѣ прочіе (кромѣ рабовъ), подъ общимъ собирательнымъ именемъ *смердъ русинъ* или *гридь*, т. е. младшая дружина, купецъ, мечникъ, изгой, боярскій тиунъ, словѣнникъ. Все это были люди свободные; за голову каждаго изъ нихъ положено 40 гривенъ, а если некому будетъ мстить за князя мужа „то положить за голову 80 гривенъ“. Между тѣмъ за убійство холопа пеня опредѣлялась въ зависимости отъ значенія его господина, а именно отъ 12 до 5 гривенъ, а за рабу—6 гривенъ. Въ опредѣленіи платы за оскорбленіе женщины свободныхъ состояній, какъ мы видѣли, въ церковныхъ законахъ различались ясно четыре класса: *великіе бояре*, *меньшіе бояре*, *городскіе люди* и *сельскіе люди*. Замѣтимъ еще, что въ русской правдѣ встрѣчаются статьи, въ которыхъ опредѣлена пеня за муку и истязаніе: *огнищанина*, *тиуна*, *мечника*, или про-

стаго человекѣа, смерда (но не холопа)—*безъ княжескаго приказанія*. Слѣдовательно, по приказанію князя и свободные люди могли подвергаться наказанію ⁴⁸⁾.

Общественная жизнь въ древней Руси была нѣсколько развита только въ извѣстномъ кругу людей свободныхъ; люди несвободные—холопы или рабы, были не болѣе какъ вещью. Господинъ могъ убить холопа безнаказанно. Языческіе обычаи сохраняли жизненную силу и церковь имѣла еще слабое вліяніе на юридическій бытъ Россіи. Съ одной стороны съ трудомъ прививались византійскіе законы о судѣ, съ другой—христіанство не могло устранить „отеческихъ“, собственно языческихъ обычаевъ; въ XV столѣтіи поле или судебный поединокъ получили даже государственную санкцію, а духовныя власти въ XVI в. продолжали бесплодную борьбу съ волхвами и чародѣями.

Въ продолжительный періодъ времени отъ XII до конца XV столѣтія, обстоятельства не могли благопріятствовать общественному развитію народа, частію вслѣдствіе междоусобій удѣльныхъ князей, частію вслѣдствіе вліянія монгольскаго владычества. Изъ духовныхъ посланій видимъ печальное состояніе нравственности въ народѣ. За этотъ длинный періодъ времени сохранилось только нѣсколько юридическихъ актовъ, имѣющихъ нѣкоторое отношеніе къ вопросу о личныхъ обидахъ ⁴⁹⁾. Въ договорѣ съ нѣмцами 1229 г. предусматри-

---

⁴⁸⁾ Русская правда (списокъ Троицкій): „А въ холопѣ и въ рабѣ виры нѣтуть; но оже будетъ безъ вины оубиенъ то за холопѣ оурокъ плагити, или за рабу, а князю 12 гривень продаждѣ. *Собр. важн. пам. по исторіи древ. русск. права. Русская правда*, стр. 55, 56, 65. Тамъ же другіе списки русской правды и церков. уст. Владиміра св. и Ярослава I (1051—1054). Сужденія В. Утина, Н. Ланге и Бьллева. См. еще *Соловьева*: Исторія Россіи ч. I. Особенно *Калачова* „Исслѣдованіе о русской правдѣ“ 1846 года.

⁴⁹⁾ Договоръ смоленскаго князя Мстислова Давыдовича съ городомъ Ригю и Готскимъ берегомъ, въ 1228 и 1229 годахъ. *Собр. важн. пам. по ист. древ. русск. права*; п. III, ст. 1, 2, 3, 4. Уставная двинская грамота вел. кн. Василія Дмитріевича, тамъ же стр. 145. *Акты археогр. эксп.*, I, № 13.—Посланіе митрополита Іоны верейскому князю Михаилу Андреевичу, послѣ 1450 г., объ обидѣ митрополичьяго десятичника. *Акты истор.*, I, № 50. Запись новгородская о церковномъ

ваются—ударъ до крови, ударъ по лицу, или батоюмъ, тѣлесныя поврежденія, схватка за волосы. Сумма платежа за безчестье увеличивалась или уменьшалась смотря по важности тѣлеснаго поврежденія и значенію лица; такъ, за ударъ до крови опредѣлялось полторы гривны, за выбитый глазъ, отсѣченіе руки, ноги—по 5 гривенъ. Священникъ за обиду получалъ вознагражденіе вдвое болѣе свободного мужа; вознагражденіе холопа за побои и тѣлесныя поврежденія было ничтожное. Но эти постановленія имѣли, кажется, мѣстный характеръ. Въ двинской грамотѣ 1398 г. встрѣчаемъ постановленіе объ оскорбленіи *словомъ* только въ отношеніи бояръ; за оскорбленіе боярина платилось ему безчестье по его *отчестю*, т. е. по значенію рода. За побои вообще, съ причиненіемъ раны или синяковъ, въ грамотѣ опредѣлялось безчестье: за кровавую рану—30 бѣль, за синюю рану 15 бѣль, „а вина противу того“, т. е. пеня шла въ пользу князя. Холопы, по прежнему, не состояли подъ покровительствомъ законовъ: „А кто осподарь огрѣшитя ударить своего холопа или робу, а случится смерть, въ томъ намѣстници не судать, ни вины не емлютъ“. Спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ, именно въ 1477 г., видимъ, что въ новгородской судной записи вознагражденіе за нанесеніе побоевъ крестьянину опредѣлено было въ *одимъ рубль*, сколько бы ни было участниковъ въ дракѣ; но кто вырветъ бороду, тотъ платить за бой и бороду *два рубля*: „ино за бороду присуждати два рубля за бой“. За безчестье менѣе рубля не присуждалось пени, но исъ за безчестье могъ быть и менѣе рубля ⁵⁰⁾.

судъ, ранѣ 1477 г. *Акты археогр. эксп.* I, № 103. Губная (установная) московская запись ранѣ 1486 г. *Акты археогр. эксп.* I, № 115. Жалованная грамота вел. кн. Иоанна Васильевича костромскому намѣстнику боярину Судимонту, 1499 г. *Акты ист.*, I, № 110.

⁵⁰⁾ Такъ въ губной московской записи читаемъ: „а пересуда идетъ съ рубля по десяти денегъ, а меньши рубля пересуда нѣтъ; а кто учнетъ безчестія искать то со всякого пересудъ“. Изъ этихъ словъ Ланге заключаетъ, „что такіе искъ о безчестіи въ это время уже начались со стороны простолюдиновъ, вслѣдствіе непригожихъ словъ“, иначе за какое безчестье могли взыскивать менѣе рубля, когда

Постановленія эти мало содержательны, по нимъ нельзя составить опредѣленнаго заключенія. Видимъ только, что въ обществѣ XV стол. уже зарождалось понятіе о личной обидѣ *неприложимъ, непристойнымъ словомъ* и что поднималось значеніе низшаго класса людей—холоповъ.

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о родовой чести, гдѣ каждое лицо основываетъ свои притязанія на почетъ и первенство не на своемъ внутреннемъ достоинствѣ, но на своихъ кровныхъ связяхъ и на значеніи своей породы, перейдемъ къ судебнику царя Іоанна Васильевича, какъ важнѣйшему изъ постановленій XVI стол., гдѣ за личную обиду опредѣлено въ пользу обиженнаго денежное вознагражденіе—въ соотвѣтствіи съ *окладомъ жалованья* или *доходомъ отъ кормленія*. На основаніи этого закона, получившаго широкое приложеніе и подробную регламентацію въ соборномъ уложеніи 1649 г., почти до нашихъ дней, до 1851 г., полагалось за обиду чиновнаго лица взыскивать годовой окладъ его жалованья (Спасовичъ).

Сущность постановленій Судебника о безчестіи состоитъ въ томъ, что *каждому разряду лицъ присвоена честь, отличная отъ чести людей всѣхъ другихъ разрядовъ*; безчестіе уменьшается по мѣрѣ увеличенія разстоянія людей даннаго разряда отъ царя, какъ источника всякой чести въ государствѣ. Таково происхожденіе чести *чиновной*, которая противопологалась чести *родовой*, основанной на породѣ.

Сперва замѣтимъ, что жители московскаго государства въ первое время единодержавія дѣлились на *служилыхъ людей* и *неслужилыхъ*, или, какъ ихъ называли въ актахъ,

---

за побой назначался одинъ рубль“. Журн. мин. народ. просв. 1859 г., апрѣль-стр. 172. Но такой выводъ не вытекаетъ изъ существа текста названнаго акта. „Безчестіе неприложимъ словомъ“ или собственно „лай“ въ XV стол., пожалуй, могли понимать въ смыслѣ оскорбленія чести развѣ только высшіе разряды служилыхъ, особенно когда дѣло касалось чести ихъ рода, по расчетамъ мѣстничества.—Мы видѣли, какихъ усилій стоило духовенству, чтобы внушить своей паствѣ необходимость вручать своихъ дѣтей избѣгать употребленія неприличныхъ выраженій, а это было уже въ XVI столѣтіи!

прил. къ ж. гр. и уг. пр. кн. III 1889 г.

3

жилицкихъ людей. Къ служилымъ относились: а) *духовенство*, высшіе члены котораго назывались властями; б) *дворянство*, названное такъ въ 1566 г.; оно образовалось изъ старшихъ дружинниковъ, бояръ и удѣльныхъ князей, поступившихъ на службу московскому государю, и дѣлилось на: 1) *московскихъ дворянъ*, 2) *жилицовъ* и 3) *городовыхъ дворянъ*; в) *боярскіе дѣти*, переименованные въ 1566 г. изъ младшей дружины и дворянъ. Дворяне занимали высшія должности при государевомъ дворѣ, въ администраціи и войскѣ; изъ болѣе знатныхъ родовъ назначались ко двору: бояре, окольничіе, стольники, стряпчіе. Дѣти боярскія занимали низшія должности въ войскѣ и во всѣхъ управленіяхъ. Далѣе были *служилые люди по прибору*: стрѣльцы, пушкари, городовые казаки и проч. Къ *неслужилымъ* или *жилицкимъ* людямъ отнесены: 1) *городскіе или посадскіе люди* (гости, торговые люди, суророжане и суконники, торговые люди черныхъ сотенъ); 2) *сельскіе или уездные жилицкіе люди* подъ общимъ именемъ *крестьянъ*. Кромѣ того былъ еще значительный классъ *государевыхъ людей*, ничѣмъ не обязанныхъ государству и составлявшихъ какъ бы пролетаріатъ.

Въ царскомъ Судебникѣ, при опредѣленіи денежнаго штрафа за безчестіе, принята въ соображеніе эта группировка служилыхъ и неслужилыхъ людей московскаго государства. Дѣтямъ боярскимъ, за которыми кормленіе, безчестіе указывать по количеству получаемаго дохода, а которымъ полагается денежное жалованье, то окладъ его и служить мѣрою для вознагражденія за безчестіе. Дьякамъ палатнымъ и дворцовымъ безчестіе указываетъ самъ царь и великій князь. Затѣмъ безчестіе гостямъ— 50 рублей, торговымъ людямъ и посадскимъ— 5 рублей, боярскому человѣку— 5 рублей, тіуну боярскому или доводчику и праветчику безчестіе—противъ ихъ дохода. Наконецъ, крестьянину папешному и непашенному, боярскому человѣку молодчому или черному городскому— безчестія рубль. „А за увѣчіе указывать крестьянину, посмотри по человѣку и по увѣчью и по безчестію, и всѣмъ указывать за увѣчье посмотри по человѣку и по увѣчью“. Женамъ озна-

ченныхъ лицъ, по всѣмъ категоріямъ, отъ боярскаго сына до крестьянина, безчестіе опредѣлять вдвое противъ доходовъ или окладовъ мужа.

Эта табель съ таксою за безчестіе постепенно дополнялась въ XVI и XVII столѣт., по мѣрѣ образованія новыхъ группъ служилыхъ и неслужилыхъ людей, и спустя сто лѣтъ, въ Уложеніи 1649 г., уже составила сложную систему денежной таксы, служившей основаніемъ для иска за безчестіе въ судѣ.

Въ постановленіяхъ Судебника важно то обстоятельство, что государство беретъ подъ защиту и личность крестьянина, т. е. что холопъ перестаетъ быть вещью; честь его однако очень низка, и чѣмъ ниже были люди по своему общественному положенію, тѣмъ меньше цѣнилась и ихъ честь, тѣмъ меньшая назначалась плата за ихъ безчестіе. О безчестіи боярина въ Судебникѣ не упоминается, но изъ частныхъ случаевъ назначенія штрафа видимъ, что ему опредѣлялось за безчестіе 600 рублей, слѣдовательно его честь цѣнилась въ 600 разъ дороже чести крестьянина ⁵¹⁾). За *увѣчье*, т. е. за раны и тѣлесныя поврежденія опредѣлялась особая плата, смотря по свойству поврежденія и по значенію человѣка „смотря по человѣку и увѣчью“. Теперь безнаказанно нельзя было бить и увѣчать холопа.

Судебникъ, однако, не говоритъ, въ чемъ именно состояла обида, дававшая право на искъ о безчестіи. Это обстоятельство опредѣлялось, безъ сомнѣнія, обычаемъ. Изъ другихъ статей Судебника и изъ дополнительныхъ указовъ, вышедшихъ въ царствованіе Іоанна IV, видимъ, что въ теченіи XVI стол., понятіе безчестіе или вознагражденіе за обиду значительно расширилось какъ въ объективномъ и субъек-

---

⁵¹⁾ Акты Арх. Эксп. I, № 280, приговоръ 1571 г. о безчестіи дьяка Василія Щелкалова и его жены; съ подьячаго Улана Айгустова, который былъ подвергнутъ пыткѣ, взыскано 600 рублей, изъ нихъ 200 рублей за безчестіе дьяка, а 400 р. его жены. Акты Арх. Эксп. I, № 180. За безчестіе боярина Василія Ивановича Темкина опредѣлено взыскать 600 рублей на печатникѣ Иванѣ Михайловѣ, и на немъ же 200 рублей за безчестіе дьяка Василія Щелкалова.

тивномъ отношеніяхъ, такъ въ самомъ существѣ обиды, подѣ которою понималось не только личное оскорбленіе, но вообще всякая неправда во взаимныхъ отношеніяхъ между людьми⁶²). Безчестіе наносилось „лаемъ“ или непригожимъ словомъ, побоями, тѣлеснымъ поврежденіемъ; оно наносилось также несправедливымъ обвиненіемъ въ судѣ, ложнымъ свидѣтельствомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, сверхъ взыскапія денежнаго за безчестіе, опредѣлялось уголовное наказаніе. Эти случаи, однако, весьма ограничены, если оставить въ сторонѣ безчестіе по поводу мѣстническихъ споровъ, о чемъ будемъ говорить ниже, въ главѣ о „родовой чести“. Замѣтимъ только, что духъ мѣстничества проникалъ и въ среду духовныхъ властей.

Вообще, изъ постановленій Судебника о безчестіи и многихъ частныхъ случаевъ оскорбленія, замѣчаемъ, что тогда не различали личныхъ оскорбленій отъ обидъ по службѣ, собственной личности не могли отдѣлять отъ званія, которое носили. Извѣстный чинъ, принадлежность лица извѣстному разряду служилыхъ или неслужилыхъ, какъ и принадлежность лица къ роду по отечеству, были какъ бы природою человѣка, обращая видѣшнюю форму во внутреннее содержаніе его личности, въ его „я“. Субъективная сторона

⁶²) Судебникъ 1550 г., ст. 25, 27, 31, 70. Кромѣ того ст. 6 за ложное показаніе на боярина, окольниковъ, дворецкого, казначая, дьяка, подьячаго (объ обвиненіи его не по суду), виновный „сверхъ его вины“, (т. е. сверхъ платы за безчестіе), подвергался торговой казни кнутомъ и заключенію въ тюрьму. *Ак. Ист.* т. I, № 165, также и въ судной грамотѣ Владиміра Андреевича, *Ак. Арх. Эксп.* I, № 257, въ августѣ 1556 г. постановлено взыскать двойное безчестіе въ пользу тѣхъ людей, которые подвергались пыткѣ, вслѣдствіе ложнаго показанія. *Ак. Ист.* I (№ 154 XX), за несправедливый „лай“ въ судѣ бить кнутомъ и править безчестіе безъ суда (т. I, № 216). Въ 1584 г. рязанскій архіепископъ Леонидъ жаловался государю на ростовскаго архіепископа Евенія за то, что тотъ „съ собою ѣсти съ блюда не далъ и меня конечно позоровал“, и за то, что насъ „Осифовскихъ пострижниковъ, называетъ не Осифяны, но *жидовляны*“ (т. II, № 12, 13). Въ 1599 г. пьяный казакъ приходилъ къ царевичамъ (семейства Кучюма), жившимъ въ Радонежѣ, въ ночи пьяный, бранился и лаялъ царевичей материн, и что вообще казаки не слушали Воейкова и ходили къ царевичамъ безчино. Въ царской грамотѣ объявлено казакамъ, что еси они учнутъ царевичей безпокоить, и имъ бить „казненными смертію“.

чести опредѣлялась отнюдь не внутренними достоинствами, а только принадлежностью лица къ извѣстному классу или разряду людей. Честь была, такъ сказать, стадная, гуртовая. Всего рельефнѣе она выразилась въ институтѣ мѣстничества и эти общія начала законодательства XVI стол. получили широкое развитіе въ слѣдующемъ XVII столѣтіи.

Но сперва намъ необходимо ознакомиться съ понятіемъ о чести въ сосѣдней Литовской Руси, такъ какъ Литовскій Статутъ служилъ серьезнымъ матеріаломъ для развитія постановленій о личныхъ оскорбленіяхъ въ Соборномъ Уложеніи, главномъ памятникѣ русскаго законодательства эпохи, заканчивающей многовѣковой періодъ древней исторіи Россіи.

Преступленія противъ чести по Литовскому Статуту.

Въ Литовской Руси такъ называемая *шляхетская честь* основана была на субъективныхъ, чисто сословныхъ преимуществахъ. Въ XVI стол. литовское государство находилось уже подъ сильнымъ давленіемъ латино-польской цивилизаціи и господа (великіе князья) литовскіе щедро надѣляли дворянъ, бывшихъ русскихъ бояръ и дѣтей боярскихъ, тѣми „вольностями“, или преимуществами, какими пользовалась польская шляхта или „рыцарство“. „*Шляхетская честь*“ въ статутѣ ограждается прочными привилегіями: господарь обѣщаетъ за себя и за потомство— „и жъ все рыцарство шляхту великаго князства при вольностяхъ ихъ звычыхъ, которые отъ насъ, господаря, и отъ предковъ нашихъ имъ суть наданы, будемъ повинни заховати и держати, тежъ каждый шляхтичъ оселый (осѣдлый) подле права не позваный и не поконаны правомъ, отъ насъ, господаря, и отъ жаднаго вроду (суда) иманъ (взять) и везенье (въ заключеніе) сажонъ быть не маеть; окромѣ причинъ въ инъшихъ артикулахъ сего статуту поменныхъ“⁶³).

⁶³) *Статутъ великаго князства литовскаго* 1588 г. (т. е. 3-й), изд. Времен. общ. ист. и древн. рос. 1854 г. Согласно съ изданіемъ Мажоничей. Раздѣлъ 1, арт. 10.—Было три изданія литовскаго статута. Въ 1522 г. собраны въ одну книгу

По литовскому статуту объектомъ личныхъ обидъ, повидимому, могли быть исключительно люди *шляхетнаго рода*, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—лица духовнаго званія, ихъ жены и дѣти, и горожане, но только не крестьяне.

Если кто назоветъ дворянина (шляхтича) недворяниномъ, а названный докажетъ (представленіемъ надлежащихъ свидѣтелей изъ дворянъ), что онъ дѣйствительно шляхетскаго рода, тогда оскорбитель, если онъ самъ дворянскаго происхожденія, подвергается за такую дерзость (неповстегливую мову) заключенію въ крѣпости (въ замкѣ) на двадцать не-

---

распоряженія прежнихъ государей и древніе обычаи литовско-русскіе; это уложеніе, пересмотрѣнное въ Вильнѣ въ 1524 г., и, затѣмъ дополненное, принято литовскими сословіями, утверждено великимъ княземъ въ 1529 г. и получило обязательную силу съ 1 января 1530 г. Собраніе законовъ, подъ названіемъ *перваго* или *стараго статута литовскаго*, состояло изъ XIII раздѣловъ; писано на русскомъ языкѣ, въ 1532 г. переведено на латинскій и польскій языки (Ярошевичъ, „Образъ Литвы“ II, стр. 193). Вскорѣ явилась надобность пополнить его новыми узаконеніями, вслѣдствіе новыхъ правъ, данныхъ шляхетству. Съ 1544 г. надъ статутомъ работало 10 комиссаровъ, составившихъ 10 новыхъ статей, и затѣмъ, послѣ дополненій на сеймахъ, появилось въ 1564 г. *второе изданіе статута*, называемаго *волинскимъ*. Соединеніе Литвы съ Польшею на люблинскомъ сеймѣ вело къ большимъ перемѣнамъ въ законодательствѣ; требовались новыя пересмотры и дополненія статута; послѣ люблинской уніи многое уже негодилось. Для пересмотра прежняго статута назначено 14 комиссаровъ, подъ предсѣдательствомъ епископа Валеріана Протасевича и, наконецъ, 23 января 1588 г. статутъ былъ утвержденъ Сигизмундомъ III и напечатанъ въ Вильнѣ на русскомъ языкѣ въ типографіи Бузымы и Льва Мамоничей. Первые же два статута вовсе не были изданы на русскомъ языкѣ. На польскомъ языкѣ третій статутъ изданъ лишь въ 1614 году, т. е. черезъ 25 лѣтъ послѣ русскаго изданія. Третій статутъ сохранилъ свою силу въ западныхъ губерніяхъ до 9 сентября 1840 г., когда замѣненъ русскимъ сводомъ законовъ. И такъ, оригиналы всѣхъ трехъ статутовъ написаны были на русскомъ языкѣ. Перепечатки польскихъ изданій третьяго литовскаго статута іезуитами въ 1647, 1693, 1744 и 1786 г. сдѣланы съ искаженіями. Въ составъ литовскаго статута, кромѣ русскихъ древнихъ законовъ (Русской правды и проч.), вошли: римское право, тевтонское и рыцарское право, магдебургское нѣмецкое право и саксонское зеркало. Подробныя свѣдѣнія объ исторіи литовскихъ статутовъ у Ярошевича: „Образъ Литвы“, ч. II, гл. XII: Prawodawstwo Litwy, стр. 127—148. Даниловичъ „Opis bibliograf. Stat.“ Денн. Виленскій 1823 г., т. 2, стр. 2. Антоній Соновскій: „Wiadomosc o drugim Statucie“. Денн. Виленскій 1822 г. № 6, стр. 20. Линде: „Wiadomosc o Stat. Litew.“, стр. 193. Кукольникъ: „Историческія замѣтки о Литвѣ“ 1846 г., стр. 82. Кромѣ того, въ Юрид. Записк. изд. 1841 г. Рьдкина, статья Даниловича: „Взглядъ на литовское законодательство и литовскіе статуты“.

дѣль и уплатъ обиженному двойнаго штрафа за *безчестіе* (совито навезати); но если обидѣвшій шляхтича принадлежалъ къ простому роду (т. е. не былъ шляхтичемъ), то судъ „велитъ палачу привести его къ столбу, сѣчь его тамъ розгами и послѣ выгнать изъ города“. Во время же веденія его изъ суда къ позорному столбу и изгнанія изъ города судъ прикажетъ обнародовать, что онъ „такими словы на шляхтича торгнулъ“ (т. е. говорилъ на дворянина такія слова).

На основаніи польскихъ законовъ [статута 1420 г.], если кто кого обезчеститъ словомъ и въ томъ станетъ заператься, то обязанъ очиститься присягою; то же самое и по литовскому статуту. Если же дворянинъ, каковаго бы ни былъ званія (*ибо всѣ дворяне отъ вельможа до бѣднѣйшаго шляхтича равны между собою*), въ глаза скажетъ другому дворянину какое либо порицаніе на счетъ его дворянства, или коснется его чести и добраго поведенія и передъ судомъ въ томъ запрется, то опороченный не долженъ считать себя оскорбленнымъ и не обязанъ искать удовлетворенія на отрекшемся отъ своихъ словъ [„кто ничего шкодити не маеть, а онъ того справоватисе не будетъ повиненъ, и тая примовка (значить: оскорбленіе) долей на того, хто се запрець не маеть быти довожена“]. Но если подобнаго рода порицаніе въ глаза будетъ повторено, то поноситель, хотя бы отрекался отъ своихъ словъ, имѣетъ быть наказанъ *шестинедѣльнымъ заключеніемъ въ замкъ*. А кто такому опредѣленію станетъ противиться, то обязанъ заплатить обиженному („винной сторонѣ“) 50 копѣ грошей и затѣмъ, по истеченіи четырехъ недѣльнаго срока на позывъ въ судъ, долженъ высидѣть шесть недѣль въ заключеніи. На *заочное опороченіе* („о заочную примовку“) жаловаться никто не долженъ, ибо опороченіе остается на томъ, кто заочно честнаго человѣка порицаетъ, а добронравному человѣку непристойно поносить честнаго [„бо доброму человѣку не годить се легко говорити о почтивомъ“].

Если дворянинъ скажетъ другому дворянину, что „ты не учтывое [нечестной] матъки и нечистаго ложа [незаконно-

рожденный] сынъ“, то обидчикъ долженъ заплатить безчестья 80 копъ грошей и передъ тѣмъ же судомъ извиниться въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „што есьми менилъ на тебе, же бы ты былъ неучъстивое матъки и нечистаго ложа сынъ, томъ на тебе брехалъ яко песъ“ (т. е. лаялъ на тебя какъ собака); но если обидчикъ заупрямится и не пожелаетъ извиниться передъ судомъ, то обязанъ заплатить обиженному *50 копъ грошей безчестія*, а по истеченіи четырехъ недѣльнаго срока, назначаемаго на позывъ къ суду, подвергается *шестинедѣльному заключенію*⁶⁴). Такому же наказанію подлежитъ и тотъ, кто опорочилъ честную дворянку, назвавъ ее блудницею и развратною („называючи ее вшетечницею“).

Въ раздѣлахъ: IV—о судѣ и судьяхъ и XI—о насиліяхъ и уголовныхъ преступленіяхъ дворянъ, изложены преступленія, которыя относятся къ личной обидѣ дѣйствиємъ и къ тѣлеснымъ поврежденіямъ въ дракахъ.

Кто съ умысла въ поруганіе дворянскаго достоинства билъ дворянина, или велѣлъ бить его палкою, кистенемъ, жезломъ (булавою), кнутъями или плетъями (пугами), розгами (дубцами), или чѣмъ либо другимъ, тотъ за всякіе такіе побои и посрамленія платитъ безчестіе („навезки“) 40 копъ грошей и, сверхъ того, въ наказаніе за такое буйство и своеволіе („за вину такого зүфальства и своволюства“), *высидѣть 12 недѣль въ замкъ или въ башнѣ*. Кто далъ другому пощечину или въ бородѣ волосы рвалъ, таковой обязанъ заплатить *12 рублей грошей безчестья и высидѣть въ замоченіи три недѣли*. За оскорбленія женщинъ же дворянокъ („белымъ головамъ шляхтянкомъ“) *безчестье и время заключенія присуждаютъ вдвое*. Такое наказаніе и плата за безчестье, за личные обиды дѣйствиємъ, опредѣляются и лицамъ духовнаго званія христіанскаго исповѣданія, женамъ ихъ и дѣтямъ. За причиненіе побоевъ гостю присуждается *безчестье вдвое по его званію, заключеніе на 12 недѣль и вознагражденіе убытковъ*. Такому же наказанію подвергается

⁶⁴) См. о принесеніи извиненій (Abbite) за личные обиды словомъ въ саксонскихъ военныхъ законахъ XV и XVI стол. С. J. M. Novis. „Патентъ о поединкахъ и ссорахъ курф. саксон. и кор. польскаго кор. Августа“.

и гость за подобную же обиду хозяину, его хозяйкѣ, его сыну, его дочери, слугѣ или его крестьянину. Мѣщанинъ или крестьянинъ за причиненіе побоевъ или раны дворянину *лишается руки*, а за увѣчье дворянину крестьянинъ долженъ быть *казненъ смертью*. Кто помѣстнаго или безпомѣстнаго шляхтича, чловѣка честнаго и вѣры достойнаго, оговорить въ воровствѣ, тотъ обидчикъ— если шляхтичъ— *платить безчестье какъ за раму и подвергается 12 недѣльному заключенію*, а если чловѣкъ простаго званія — *наказывается розгами у столба съ обнаруженіемъ содѣяннаго имъ преступленія*.

За оскорбленіе словомъ—воеводѣ, вастеляновѣ, старостѣ, подвоморихѣ (межевыхъ судей) и всѣхъ вообще судей, во время исполненія ими обязанностей, виновный, по приговору трибунальнаго суда, *подвергается заключенію въ башню на 6 недѣль*.

Кто самъ или посредствомъ слугъ и крестьянъ своихъ приберетъ вознаго при отправленіи имъ дѣлъ по своей должности, безъ приказанія, или по приказанію воеводѣ, старостѣ, судей, либо насильно отберетъ отъ него бумаги и изорветъ, либо принудитъ вознаго или свидѣтелей *онья стѣсть*, либо ударитъ въ щеку, или будетъ *драть за волосы* и тѣмъ поругается власти, тотъ, по изобличеніи, обязанъ возному *заплатить безчестье вдвое, по его званію*, а за преступленіе противъ государя — *посадить его въ верхнюю башню на 12 недѣль*; а свидѣтелямъ дворянамъ, которые сопровождаютъ вознаго, *заплатить двойноз безчестье*, по званію ихъ, и *возвратить вдвойнѣ убытки вознаго и свидѣтелей*. Если лошадямъ будутъ обрѣзаны хвосты или приченены раны, то виновный обязанъ *за лошадь отдать лошадь*, но отъ заключенія въ вѣжу свободенъ. За причиненіе побоевъ возному или великокняжескому посыльному, тѣмъ, кому листы посланы или его прислугою, или его людьми, опредѣляется, за непочтеніе къ власти, заключеніе въ *виленскомъ замкѣ на полгода*, а возному или посланному платится *двойное безчестье* по его званію.

Предусматриваются также взаимныя оскорбленія тяжущихся словомъ и дѣйствіемъ въ присутствіи суда.

Кто во время производства разбирательства въ судѣ обидитъ другаго неблагопрістойнымъ словомъ, тотъ подвергается *заключенію*

ченію въ замкъ на 6 недѣль. Кто же толкнетъ или ударить рукою, тотъ за нанесеніе удара платитъ *12 рублей безчестья*, а за самое преступленіе подвергается *заключенію на 6 недѣль*. А если кто либо въ ссорѣ обнажитъ кортикъ, мечъ или саблю, или другое оружіе, тотъ, хотя бы и не ранилъ, *лишеть будетъ руки*, а если ранилъ— *наказывается смертію*. Но если кто самъ далъ поводъ къ ссорѣ словами или ударомъ рукою и тѣмъ вынудилъ противника для защиты поднять оружіе, ранилъ и даже убить, то послѣдній никакому наказанію не подвергается. Отказавшійся отъ исполненія приговора суда подвергается: *двойной платъ за безчестіе*, штрафу 40 копей грошей въ пользу суда и заключенію. Судья, обидѣвшій кого либо въ судѣ словами, *наказывается заключеніемъ на 6 недѣль*; если воевода, староста, коммисаръ и проч. сдѣлаетъ кому либо во время засѣданія въ судѣ насиліе и ранилъ, то чиновникъ будетъ *казненъ смертію*, а если убьетъ, то *лишается жизни и чести*; сверхъ того, съ виновнаго взыскать за безчестіе вдвое. При взаимности обидѣ, чиновникъ, вынужденный защищаться, хотя бы и ранилъ или убилъ, свободенъ отъ наказанія.

За личныя обиды словомъ и дѣйствиємъ, чинимыя *при дворѣ великокняжескомъ или въ городѣ, гдѣ имѣетъ пребываніе великій князь*, статутъ (разд. I) усиливаетъ наказанія за неуваженіе къ власти и безчестіе частному лицу:

а) За произнесеніе словъ укорительныхъ, язвительныхъ и порочащихъ дворянскую честь, „слова быстрыми, ущипливыми славе доброй, и учтивости шляхетства шkodливими“, виновный подвергается *шестинедѣльному заключенію и за безчестіе по закону*.

б) За поднятіе руки и нанесеніе удара рукою, обидчикъ, если самъ началъ драку, подвергается *трехмѣсячному заключенію въ замкъ*, а обиженному заплатить *безчестіе вдвое* по его состоянію; „буде же кто, въ лицо ударивъ, окрoвенить („а естли по поличку росъкровавить“), тогда онъ также платитъ *навозку (безчестіе) вдвое и помодѣ въ заключеніи быть имѣетъ*“.

в) Кто обнажитъ (на другаго) кинжалъ, саблю и другое оружіе, тому опредѣляется *заключеніе на три мѣсяца*, а кто съ обнаженнымъ оружіемъ нападетъ, но не ранилъ, или и ранилъ, тому *отстчь руку* и, сверхъ того, съ движимаго и недвижимаго имѣнія обидчика взыскивается *безчестіе вдвое*.

г) Обидчикъ подвергается *лишенію жизни*, если въ присутствіи

господаря, кого либо ранить; а если нанесеть смертельную рану, „таковий убійца живота и чести мшениъ будетъ“, а головущину (за голову убитого) или безчестья платитъ вдвое ⁶⁵).

Въ западной Россіи, со времени ея соединенія съ Польшею въ силу люблинскаго акта 1569 г., поединокъ, утративъ значеніе ордаля, пользовался сочувствіемъ шляхты: вельможи и дворяне вступали между собою въ драки по ничтожнымъ причинамъ. Насильственные захваты, наѣзды, самовольное нарушение правъ лицъ другихъ состояній, особенно низшихъ сословій, составляли черту шляхетскаго быта въ литовской Руси въ XVI и XVII стол.

Нравственная распущенность шляхетства, сопровождаясь поединками и драками, нарушала общественное спокойствіе и безопасность. Прженіе ленники, ставши могущественными вассалами и укрьпившись правами вотчинниковъ, пользовались продажностью судей и пускали въ ходъ угрозы и подстрекательства въ такихъ выраженіяхъ, которыя оскорбляли честь и доброе имя; потомъ, сражаясь между собою, убивали другъ друга, нерѣдко прибѣгая для того къ особннымъ средствамъ (*Ярошевичъ*). Еще въ 1559 г. Николай Радзивиллъ для прекращенія частыхъ случаевъ убійства, большая часть которыхъ оправдывалась обычаями поединка, совѣтовалъ литовскому господарю Сигизмунду-Августу, положить конецъ варварскому обычаю, покрывавшему преступныя намяренія. До какой степени укорененъ былъ обычай поединка въ литовской Руси во второй половинѣ XVI стол., видно изъ того, что не смотря на предложеніе Радзивилла, во второмъ литовскомъ статутѣ 1554 г. не рѣшились сдѣлать что либо для его стѣсненія или ограниченія. Между тѣмъ, въ Польшѣ (въ коронѣ) изданъ былъ въ 1588 г. законъ, коимъ

---

⁶⁵) *Статутъ велик. княз. литовскаго 1588 г.*, изд. 1854 г., разд. III, арт. 19, 21, 22, 27, 28 § 1 и § 5. Разд. XI, арт. 27, § 5, 6 и 7; арт. 42, § 1; арт. 49. Разд. IV, арт. 7 § 1 и 2, арт. 62 и 63. Разд. XIV, арт. 10. Разд. I, арт. 14, 24, 9 § 1, 2 и 3. *Смичи*: „стат. велик. княз. литовскаго“ со ссылками на конституціи; польскій текстъ съ русскимъ переводомъ, изд. правительствующаго сената. С.-П.-В. 1811 г., въ двухъ частяхъ.

постановлено: въ случаѣ вызова на поединокъ, вызываемый не долженъ выходить, разве будетъ разрѣшено королемъ, а кто осмѣлится сдѣлать противное, тотъ будетъ посаженъ въ башню на помоду и уплатитъ за безчестье 60 гривенъ. Тогда и въ 3 статутѣ 1588 г. введенъ былъ соответственный артикуль (разд. XI, арт. 14), по которому „вызовъ на поединокъ допускается только съ разрѣшенія короля или гетмана, но отказавшійся отъ поединка не теряетъ своей доброй славы“⁵⁶).

Нельзя не замѣтить, что подобное ограниченіе въ законѣ не достигало своей цѣли, „не вырвало съ корнемъ вреднаго растенія, а только его подрѣзало“. Ранившій или убившій на поединкѣ только тогда подвергался опредѣленному въ законѣ наказанію, когда того требовали или самъ раненый, или родственники убитаго; понятно, что подобное право всегда можно было обойти, воль скоро пострадавшій соглашался на рѣшеніе дѣла поединкомъ⁵⁷). И убійства на поединкахъ (не разрѣшаемыхъ ни королемъ, ни гетманомъ) по прежнему продолжались.

Литовскій статутъ послѣдовательно проводитъ различіе въ мѣрѣ наказаній за совершеніе преступленій лицами дво-

---

⁵⁶) Статутъ велик. княз. литовскаго, разд. XI, арт. 14 „О забитѣ за повабеньемъ, або вызваньемъ на руку“, т. е. о смертоубійствѣ на поединкѣ. Артикуль 14, воспрещая поединки условно, узаконяетъ: 1) поединки могутъ быть допускаемы по великимъ и важнымъ причинамъ, только съ разрѣшенія великаго князя и гетмана; 2) въ случаѣ поединка (недозволеннаго), раненый не получаетъ никакого удовлетворенія за рану, ранившій заключается на помоду въ столичномъ виленскомъ замкѣ, а если оба взаимно себя ранили, то никто изъ нихъ одинъ другому не долженъ дѣлать удовлетворенія; 3) кто на поединкѣ останется живъ—вызыватель, или вызванный, тотъ наказывается лишеніемъ жизни по жалобѣ и по иску дѣтей или родственниковъ убитаго, но головщины съ него не взыскивается; 4) если кто либо настоятельнѣйшимъ образомъ понуждаетъ къ поединку другаго, произнося какія либо извѣстныя слова, предосудительныя для добраго имени и чести, а обиженный не согласится отвѣчать вызовомъ, то таковыя ругательныя слова не должны вредить его доброму имени; напротивъ, они обращаются на противника, нарушающаго законъ. Обиженный можетъ позвать своего обидчика на основаніи 27 арт. разд. III (объ оскорбленіи словами) къ суду и требовать уплаты за безчестье и т. п.

⁵⁷) Ярошевичъ, „Образъ Литвы“, ч. II, стр. 26.

рянскаго и недворянскаго состоянія. Нанесеніе раны въ гнѣвъ или запальчивости *ножемъ, кортникомъ или кинжаломъ*, по законамъ XVI и XVII столѣт., преслѣдовались вездѣ съ особенною строгостью. По литовскому статуту за причиненіе раны *ножемъ* и т. п. шляхтичемъ шляхтичу опредѣлялось *отсѣченіе руки*, а челоуѣку простаго званія—только *денежное взысканіе*. Если же челоуѣвъ простаго званія ранить *ножемъ* шляхтича, то *мишается жизни*, а если ранить челоуѣка простаго же званія, то *теряетъ руку* (разд. XI, арт. 16, § 2).

Къ связанному о наказаніяхъ за личныя обиды, ссоры, драки и поединки, слѣдуетъ добавить, что и судопроизводство (статутъ, разд. IV), будучи исключительно въ рукахъ чиновниковъ шляхетскаго сословія, направлено было также въ интересъ этой разнузданной касты, которая стала бичемъ низшихъ сословія и причиною бѣдствій въ XVII и XVIII столѣт. въ литовскомъ государствѣ, соединенномъ съ Польшею. Помѣщикъ могъ наказывать своихъ крестьянъ даже за уголовныя преступленія: онъ былъ судьей и исполнителемъ собственныхъ приговоровъ; по своему капризу могъ миловать и лишать жизни своихъ подданныхъ. На насилія и произволъ вотчинника не было апелляціи. Право уголовного суда надъ крестьянами отнято у помѣщиковъ литовской Руси лишь въ 1768 г., т. е. за нѣсколько лѣтъ до перваго раздѣла рѣчи посполитой ⁶⁸⁾).

Преступленія противъ чести по соборному уложенію ⁶⁹⁾.

Въ теченіи четырехъ столѣтій—отъ русской правды до уложенія царя Алексѣя Михайловича—въ русскомъ законо-

⁶⁸⁾ *Иршевскій*, „Образъ Литвы“, ч. II, стр. 164 и 165.

⁶⁹⁾ Boris Utin. „Ueber die Ehrenverletzung nach Russischen Recht seit dem XVII Jahrhundert“. Dorpat, 1857 г., стр. 54, цит. 2. Въ своемъ сочиненіи „О преступленіяхъ противъ чести по русскому праву, начиная съ XVII столѣтія“ Утинъ приводитъ обстоятельную оцѣнку преступленій противъ чести по уложенію. Этимъ трудомъ мы и воспользовались, не имѣя причины входить въ подробную оцѣнку изложенныхъ имъ юридическихъ фактовъ; мы нашли нужнымъ обратить вниманіе на переходную эпоху къ законамъ Петра, освѣтить факты и пополнить существенныя пробѣлы справками съ источниками.

дательствѣ слабо были развиты правоопредѣленія, относящіяся къ личнымъ оскорбленіямъ и къ преступленіямъ противъ чести въ нормальномъ ея значеніи. Политическое состояніе, жестокія войны, татарское иго не могли способствовать смягченію грубыхъ нравовъ. Митрополитъ Фотій въ посланіи къ новгородцамъ рекомендовалъ священникамъ внушать своимъ духовнымъ дѣтямъ, чтобы они „престали отъ скверныхъ словесъ и неподобныхъ, что лають отцевымъ и материнымъ именемъ, за неже того въ крестіанѣхъ нигдѣ нѣсть“; родители должны приучать дѣтей своихъ измала не говорить „лихихъ словъ“; кто васъ не будетъ слушать „отъ церьви отлучайте, ни святаго причастья не давайте, ни дары, ни Богородицина хлѣба“⁶⁰⁾. Но христіанская религія оказывала еще слабое вліяніе на народные обычаи. Идея централизаціи московскаго государства въ своемъ осуществленіи, между тѣмъ, требовала громаднаго напряженія народныхъ силъ и тутъ обстоятельства складывались не въ пользу народной культуры. Съ образованіемъ новыхъ элементовъ въ XVI и XVII стол. въ войскѣ и администраціи, законодателямъ неизбѣжно предстояло ограждать общественную безопасность грозными законами, налагать жесткую узду на преступленія противъ личности и имущества—*на воровство, смертоубійство, насилія и иныя грубыя проявленія преступной воли*. Писанные законы—судебники 1497 и 1550 г.г., служили не болѣе какъ пособіемъ къ тѣмъ матеріальнымъ законамъ, которые содержались въ обычномъ правѣ; послѣдніе же могли развиваться только путемъ судейской практики, а затѣмъ и заимствованіями отъ сосѣдей. Господствующимъ идеаломъ въ древней Россіи была родовая честь, которая питалась службою главѣ государства, какъ верховному представителю дружины, какъ своему вотчиннику. Сословія едва зарождались и, во всякомъ случаѣ, они развивались иначе, чѣмъ на Западѣ. Представленія о государственной чести, при господствѣ мѣстническихъ сче-

---

⁶⁰⁾ Доп. къ актамъ археологич. экспед., т. I, № 369. Акты истор. т. I № 16: „Такоже, господине, уймай подъ собою люди отъ скверныхъ словъ и отъ лаянія“.

товъ, было шаткое. Въ тѣсномъ кругу знатныхъ родовъ изъ одного поколѣнія въ другое переходили эгоистическія понятія о родовой чести, пока наконецъ событія XVII вѣка, послѣ постоянно колебавшихся мѣропріятій государственной власти то въ пользу мѣстничества, то противъ него, не разрушили фундамента, на которомъ потомки дружинниковъ громоздили свое зданіе, чуждое *государственному интересу*. Въ народѣ, во всѣхъ слояхъ общества, не исключая и людей служилыхъ, подвергавшихся за проступки наказанію кнута и батогами, но за личную обиду платившихъ деньги, честь, въ ея настоящемъ нормальномъ значеніи слова, не могла получить правильного развитія въ народномъ сознаніи, — она пустила лишь слабые ростки. Нарушеніе ея выражалось преимущественно въ грубой формѣ насилія на тѣлесную неприкосновенность. „Лай“ и „бой“ въ ссорѣ и дракѣ не были единственными симптомами нарушенія чести. На сколько позволяютъ судить источники исторіи русскаго права, плата за „безчестье“ или за „безчестье и увѣче“ обнимала самыя разнообразныя преступленія противъ личности, но не исключительно обида словомъ или обида дѣйствіемъ. Выраженіе прежнихъ памятниковъ о наложеніи денежнаго штрафа за „обиду“, за „соромъ“, измѣнилось въ денежный штрафъ за б е з ч е с т ь е и эта форма получила широкое примѣненіе въ законодательныхъ памятникахъ XVII стол.

Общественная жизнь въ XVII стол. развивалась своимъ путемъ, неотступно вторгались новые элементы, разрушавшіе отживающія нормы уложенія.

Соборное уложеніе — есть собраніе законовъ, вытекающихъ изъ предшедшихъ юридическихъ памятниковъ, но въ немъ имѣются и статьи, заимствованныя изъ литовскаго статута XVI в. Въ концѣ XVII столѣтія уже оказалось необходимымъ укрѣпить закономъ должное уваженіе къ личности, и это обстоятельство дало первую основу къ развитію *гражданскаго достоинства, какъ источника личной чести*. Охрана чести оцѣнкою ея въ опредѣленную денежную сумму, съ

конца XVII вѣка, оказалась непригодною и пришлось видоизмѣнить многовѣковой завѣтъ стариннаго права.

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о *родовой чести*, какъ главнаго мотива для иска о безчестіи бояръ, окольныхчихъ, думныхъ людей и другихъ высшихъ разрядовъ служилыхъ, обратимся къ соборному уложенію 1649 года и постараемся сдѣлать характеристику „безчестья“, какъ основнаго мѣрила для удовлетворенія личнаго оскорбленія въ частномъ быту.

За многіе годы до Уложенія, когда съ упраздненіемъ судебного поединка, розыскная система суда стала господствующею формою охраненія чести, не исключая и наиболѣе притязательной и чувствительной въ обидѣ чести родовой, преступленія противъ чести, т. е. *личныя оскорбленія* въ обычномъ значеніи этихъ терминовъ, облагались не только денежнымъ штрафомъ, но и разными уголовными наказаніями: тѣлесными (батогами и внутомъ), тюрьмою, ссылкой и выдачею головою ⁶¹⁾.

Капитанъ Маржереть, поступившій въ русскую службу въ началѣ XVII столѣтія, по этому поводу говоритъ слѣдующее: „необходимо замѣтить, что между ними не бываетъ поединковъ, ибо во первыхъ они носятъ оружіе только въ военное время или въ путешествіяхъ; когда кто либо нанесетъ обиду словомъ или дру-

---

⁶¹⁾ Обрядъ выдачи головою описанъ у *Котошигина* „О Россіи въ царствов. Алексѣя Михайловича, изд. 1840 г. гл. IV, ст. 12“. Ср. *Сергіевскаго*: „Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка.“ стр. 279 и слѣд. Выдача головою была двоякаго рода—какъ обрядъ поруганія „только лицомъ“ (*Таланцевъ*), и *дѣйствительная* т. е. съ передачею въ рабство или состояніе подобное рабству и даже въ полное распоряженіе съ правомъ лишенія жизни.—Въ Уложеніи X, ст. 27, 28 упоминается о выдачѣ головою за безчестье извѣстныхъ лицъ. Выдача головою практиковалась въ особенности за неправо челобитие по расчетамъ мѣстничества. Обрядъ выдачи головою, говоритъ г. Сергіевскій (стр. 282) примѣнялся и помимо судебного приговора, по соглашенію обиженнаго и обидчика, какъ основаніе мировой сдѣлки. Авторъ дѣлаетъ ссылку на списокъ дѣла 1688 г. *Батомъ* были самымъ употребительнымъ наказаніемъ за квалифицированное безчестье, и они же употреблялись для праведжа, когда не было чѣмъ платить. Въ болѣе важныхъ случаяхъ оскорбленія чести для лицъ низшихъ классовъ народонаселенія и для служилыхъ—примѣнялось наказаніе *кнутомъ*; кнутъ былъ также орудіемъ и пытки. Обряды тѣлеснаго наказанія, тюрьма и ссылка въ XVII стол. описаны у Сергіевскаго, стр. 149 и слѣд.

гимъ образомъ, то они обращаются въ судъ, который приговариваетъ виновнаго въ оскорбленіи къ наказанію, извѣстному подъ именемъ „безчестья“. Для своего удовлетворенія обиженный можетъ требовать наказанія *батогами* (которое производится такимъ образомъ: обнаживъ спину до рубахи, кладутъ его на землю ничкомъ, причемъ два человѣка держатъ его за голову и за ноги, а другіе въ присутствіи судьи, истца и постороннихъ лицъ, дерутъ ему спину прутьями толщиною въ палецъ, до тѣхъ поръ, пока судья скажетъ: *стой!*) или денежнаго штрафа по окладу получаемого отъ Государя содержанія, а если обиженный женатъ, то обидчикъ долженъ заплатить за поруганіе чести его жены двойную сумму оклада; такимъ образомъ, кто получаетъ въ годъ 15 руб. содержанія, тому обидчикъ платитъ 15 руб. за оскорбленіе его и 30 руб. за оскорбленіе его жены, что составитъ 45 рублей. Такъ высчитывается безчестье всегда соразмѣрно величинѣ оклада ⁶²⁾.

Но обида могла быть и такою, что обидчика послѣ наказанія въ городѣ *кнутомъ* (*au ga le fouet pour la ville*), подвергали платѣ денегъ за безчестье и затѣмъ ссылкѣ. Если же, какъ мнѣ случилось видѣть однажды въ теченіе шести лѣтъ, происходила дуэль между иностранцами, и когда кто либо былъ раненъ; тогда тотъ (будь онъ вызванный или вызвавшій), который ранилъ, наказывался какъ за убійство, и не можетъ ничѣмъ оправдаться; еще болѣе: какъ бы тяжело ни былъ оскорбленъ кто либо на словахъ, онъ не можетъ ударить обидчика, хотя бы только рукою, подъ опасеніемъ вышеупомянутаго наказанія; если же одинъ ударитъ, а другой отвѣтитъ ему тѣмъ же и послѣдуетъ жалоба, тогда оба подвергаются наказанію батогами, какъ выше сказано, или платятъ веню государю, потому что, какъ говорятъ они, тотъ, кто обиженъ, находится подъ защитою правосудія (которое только и можетъ рѣшить кто правъ или виноватъ и наказывать). И потому судъ, въ случаѣ споровъ, обидъ и оскорбленій, бываетъ болѣе строгій и скорый, нежели въ другихъ дѣлахъ.

---

⁶²⁾ Въ ак. арх. эксп. (т. I, № 280) указано, что въ 1571 г. въ пользу дѣла князя Василя Щелкалова и его жены опредѣлено взять съ подъячаго Улана Агустова „безчестья“ 600 рублей за неправильныя донесенія: „потому что доводилъ на Василя Щелкалова *многя лисія отвла*“. — В. Утинъ, дѣлая ссылку на этотъ документъ, говоритъ, что это единственный случай, гдѣ за безчестье мужчины, когда онъ былъ женатъ, увеличивался денежный штрафъ.

И этотъ обычай тщательно наблюдается не только жителями городовъ въ мирное время, но и войнами въ военное время (разумѣется здѣсь рѣчь идетъ о дворянахъ, ибо за безчестье крестьянина и горожанина плата ограничивается двумя рублями). Впрочемъ, они не придирчивы къ словамъ и въ оскорбленіи ими весьма не разборчивы; говорятъ другъ другу „ты“, а прежде было еще проще; ибо если бы вы сказали (кому либо) что либо сомнительное, и это не оправдалось бы, то вмѣсто словъ „извините“, или „простите меня“, они говорятъ „ты лжешь“, и даже слуга говорилъ такъ своему господину. Самъ Іоаннъ Васильевичъ, котораго они считаютъ тираномъ, не сердился за эти грубости. Но теперь, когда между ними явились иностранцы, они отвыкають отъ дерзости въ разговорѣ и болѣе стѣсняются въ своихъ выраженіяхъ чѣмъ прежде, лѣтъ тридцать тому назадъ ⁶²⁾.

Изъ официальныхъ документовъ видимъ, что за нанесенное оскорбленіе въ извѣстныхъ случаяхъ опредѣлялись личныя наказанія. Такъ, въ 1614 году князя Никиту Шаховскаго, посланнаго въ 1614 г. для сбора денегъ на ратныхъ людей, побили староста Ванковъ и посадскіе люди Охлупкинъ, Дубровинъ и Верещагинъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отказались отъ платежа денегъ; за это велѣно ихъ, передъ княземъ Никитою бить батоги нещадно, вынудить въ тюрьму на мѣсяць.

Со смертью Іоанна Грознаго, стремившагося упрочить политическое могущество государства, въ русскомъ обществѣ выдвигаются элементы, подготовлявшіе смутное время; затѣмъ наступила крутая реакція въ правительственной системѣ: могущественнымъ боярамъ противопоставляется авторитетъ высшей духовной іерархіи съ патриархомъ во главѣ. Въ войскѣ, на ряду съ помѣстной дворянской конницей, вопло-

---

⁶²⁾ Estat de l'empire de Russie par le capitaine Margeret. Paris, 1821 стр. 118—121. Ср. *Капитана Маржерета*: „Состояніе російской державы“, переводъ съ французскаго С.-П.-Б. 1830 г., стр. 82—83. Изъ словъ Маржерета видно, что при взаимномъ оскорбленіи, оба, какъ обидчикъ, такъ и обиженный, подвергались одному и тому же наказанію, или платили другъ другу безчестье, безъ вознагражденія за раны или увѣче. См. подтвержденіе словъ Маржерета о глѣсномъ наказаніи въ ак. арх. эксп. III, № 48.

щеніемъ которой служили дѣти боярскіе, становится конница степная—казаки донскіе, астраханскіе, терскіе, кубанскіе, сибирскіе, а затѣмъ и малороссійскіе. Горожане теряютъ послѣдніе зародыши самоуправленія и подчиняются безконтрольному господству воеводъ и привазныхъ—дьяковъ и подьячихъ.

Закрѣпощенные крестьяне-холопы, подобно литовско-русскимъ крестьянамъ, какъ матеріальная сила, дѣлаются источникомъ содержанія и питанія помѣщиковъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, обязанныхъ исключительно воинскою службою. Войны съ Польшею, Швеціею и Турціею держатъ всѣ народныя силы въ постоянномъ напряженіи; на подмогу національнымъ войскамъ—помѣстной конницѣ, казакамъ и стрѣльцамъ—чаще и чаще призываются наемные иноземные ратники. Число иноземцевъ быстро возрастаетъ.....

Въ обществѣ, гдѣ отношеніе высшихъ къ низшимъ выражались или въ формѣ унижительнаго обращенія, или въ формѣ грубаго насилія и самоуправства, гдѣ бояринъ, въ силу понятій о родовой чести, считалъ для себя величайшимъ безчестьемъ неоказаніе „почета“ его роду, и въ тоже время съ спокойною совѣстью переносилъ брань („лай“) отъ своихъ же товарищей, гдѣ сотенный голова, сынъ боярскій, долженъ былъ легально подвергаться унижительному тѣлесному наказанію батогами, даже въ присутствіи нижнихъ чиновъ ⁶⁴⁾, гдѣ сквернословіе и ругательство было обычнымъ способомъ выраженія своего неудовольствія, ни малѣйшимъ образомъ не затрогивая самолюбія противника, гдѣ оскорбленіе, даже съ причиненіемъ тѣлеснаго поврежденія, получало удовлетвореніе платежомъ извѣстной суммы, смотря по состоянію лица и роду тѣлеснаго поврежденія („всѣмъ указывать безчестье

---

⁶⁴⁾ ... „и за то (за отпущъ служилыхъ безъ государева указа и воеводскаго вѣдома) сотеннымъ головамъ, сказавъ имъ вину при ратныхъ ммогхъ модехъ, чинитъ наказаніе, бити батоги, да вкинути въ тюрьму, чтобъ на то смотря инымъ сотеннымъ головамъ не повадно было такъ дѣлати“. *Собр.н. улож.*, гл. VII ст. 11.

и увѣче посмотра по человѣку и по увѣчу⁶⁵⁾ „), — въ такомъ обществѣ понятіе объ оскорбленіи личной чести весьма трудно подвести подъ современную юридическую номенклатуру личныхъ преступленій противъ чести, и намъ необходимо обратиться къ источникамъ, чтобы установить самое понятіе о чести въ обществѣ XVII столѣтія.

Ни личности, ни личной заслуги въ древней Россіи не существовало. Были общественныя, гуртовыя обязанности, разлагаемыя на всѣхъ членовъ, и древняя жизнь дѣлала изъ каждаго лица живой, но пассивный органъ групповой обязанности, „распредѣлявшей напередъ его дѣятельность, мѣсто и заслугу обществу“. Величайшія заслуги князя Пожарскаго, спасителя отечества, не имѣли значенія для высшихъ членовъ общества, опредѣлявшихъ честь въ зависимости отъ старшинства родоначальниковъ. Въ нѣсколько десятковъ лѣтъ забыто было, гдѣ покойтся прахъ Пожарскаго и Минина и растеряно все, что составляетъ нераздѣльную святыню съ памятью каждаго великаго сподвижника родины⁶⁶⁾.

---

⁶⁵⁾ „А который ищетъ взимать бои и грабежу, и отвѣтчикъ скажетъ, что билъ, а не грабилъ: и отвѣтчика въ бою обвинити и безчестье на немъ взяти, а въ немъ, посмотри по человѣку, что государь укажетъ“. *Царскій судебникъ*, ст. 25. Сравни эту статью съ сказаннымъ въ акт. археологич. эксп., т. I, № 257: „а въ бою только не помиряться, ино присуживати въ безчестье съ жеребья; и аще поцѣлуеть и онъ безчестье возметь, а отвѣтчикъ поцѣлуеть и онъ не дастъ ничего“. Не забудемъ, что въ то время (1550) иски о безчестьи свыше рубля, когда не послѣдовало примиренія, рѣшались *полаемъ*. Теперь въ началѣ XVII столѣтія, всѣ подобныя иски рѣшались иначе, какъ по суду съ розыскомъ, то есть какъ и всѣ вообще дѣла гражданскія и уголовныя, причѣмъ законы не отличали уголовной формы процесса отъ гражданской, какъ было на западѣ согласно римскому праву. Припомнимъ, что сказано у насъ о личныхъ оскорбленіяхъ по саксонскимъ законамъ XVI вѣка.

⁶⁶⁾ Д. В. (Валуева). Изслѣдованіе о мѣстничествѣ. Москва, 1845, стр. 110. Известно, что князь Д. Пожарскій былъ выданъ головою Салтыковымъ, которые по расчетамъ мѣстничества занимали высокое положеніе. „Для личности, говоритъ Валуевъ, не было мѣста въ обществѣ, а потому и не было мѣста для нея и въ народной памяти“. Петръ В. не могъ даже отыскать мѣста погребенія кн. Пожарскаго и Минина, стр. 120.

Изъ нашихъ источниковъ видно, что честь въ древней Россіи понималась въ двоякомъ смыслѣ:

Во первыхъ честь составляла исключительную принадлежность людей, занимавшихъ *высшее положеніе въ служебной іерархіи*, отличенныхъ высокимъ званіемъ, саномъ, чиномъ, должностью; таковы были: бояре, окольные и думные люди, или же знатныхъ по своей породѣ, по происхожденію, какъ напримеръ сибирскіе царевичи. Тутъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, вмѣсто *тяжкаго тѣлеснаго наказанія*, налагаемаго по закону на людей ниже стоящихъ по чести и по породѣ, опредѣлялась *потеря чести*, а вмѣстѣ легкаго тѣлеснаго наказанія („кто почестнѣ“) опредѣлялось *заключеніе въ тюрьму*⁶⁷⁾. Здѣсь честь слѣдуетъ понимать какъ вѣннее доказательство отличія, признаніе превосходства, права на особенное почтеніе, короче сказать — почетъ. Такое заключеніе мы основываемъ на многихъ мѣстахъ сочиненія Котошихина⁶⁸⁾. Перечисливъ „большіе роды“, которые бывають въ боярахъ и въ окольных, авторъ говоритъ: „Есть потомъ и иные многіе добрые и высочіе роды, только еще *въ честь не пришли*, за причиною и недослуженіемъ“. Относительно же думныхъ дьяковъ замѣчаетъ: „а *честію и высочествомъ* тѣ думные дьяки будутъ таковы, какъ въ Польшѣ референдаріусы“. „А *честію* тотъ постельничій противъ окольного“. „Да въ царскомъ же чину

⁶⁷⁾ Улож. гл. X, 5: „Да за ту же вину у боярина, и у окольного и у думнаго человека *отнять честь*. А будетъ который судья такую неправду учинить не изъ думныхъ, и тѣмъ учинити *торговая казнь* и *опередъ имъ у дѣла не быть*“. Улож. гл. X, 20: „челобитныя свои (въ судныхъ дѣлахъ и иныхъ) подавать въ приказѣхъ бояромъ и окольнымъ и думнымъ и всякимъ приказнымъ людямъ, кто въ которомъ приказѣ вѣдомъ“. Не бивъ челомъ государю, никому челобитенъ не подавать, а кто подаетъ челобитенъ государю, о какомъ дѣлѣ помимо приказа „и такимъ челобитчикамъ за то чинити наказаніе—*бити батоги*; а кто почестнѣ, и того *посадити въ тюрьму на недѣлю*“—*Котошихинъ*: За самовольный вѣздъ кого либо изъ бояръ на царскій дворъ на лошади: „и его бѣ скоро за то велѣлъ послать въ тюрьму, до указа своего, и *честь его отчатабъ была*, а ежели челобѣтъ его боярскій, безъ вѣдома его, проведъ черезъ дворъ лошади, и тому челобѣту *учинено было наказаніе кнутомъ*“. О Россіи, гл. II, ст. 14.

⁶⁸⁾ О Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича, гл. II, ст. 1, 2, 3, 4, 12, 14; гл. IV, ст. 12 и г. д.

царевичи сибирскіе, касимовскіе, крещены въ христіанскую вѣру. *Честію они бояръ выше, а въ думѣ ни въ какой не бывають и не сидятъ*“.

О томъ, что честь не была признаніемъ личныхъ заслугъ, а была признакомъ знатности по породѣ, старшинства, по родовой „лѣствицѣ“, доказываютъ, между прочимъ, споры о мѣстничествѣ при назначеніяхъ въ посольства или въ полки на службу: „А тѣ, которымъ велѣно съ кѣмъ быти въ товарищахъ, противъ тогожъ бьютъ челомъ царю, что они *породою своею и честію тѣхъ людей не меньше, съ кѣмъ имъ велѣтъ быти* . . . И по тому ихъ челобитію приказываетъ царь въ посольскомъ приказѣ и въ разрядѣ *сыскивать о честии ихъ записными книгами и писмами, и въ тѣхъ приказахъ сыскавъ напишуть, кто каковъ есть честію*“ . . . Точно такіе же споры о чести возникали при назначеніи воеводами въ военное время и ихъ товарищами. Не всѣ полки были одинаковой чести: „передовой полкъ кабы почестиѣ сторожеваго“. Правая рука была честиѣ лѣвой. Большой полкъ—честиѣ всѣхъ остальныхъ ⁶⁹⁾. И города имѣли также свою относительную честь. Наибольшею честію въ „отечествѣ“, во всякомъ случаѣ, пользовались люди *высшей породы*, которымъ отдавалось первенство даже въ царской думѣ: „А изъ которыхъ чиновъ нибуди бывають пожалованы въ бояре и въ овольничіе и въ думные люди, *за службы и не за службы*, а лучится имъ сидѣти въ думѣ съ царемъ вмѣстѣ: и они садятся по *роду своему и по честии, кто кого честная породою*,

---

⁶⁹⁾ Это старшинство полковъ такъ выражено въ указѣ Іоанна IV, 1550 года: „А воеводамъ въ полкахъ быти: большой полкъ, да правая рука, да лѣвая рука, по мѣстомъ; а передовой полкъ, да сторожевой полкъ меньше одного въ полку большаго воеводи; а до правой руки, и до лѣвой руки, а въ большомъ полку до другаго воеводи дѣла нѣтъ, съ тѣми безъ мѣсть. Кто съ кѣмъ въ одномъ полку, тотъ того и меньше. А воеводу государь прибираетъ, *разсуждая изъ отечество*; и кто кого *дородился*, то можетъ ратный обычай содержать“. Акты ист. I, № 154, 1 ст. дополнительная къ Судебнику.—Но въ этомъ указѣ есть еще одно мѣсто, которое авало поводъ къ постановнымъ столкновеніямъ: „которые будутъ впередъ въ боярахъ и воеводахъ, и они считаются по своему отечеству“.—Подробнѣе объ этомъ ниже въ ст. о „Родовой чести“.

а. не потому, *кто кого старше по чину*, хотя кто сегодня пожалованъ, на утрѣе по породѣ своей учнетъ сидѣти выше“. Даже бояре, близкіе къ царскому дому, свойственники царю по его супругѣ, не пользовались тою честью, какою пользовались бояре по своему высокому или древнему роду. „А которые бояре царю свойственные по царицѣ, и они въ думѣ и у царя за столомъ не бывають, потому что подъ иными боярами сидѣть *стыдно*, а *выше неумѣстно*, что *породою не высоки*“. За столомъ всѣ мѣста были распределены такъ, что каждое предшествующее считалось на одну степень почетнѣе послѣдующаго мѣста; ходить еще можно было *безумѣстно*, но сидѣть непременно нужно было по нумерамъ, опредѣляемымъ честью.

Эта родовая—лучше сказать—породистая честь, со-общая право на исключительный почетъ, могла приобретаться въ XVII столѣтіи и заслугами: „прибавятъ чести и дадутъ жалованья не мало“ (*Котошихинъ*). Такимъ образомъ попали въ честь Матвѣевъ, Ордынъ-Нащовинъ и другіе. Но въ XVII-же столѣтіи родовой служебный и разрядный распорядокъ все болѣе и болѣе утрачивалъ значеніе силы, уступая мѣсто другому распорядку. По мѣрѣ расширенія объема государственной службы и развитія вооруженныхъ силъ, болѣе и болѣе запутывались, стѣсная правительство, отношенія разроставшихся родовъ старой дружины. Съ уничтоженіемъ мѣстничества, особенно же послѣ знаменитаго указа 1693 г., честь служебно-родовая должна была утратить значеніе стаднаго превосходства по породѣ, внѣ личныхъ заслугъ. Въ смыслѣ права на личное уваженіе должна была явиться честь какъ достояніе всякаго вѣрнаго слуги отечества, и въ этомъ сказалось существенное различіе законовъ петровскаго періода отъ соборнаго уложенія.

Въ чисто юридическомъ смыслѣ честь, какъ внутреннее нравственное качество всякаго чловѣка, нарушеніе которой состоитъ въ оскорбленіи или униженіи личности словомъ или дѣйствіемъ, клеветою и даже угрозою, въ понятіяхъ общества XVII столѣтія не имѣла еще самостоятельнаго значе-

ніа, независимо отъ общественнаго или служебнаго положенія человѣка. Честь каждой личности опредѣлялась общемою мѣркою въ зависимости отъ состоянія цѣлой группы лицъ. Чѣмъ выше было общественное положеніе какой-либо массы лицъ, тѣмъ болѣе эта масса имѣла право на почитаніе своей чести, и обратно. Поэтому личная обида словомъ, какъ идеальная форма оскорбленія, въ законахъ XVII вѣка выражена въ формѣ неопредѣленнаго слова „безчестье“.

Соборное уложеніе стремилось закрѣпить обычаи, глубоко укоренившіеся въ нравахъ. Многіе частные случаи указываютъ, что въ судахъ и разныхъ приказахъ довольно часто приходилось заниматься исками о безчестьи „не подобною лаею“ „навѣтнымъ и наноснымъ словомъ“, „побоями“, „причиненіемъ ранъ.“ Но бывали и такіе случаи, что воевода искалъ безчестья съ другаго воеводы за то, что тотъ написалъ отписку въ видѣ указа. Великимъ оскорбленіемъ считалась ошибка въ наименованіи отечествомъ: воевода Волконскій отписываетъ другому воеводѣ: „пишешь ко мнѣ Петръ Ивановичъ, а язь Андреевичъ, и то промежь насъ ссора, отца моего имени не вѣдаешь“. Случалось, что оскорбленія наносились въ церкви: „Да онъ же Василій (дьякъ) въ соборѣ учалъ господина моего Ѡ. И. Шереметева матерно лаять“. Въ основаніи исковъ о безчестьи не рѣдко было не чувство оскорбленной части, а матеріальная выгода ⁷⁰⁾.

---

⁷⁰⁾ *Акты Ар. Экс. II*; № 142: челобитная человѣка Шереметева Ондришки, 1609. III, № 42: жалоба воеводы Зюина на воеводу Волкова и дьяка Митусова въ 1614 г. Интересно заключеніе: „и впередъ бы, господине, вѣзь съ увазомъ не писати, а учнешь писать съ указомъ, и мнѣ на вѣзь писать въ Москвѣ и о безчестьи бить челомъ Государю“. Тутъ оскорбленіе чисто служебнаго характера смѣшивалось съ личною обидою. III, № 48: царская грамота пермскому воеводѣ 14 окт. 1614 г. о наказаніи Волкова и его товарищей за оскорбленіе кн. Н. Шаховскаго. III, № 58: отписка воеводи кн. Волконскаго Чихачову, 31 янв. 1615 г., III, № 176: челобитье архимандрита троице-сергіевскаго монастыря съ братьей на головара Симонова монастыря Богдана Григорьева, который побилъ старца Тихона и его слугу, 31 янв. 1633 г. III, № 237: жалоба доктора Венделина Сибилова на пріѣзжаго торговца нурландца Ивана Госсена: въ своемъ и жены и дѣтца безчестія“, 26 декабря 1644.

Соборное уложение, посредствомъ опредѣленія платы известной суммы денегъ за „безчестье“ для *цѣлой группы лицъ*, стремилось удовлетворить всякую обиду, а не исключительно личную — какъ посягательство на тѣлесную неприкосновенность, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось: вслѣдствіе-ли *насилія и самоуправства*, напр.: „музительное наругательство“ (улож., гл. XXII, ст. 11), или *съ формъ изувѣченія* (крестьянина, какъ бы оно серьезно ни было); (улож., гл. X ст. 94), или *публичнаго оклеветанія передъ судомъ и ложнаго свидѣтельства*: «да на немъ же тому, кого онъ поклянется, доправить безчестье» (улож. гл. X, ст. 9) и т. д.

Подъемъ русскаго общества въ XVII стол. «Безчестье» по соборному уложенію. Обида и насиліе, бой и увѣчье, какъ предметы иска за безчестье. Субъектъ и объектъ обиды. Зависимость мѣры наказанія за безчестье: 1) отъ мѣста нанесенія обиды, 2) отъ общественнаго положенія лица и 3) отъ свойства обиды.

Въ XVII столѣтіи, послѣ потрясающихъ событій смутнаго времени, въ русскомъ обществѣ мало по малу поднимались новыя стѣпни и распространялись нныя понятія. Противъ суевѣрія, волшебства и чародѣйства энергически, хотя и безуспѣшно, работала церковь; съ запада стали проникать новыя идеи; появились иноземные военные законы. Въ русское законодательство входили постановленія литовскаго статута, болѣе чѣмъ царскій судебникъ, отвѣчавшія потребностямъ гражданскаго устройства русскаго государства, и освѣжались византійскіе законы. Дружина слабѣла. Значеніе дворянской конницы умалилось. Формированіе солдатскихъ полковъ изъ даточныхъ развивалось. Но стрѣльцы еще не утратили своего боеваго значенія и также умножались. Нужно было пополнить пробѣлы судебника, вслѣдствіе упраздненія полнаго процесса, противъ котораго, какъ и противъ чародѣйства, возставала православная христіанская религія. Всѣ искн рѣ-

шались судомъ по шаблонной формѣ розыскаго процесса, посредствомъ обыска и спроса свидѣтелей. Въ розыскомъ слѣдственномъ процессѣ все болѣе и болѣе возрастало примѣненіе пытки.

Къ юридическимъ нормамъ древнихъ памятниковъ присоединилось много новыхъ понятій. Распространеніе благочестія все болѣе и болѣе увеличивало силу духовенства, особенно монашества, которому, какъ всѣ это знали, государство обязано было своимъ спасеніемъ въ смутное время гораздо болѣе, чѣмъ боярамъ и ихъ родичамъ. Всѣ дворяне, начиная отъ высшихъ родовитыхъ бояръ, признаны царскими служилыми людьми и холопами. Значеніе приказныхъ людей, какъ людей грамотныхъ, необходимыхъ для администраціи въ столицѣ и провинціяхъ, въ приказахъ и на воеводствахъ, видимо усиливалось съ того времени, когда горожане должны были безусловно подчиниться власти воеводъ. Дьяки и подъячіе богатѣли и размножались, особенно въ Москвѣ—средоточіи *вотчиннаго управленія* государствомъ. Горожане, отбывая отъ тяжкихъ повинностей, лезли въ подъячіе.

Сравнивая соборное уложеніе царя Алексѣя Михайловича съ судебникомъ 1550 года, замѣчаемъ, что въ уложеніи, рядомъ съ развитіемъ старыхъ юридическихъ нормъ, помѣщаются совершенно новыя, частью самобытныя, частью взятыя у другихъ народовъ. Такъ, понятіе о личной обидѣ словомъ, какъ безчестье, ясно и категорично выражено только въ тѣхъ частяхъ уложенія, которыя непосредственно заимствованы изъ литовскаго статута. Между тѣмъ какъ въ другихъ частяхъ уложенія, выросшихъ изъ судебника, съ понятіемъ о „безчестьи“, соединяется не одна только личная обида словомъ, „непригожимъ словомъ“, или личное оскорбленіе дѣйствіемъ, въ формѣ удара рукою, палькою, оружіемъ, но также и разнаго рода насиліе, посягательство на тѣлесную неприкосновенность частнаго лица, даже публичный поклепъ, или ложное свидѣтельство въ судѣ, ложное или неправое обвиненіе въ судѣ. Въ понятіе „безчестье“ вошли, такимъ образомъ, самыя разнообразныя элементы, въ массѣ которыхъ утрачена

субъективная сторона понятія чести, какъ внутренняго достоянiя человѣка.

Въ памятникахъ и законахъ XVII вѣка „безчестье“, „обида и налоги“, „безчестье и увѣчье“ стоятъ въ неразрывной связи.

Мѣра наказанiя за *безчестье* въ уложенiи видоизмѣняется въ зависимости отъ весьма разнообразныхъ условiй, которыя мы подводимъ подъ слѣдующiя три категорiи: во первыхъ, *отъ мѣста нанесенiя обиды*: совершена ли она въ публичномъ мѣстѣ—храмѣ божiемъ, въ государевомъ дворѣ, въ судѣ или приказѣ, или же просто въ частномъ житейскомъ быту, за исключенiемъ насильственнаго вторженiя въ домъ съ прямою цѣлю „наругательства“; 2) *отъ общественнаго положенiя лица*; здѣсь уложенiе распредѣляетъ общество по объектамъ и субъектамъ на группы или категорiи и оцѣниваетъ честь каждой группы лицъ на деньги по степени достоинства и значенiю ея для государственныхъ интересовъ, отъ 400 до 1 р.; мѣра наказанiя усилена: а) за безчестье высшихъ духовныхъ сановниковъ—патрiарха, митрополитовъ, архiепископовъ, а равно боярѣ, окольничихъ и думныхъ людей—въ томъ смыслѣ, что за ихъ безчестье, кромѣ денежнаго штрафа, опредѣляются уголовныя наказанiя; и б) за безчестье лицъ женскаго пола—цѣна безчестья которыхъ увеличивается противъ мужчинъ: вдвое—для замужнихъ и вчетверо для дѣвицъ—противъ оклада мужей ихъ или отцовъ; и 3) *отъ свойства обиды*, въ которой нужно отнести и непригожое слово, и раны, и тѣлесныя поврежденiя. Тутъ виновный наказывается или за „безчестье“, или за „увѣчье и безчестье“: простая обида облагается нормальнымъ окладомъ безчестья, тяжкая обида или обида квалицированная, кромѣ вознагражденiя за „увѣчье“, облагается платою двойнаго, тройнаго, четвернаго „безчестья“. Самая такса за безчестье показываетъ, что уложенiе измѣряетъ честь личности въ объективномъ отношенiи, извѣстнымъ масштабомъ по званiю обиженнаго и обидчика, т. е. разстоянiемъ по чину, по имуществу, по знатности.

Безчестье въ государевомъ дворѣ, въ храмѣ, въ судѣ; наказаніе за публичную обиду словомъ и дѣйствиємъ.

Цѣна безчестья въ уложеніи измѣняется, какъ сказано, въ зависимости отъ общественнаго положенія и значенія не самого обиженнаго лица, а отъ изображаемой его особою чести. Но личная обида словомъ и дѣйствиємъ въ *государевомъ дворѣ*, въ *церкви* и въ *судѣ* въ уложеніи разсматривается какъ особый видъ преступнаго посягательства на „честь государя“, на „честь государева двора“ на „честь храма божія“, или на „честь суда“. Здѣсь, согласно съ булкою литовскаго статута, уложеніе предусматриваетъ: обиду *словомъ, ударомъ рукою, тростью*, или *до крови, саблею или инымъ оружіемъ, безъ нанесенія раны*, или *съ нанесеніемъ раны*, послѣдствіемъ которой могло быть выздоровленіе или смерть, и опредѣляетъ за такого рода обиду—*кому бы то нибыло*—въ государевомъ дворѣ „не опасаячи чести царскаго величества“, или же „чести государева двора“, кромѣ денежнаго штрафа за *безчестье* въ пользу обиженнаго, смотря по роду обиды, различное уголовное наказаніе: „за честь государя“, „за честь государева двора“. Когда кто при царскомъ велиествѣ, въ его государевомъ дворѣ и въ его государевыхъ палатахъ обезчестить другаго *словомъ* и про то сыщется: „и по сыску за честь государева двора того, кто на государевѣ дворѣ кого обезчестить, *посадити въ тюрьму на двѣ недѣли*, чтобы на то смотря инымъ не повадно было такъ дѣлать. А кого онъ обезчестить, и тому указать на немъ *безчестье*“. За нанесеніе съ *дерзости* удара рукою, сыскавъ до прѣма, *посадити въ тюрьму на мѣсяць*, а кого онъ ударить и тому по немъ доправить *безчестье*. А когда ударить до крови, того за честь государева двора посадить въ тюрьму на шесть недѣль, а тому, кого онъ окривить, *безчестье доправить вдвое*. Кто при царскомъ велиествѣ выметъ на кого саблю или иное оружіе и не ранить того казнить—*отстѣчь руку*, а когда ранить и тотъ, кого онъ ранить, умереть ли или не умереть, то того убійца *казнить смертию*, да изъ животовъ его взять убитаго кабальные долги.

Кто же обезчеститъ другаго нанесеніемъ удара оружіемъ въ Государевомъ дворѣ, не при Государѣ, тотъ, если не причинить раны, подвергается заключенію въ тюрьму на три мѣсяца, а если ранить и раненый не умереть, то обидчику *отстѣчь руку*, а если раненый умереть—*казнить смертию*; кромѣ того раненому *доправить безчестіе и утѣчье противъ оклады вдвое*. До совершенія наказанія, преступника отдать на поруки въ томъ, что ему безъ указа изъ того города, гдѣ онъ кого ранилъ, не съѣзжать до тѣхъ мѣстъ, пока раненой обможется или умереть ⁷¹).

Точно также уложеніе увеличиваетъ мѣру уголовной кары за личную обиду словомъ или дѣйствіемъ кому либо во храмѣ божіемъ. „Кто въ церкви обезчеститъ другаго словомъ, тому опредѣляется *тюрьма на мѣсяць*, кто въ церкви ударить другаго, а не ранить, такого *безчинника за такое безчиніе бити батоги*, кто въ церкви ранить, а до смерти не убьетъ, и ему учинити *торговая казнь безъ пощады и скинути въ тюрьму на мѣсяць*“. Въ публичныхъ личныхъ обидахъ, кромѣ уголовного наказанія за безчестіе храму божію (собственно за нарушенія благоприличія), опредѣляется всегда денежный штрафъ—безчестіе въ пользу обиженнаго лица, а въ случаѣ нанесенія раны *безчестіе вдвое*. Уложеніе находитъ нужнымъ внушить также, что „православнымъ христіанамъ подобаеть въ церкви божіей стояти и молитися со страхомъ, а не земная мыслити“ ⁷²).

Забываясь о благочиніи въ церкви, о благопристойности въ Государевомъ дворѣ, уложеніе внушаетъ необходимость соблюденія приличія и тишины въ судѣ.

„На судѣ истецъ и отвѣтчикъ должны отвѣчать вѣжливо и смирно; судѣ не говорить невѣжливыхъ словъ и не браниться. Кто кого передъ судьями обезчеститъ непристойнымъ словомъ, того

---

⁷¹) *Собор. улож.* гл. III: о Государевѣ дворѣ, чтобы на Государевѣ дворѣ ни отъ кого никакого безчестія и брани не было; ст. 1 — 5. Срав. съ разд. IV литовскаго статута 1588 г.

⁷²) *Собор. улож.* гл. I, о богоульствѣ и церковныхъ мятежникахъ, ст. 5, 6, 7.

за судейское безчестье посадить *въ тюрьму на недѣлю* и на немъ доправить *безчестье* въ пользу обиженнаго; кто передъ судьями съ дерзости рукою зашибеть, а не ранить, и на томъ велѣть тому, кого онъ зашибеть, доправить *безчестье вдвое*; кто передъ судьями замахнется на другаго оружіемъ, или ножомъ, а не ранить, и того *бити батоги*, а если ранить — *бити кнутомъ*, а если раненый умретъ или убьетъ его до смерти и виновника *казнить* смертію, да изъ животовъ убійцы и съ вотчинъ взяти убитаго *кабальныя долги*. А если зачинщикомъ ссоры въ судѣ былъ тотъ, кого онъ ранить или убьетъ и первый началъ бить, — „такова никакою казнію ни казнити, потому что онъ то учинилъ, бороняся отъ себя“ (улож. X, 105 сравни литов. стат.).

Уложеніе, какъ и литовскій статутъ, охраняетъ честь и безопасность судей и вообще должностныхъ лицъ.

„За безчестье въ судѣ судьи непригожимъ словомъ—того бити кнутомъ, или батоги, что Государь укажетъ, а судѣй велѣть доправить на немъ безчестье. Кто же судью зашибеть, или ранить, тому отсѣчь руку и на немъ же велѣть доправить судѣй за раны и за безчестье вдвое. А кто судью въ приказѣ или *идъ либо* убьетъ до смерти, того убійцу казнитъ смертію и изъ его животовъ взяти убитаго *кабальныя долги*“ (улож. X, 106 ср. литов. стат.).

Какъ литовскій статутъ предусматриваетъ случаи оскорбленія „вознаго“ и дворянъ, посылаемыхъ съ официальными бумагами, и за насиліе опредѣляетъ уголовныя наказанія, соединенныя съ платою за безчестіе вдвое, точно также и уложеніе усиливаетъ наказаніе за оскорбленіе и насиліе надъ *приставомъ* или *сыномъ боярскимъ*, при исполненіи ими своихъ обязанностей: «кто будетъ бить пристава или сына боярскаго, или велить кому бить мимо себя людямъ своимъ или крестьяномъ, у него отойметъ и издеретъ наказную или приставную грамоту, такова непослушника за государеву грамоту *бити кнутомъ* и *посадити въ тюрьму на три мѣсяца*, а недѣльщику велѣть доправить на немъ *безчестье и упѣче противъ оклада вдвое*» и т. д. ⁷³⁾.

⁷³⁾ Но за бой и оскорбленіе понятыхъ наказаніе ограничивается взмсаніемъ денегъ за безчестье: „доправить безчестье да убытки ихъ вдвое по смыску“. А

Въ публичныхъ обидахъ интересы частныхъ лицъ соединяются съ интересами государственной власти; внѣ же суда, внѣ службы, судьи и приказные разсматривались какъ частныя лица. Основаніемъ иска за обиду во всякомъ случаѣ служилъ опредѣленный денежный штрафъ „безчестье“, имѣющій много общаго съ „навозкою“ литовскаго статута.

Безчестье или денежный штрафъ за обиду по общественному положенію.

Честь каждаго лица въ государствѣ опредѣлялась математически въ денежныхъ знакахъ. Въ этомъ отношеніи предписанія уложенія, какъ мы знаемъ, служили развитіемъ царскаго судебника и другихъ позднѣйшихъ постановленій ⁷⁴⁾. По уложенію—безчестье (гл. X, ст. 27 — 99) распространяется на всѣ классы народонаселенія; величина его, какъ и по судебнику, зависитъ отъ общественнаго положенія того разряда лицъ, въ которому принадлежать обиженный и обидчикъ и опредѣляется особо по разрядамъ и группамъ лицъ каждаго класса народонаселенія. За безчестье — патриарху опредѣлено 400 руб., за безчестье крестьянину только одинъ рубль. Служилымъ людямъ безчестье опредѣлялось окладомъ ихъ содержанія. Безчестье бояръ и другихъ значительныхъ лицъ назначалось самимъ государемъ. Между честью боярина и честью крестьянина лежала цѣлая бездна; слѣдовательно, непригожее слово въ отношеніи въ чести человѣка, стоящаго внизу лѣстницы, представляется ничтожною дробью. Это при нормальномъ разчетѣ. Но если въ безчестью мужчины, присоедините удвоенное безчестье его жены, учетверенное безчестье его дочери, то общая сумма безчестья человѣка породистаго составитъ безъ малаго цѣлый капиталъ. А эти случаи, какъ увидимъ, были неизбежны при всякомъ

крестьянъ и людей, которые были пристава и понятыхъ, бить кнудомъ, да на нихъ же доправить битымъ пристава и понятымъ убытки вдвое по смыслу“ (улож. X, ст. 142 ср. литов. стат.).

⁷⁴⁾ Гос. гр. и догов. Ц, стр. 46, Акты истор. III, № 92. Ср. Б. Утима, стр. 98.

безчестья, они особенно притягивались въ искахъ за родовое безчестье. Какое обширное поле для користолюбія и какая приманка въ ябедѣ и сутажничеству!....

Слѣдующія группировкѣ платы за безчестье по уложенію, мы можемъ раздѣлить все народонаселеніе на двѣ главныя части: на лицъ духовнаго званія и на лицъ свѣтскаго или военнаго званія, и послѣднихъ подраздѣлить на служилыхъ и неслужилыхъ; въ каждой части имѣется нѣсколько разрядовъ и подраздѣленій или группъ.

Разсмотримъ сначала оклады за безчестье и наказанія лицъ свѣтскаго званія.

Тутъ *четыре группы*:

Первый разрядъ. Бояре, окольнічіе и думные люди.

Второй разрядъ ⁷⁵⁾ (въ тѣсномъ смыслѣ служилые). Стольники, стряпчіе, дворяне московскіе, гости, дьяки, жильцы, дворяне, городовые дѣти боярскіе, иноземцы (въ офицерскихъ чинахъ) и придворные (дворовые чины).

Третій разрядъ (торговые люди и вообще горожане). Имянитые люди строгиновы, гости, гостинные, суконные, казенные и черные сотни, казенныя влободы, посадскіе, ямскіе охотники (ст. 94).

Четвертый разрядъ (главнымъ образомъ сельскіе обыватели). Крестьяне дворцовыхъ сель и государевыхъ черныхъ волостей, боярскіе служилые люди, дѣловые люди, монастырскіе, помѣщичьевы и вотчинничьевы крестьяне и бобыли, гулящіе люди (ст. 94).

Особую группою стоятъ служилые нижняго чина (по прибору): стрѣльцы, пушкари, казаки (гл. XXIII, ст. XXV, ст. 1 и 2).

Въ главѣ X уложенія опредѣлены слѣдующія *наказанія* за безчестье въ каждой группѣ:

---

⁷⁵⁾ Улож. гл. X, ст. 30, 91. Ко второму разряду слѣдуетъ отнести и подьячихъ. Значеніе чиновъ первой и второй группъ описано у *Котова*, гл. II, ст. 1—11. Оклады жалованья служилымъ въ моемъ трудѣ: „Арм. Воин.“, вып. второй

I. Безчестье лицъ первой группы, при взаимныхъ оскорбленіяхъ перваго разряда (т. е. сановниковъ) „неприхожимъ словомъ“, опредѣляется по указу Государя (ст. 80), въ случаѣ же оскорбленія этихъ государственныхъ сановниковъ лицами второй группы, безчестье „править“ по размѣру денежныхъ окладовъ обиженныхъ, а когда за безчестье платить нечѣмъ „ихъ бить кнутомъ“ (ст. 91); если же сановниковъ обезчестить кто либо изъ лицъ, отнесенныхъ нами къ третьему и четвертому разрядамъ, а равно стрѣльцы, пушкари и казаки „кто ни буди“, то обидчику опредѣляется *наказаніе кнутомъ и тюрьма на двѣ недѣли* (ст. 92).

II. За безчестье лицъ второй группы, а также подьячихъ и иныхъ всякихъ чиновъ людей, которые государевымъ денежнымъ жалованьемъ верстаны, править безчестье по ихъ окладамъ (ст. 93).

III. За безчестье лицъ третьаго разряда сумма денегъ назначена въ самомъ законѣ: за безчестье именитымъ людямъ Строгоновымъ—по 100 руб. челоувѣку; гостю—50 руб., челоувѣку гостинной сотни—25 руб. и т. д., кончая ямскимъ охотникомъ, которому назначено 5 руб. за его безчестье (ст. 94).

IV. Безчестье лицъ сельскаго состоянія и гулящихъ людей опредѣлено въ одинъ рубль челоувѣку, но съ такою оговоркою: „А будетъ кто государевыхъ крестьянъ учнетъ бити и бьючи изувѣчить, глазъ выколетъ, или руку, или ногу, и на томъ имати государевымъ крестьянамъ за увѣчье и за безчестье по десяти рублевъ челоувѣку. А будетъ кто государева крестьянина зашибетъ, а увѣчье никакого не учинить, и на томъ имати государевымъ крестьянамъ за бой и безчестье по два рубля“. То же чинить за безчестье и увѣчье прочихъ крестьянъ ⁷⁶⁾.

Подобно прежнимъ законамъ, уложеніе опредѣляетъ уси-

---

⁷⁶⁾ Улож. гл. X ст. 94. Сравни эту статью съ ст. 10 гл. XXII, гдѣ за отсѣченіе руки, ноги, носа, уха и проч. опредѣлено виновному чинить то же, и кромѣ того, за всякій отсѣченный членъ и за всякую рану платить по 50 рублей. Здѣсь о безчестьи вовсе не упоминается.

прил. къ ж. гр. и уг. пр. кн. VIII 1889 г.

денный денежный штрафъ за оскорбленіе „непригожимъ словомъ“ лицъ женскаго пола: за безчестье чьей либо жены править вдвое противъ оклада ея мужа, чьей либо дочери—въ четверо противъ отцова оклада; но за безчестье сына неверстаннаго—въ половину противъ отцова оклада (ст. 99).

Стрѣльцамъ за безчестье свое и своей жены, со стороны своей братіи, править деньги, а если обвиняемому платить нечѣмъ, за то безчестье *бити его кнутомъ*. Атаманамъ и казакамъ, кто ихъ чѣмъ обезчеститъ, править противъ денежныхъ окладовъ, а которымъ идетъ кормъ, тѣмъ за безчестье править по 5 рублей; то же по 5 руб. кузнецамъ самопальнаго дѣла, а рядовымъ кузнецамъ по 4 руб. (гл. XXIII ст. 3; гл. XXIV ст. 1 и 2).

Что же касается до лицъ духовнаго званія, то здѣсь черное или монашествующее духовенство отдѣлено отъ бѣлаго или свѣтскаго клира. И точно также оклады назначаются по группамъ, которыя мы соединяемъ въ четыре разряда.

I. За патриаршее безчестье, бояре, окольнічіе и думные люди выдаются патриарху головою, между тѣмъ за „властелинское безчестье“ они платятъ денежный штрафъ: митрополиту—400 руб., архіепископу—300 руб. и епископу—200 руб. Если же означенные думные люди уплатить этихъ денегъ не въ состояніи, то они точно также выдаются головою. Лица второй группы свѣтскихъ чиновъ за безчестье митрополита подвергаются наказанію батогами, а за властелинское безчестье заключаются въ тюрьму. Всѣмъ же прочимъ лицамъ „какова чина ни буди“ за безчестье духовныхъ сановниковъ опредѣляются тѣлесныя наказанія (торговая казнь или батоги) и заключеніе въ тюрьму отъ одного мѣсяца до четырехъ дней (ст. 28—31).

II. Безчестье архимандрита, игуменовъ и иноковъ опредѣляется смотря по званію оскорбленнаго и іерархическому положенію монастыря, начиная отъ архимандрита, игумена, келаря и казначея Троице-Сергіевской лавры. Оклады безчестья опредѣлены означеннымъ группамъ отъ 100 до 6 руб-

лей; рядовымъ старцамъ и старицамъ по 5 руб., а безмѣстнымъ старцамъ по 3 рубля (см. 32—83, 97).

III. Свѣтское духовенство — протопопы, протодіаконы, попы, діаконы получаютъ за безчестье, за нѣкоторыми исключеніями, „что имъ идетъ государева жалованья денежныя руги“. А тѣмъ священникамъ, „которымъ годовыя денежныя руги нѣтъ“, безчестье опредѣляется по особому счету (см. 85—88).

IV. Наконецъ, въ главѣ X исчислено также подробно и обстоятельно безчестье духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, составляющихъ штатъ патріарха, духовныхъ іерарховъ, монастырей и церквей; не забыты и церковнослужители—дьячки и пономари, коимъ опредѣлено по 3 и по 2 рубля за безчестье (см. 95—98).

Приводя въ извѣстную, довольно сложную систему прежде существовавшія постановленія относительно преступленій противъ чести, уложеніе, въ своей лѣстницѣ, уподобляемой пирамидѣ, за основаніе для уступенія наказаній за безчестье приняло личную обиду словомъ. Въ этомъ его несомнѣнная заслуга. Духовная власть долго вела безуспѣшную борьбу съ распространеніемъ въ народѣ привычекъ къ сквернословію, оскорбительнымъ выраженіемъ, поклепу, лжи. Теперь пришла очередь для законодательства: оно преслѣдуетъ преступленія противъ чести съ особенною строгостью, охватывая насилія и такія преступленія, которыя вели къ матеріальному ущербу обиженной стороны. Ему предстояло обезпечить неприкосновенность личности отъ посягательства и на ея достоинство, и на благосостояніе, не только употребленіемъ словъ ругательныхъ или позорящихъ честь, но и употребленіемъ недостойныхъ средствъ къ униженію, оскорбленію или причиненію ущерба своему противнику публичнымъ ложнымъ обвиненіемъ.

Съ другой стороны — безчестье, обращенное въ денежныя знави, представляется столь крупною суммою, что вело отвѣтчика къ совершенному разоренію и этимъ средствомъ пользовалось тщеславіе и корыстолюбіе, заводя искъ въ судахъ,

которые усердно служили интересу людей имущихъ и сильныхъ.

Обиды, отягченныя обстоятельствами.

Въ обидахъ, отягченныя обстоятельствами, уложение опредѣляетъ *двойное безчестье*, т. е. оно удваиваетъ тягость отвѣтчика. Въ судѣ каждый желалъ найти защиту отъ посягательства на свою честь, вслѣдствіе ложныхъ свидѣтельскихъ показаній, неправильнаго обвиненія, насилія, вообще самоуправныхъ дѣйствій. Предусматривая разнообразныя случаи, законодатель развилъ чрезвычайно подробно казуистическую регламентацію. Посредствомъ безчестья каждый могъ добиваться удовлетворенія своего иска въ судѣ: „А будетъ это кого чѣмъ обезчеститъ и за безчестіе чинити указъ“. *Свойство безчестья* нужно было доказать свидѣтельскими показаніями такихъ лицъ, на которыя сошлется обѣ стороны. Въ законѣ опредѣлены случаи, когда именно свидѣтели за ложныя показанія подвергаются денежному штрафу, когда наказываются тѣлесно (даже кнутомъ), когда могутъ быть подвергнуты пыткамъ ⁷⁷⁾.

Въ самомъ принципѣ иска за безчестье обнаруживаются слабыя стороны соборнаго уложенія. Въ немъ даже и приблизительно не опредѣлено, что именно законъ разумѣетъ подъ выраженіемъ „непригожимъ словомъ“, въ чемъ должна состоять обида словомъ, за которую обиженный могъ привлечь обидчика къ отвѣту. Обиженный не ограничивался своею личностью; онъ присоединялъ къ ней и жену свою и дочерей.

---

⁷⁷⁾ *Соборн. улож.* гл. X, ст. 158—173. Свидѣтели, при извѣстныхъ случаяхъ, подвергаются денежной пенѣ въ размѣрѣ до 40 руб. съ человѣка, а въ случаѣ лживыхъ показаній—наказанію кнутомъ или же пыткамъ. Когда обѣ стороны на судѣ сошлются „на обчую правду“, хотя на одного человѣка, то дѣло вершить по обчей ссылкѣ. Когда свидѣтелей трое, то показаніе двухъ противъ одного принимать за истину. Когда общая ссылка оговорила кого либо, солгала, и „той обчей ссылкѣ за то учинить жестокое наказаніе—бити кнутомъ нещадно“. Боярскихъ людей, крестьянъ и женскій полъ во всякихъ дѣлахъ допрашивать по государеву крестному цѣлованію передъ образомъ Божиимъ и т. д. *Ст. 149.* Какъ чинить управу въ обидныхъ дѣлахъ на бояръ, окольныхчихъ, стольниковъ и на дворянъ московскихъ и ихъ дѣтей, воеводу, пословъ.

Обратимъ вниманіе на обиды весьма тяжкія, на тѣ обиды, которыя лишали семью работника, вслѣдствіе причиненія ему увѣчья, тяжелой раны, на обиды вслѣдствіе лжесвидѣтельства. Въ обидѣ дѣйствіемъ во многихъ отношеніяхъ приурочены тяжкія тѣлесныя поврежденія ⁷⁸⁾. Въ этихъ отдѣльныхъ законахъ дѣйствительная обида смѣшивается съ насиліемъ, съ грубымъ посягательствомъ на тѣлесную неприкосновенность и опредѣляется уголовная кара „за увѣчье“, соединяемое съ денежною платою „за *безчестье*“. Но здѣсь нѣтъ послѣдовательности. За отсѣченіе руки, ноги, носа, уха, за поврежденіе глаза уложеніе предписываетъ сдѣлать тоже самому обидчику, да и на немъ же взяти изъ вотчинъ его и изъ животовъ тому, надъ кѣмъ онъ такое ругательство учинилъ, безчестья по 50 рублей за каждый отсѣченный членъ и за всякое *уотъче* (глазъ, ухо и т. п.). Тутъ увѣчье смѣшивается съ безчестьемъ. Личною обидою и оскорбленіемъ чести часто почитается насильственное нападеніе, „наѣздъ“ на чужія владѣнія, захватъ полей и луговъ и т. п. „Кто заволокеть кого силою и станетъ бить ослопомъ, или кнудомъ, или батоги и таково бить кнудомъ по торгому и кинуть его въ тюрьму на мѣсяць,“ да на немъ же доправить въ пользу потерпѣвшаго *безчестье* и *уотъче* *вдове*. Людей, которые помо-

⁷⁸⁾ Уложеніе гл. X, ст. 133, 136, 198, 199, 281; XII, 10, 11, 12, 17 и многія другія, на которыя мы ссылались прежде и еще будемъ ссылаться впереди. См. объ этомъ же: *Б. Утима*, стр. 64 и слѣд.; *Ланге Журналъ* минист. народн. проsv. стр. 209 и слѣд. Въ главѣ о *механическихъ дѣйствіяхъ, считающихся* (по уложенію) *наносившими безчестье*, отнесены: а) нанесеніе ранъ и увѣчій, б) побой, в) напускъ на кого собаки, г) наѣздъ на чью жену лошадыю съ умысломъ, д) самоуправная попытка татя въ своемъ домѣ, е) умнишенное подглядываніе кому подличнаго, ж) составленіе подложной кабалы или крѣпости, з) хватаніе рукою мужчины или женщины за тайные уды и опростоволосеніе чьей жены, и) написаніе въ чьемъ либо прозвищѣ или имени другихъ буквъ. Соборн. улож. I, 5, III, 5, X, 106, 198, 199, 133, 94; XX, 11, 17; новоуказан. ст. 94 (1 полн. собр. зак. № 441), X, 136, XXII, 11; новоук. ст. 95, XX, 11, 12, новоук. ст. 96; I, 6, III, 2, X, 106, 105, VII, 32, X, 142, XXII, 4, новоук. ст. 90; XXII, 17; новоук. ст. 103; XXI, 88; новоук. ст. 16, XXI, 55, новоук. ст. 55; XXI, 56; новоук. ст. 55; X, 251. См. еще въ 1 полн. собр. зак. II, №№ 653, 775, 782, 812, 879, 886, 9, 93, 905. Акты юридич. №№ 61, 70, 276. Акты историч. V, № 43.

гали такому нарушительству—*бить кнутомъ по торгомъ и стинуть въ тюрьму на мѣсяцъ*, а съ тѣхъ, которые на такое дѣло людей своихъ научили, править *безчестье вдвое* въ пользу потерпѣвшаго; а чей человекъ учинить такое наругательство самъ собою, такого, *пытавъ, казнить смертію* (улож. гл. XX, ст. 10, 11, 12 и въ новоуказныхъ статьяхъ 94, 95, 96). Зачинщикъ драки, если будетъ раненъ, лишается платы за безчестье, потому что самъ не правъ (улож. гл. X, 201). Когда одинъ человекъ обидитъ трехъ, четырехъ человекъ, то каждый изъ числа обиженныхъ можетъ искать на обидчикѣ свое безчестье особо, хотя бы товарищи его отступились отъ иска. Когда же нѣсколько человекъ учинятъ обиду одному и обиженный предъявитъ жалобу на всѣхъ, но изъ нихъ кто либо одинъ помирится, а остальные безъ суда не помирятся, то истцу слѣдуетъ дать судъ на тѣхъ остальныхъ, а безъ суда ихъ по раздѣлѣ товарища ихъ не винить (гл. X, 183, 184).

Къ личной обидѣ уложеніе относитъ даже такое значительное по нашимъ понятіямъ преступленіе какъ насилие воинскихъ людей на походѣ, когда они съ мѣста жительства шли толпами на сборные пункты или послѣ похода возвращались домой („когда онъ ѣдетъ на государеву службу или возвращается съ государственой службы“). „А будетъ онъ (служилый) на томъ стану рукою ударить, а не до смерти убьетъ, и не ранитъ, или словомъ кого обезчеститъ, или у кого что грабежемъ возьметъ, а сыщется про то до прями: и тому учинити навазаніе смотря по винѣ; да на немъ же велѣти тому, кого онъ рукою ударитъ, или словомъ *обезчеститъ, доправить безчестье и грабежъ вдвое*“ (гл. VII, 32).

Коротко сказать—*безчестье* въ понятіяхъ русскаго общества XVII вѣка обнимало не только непосредственную личную обиду словомъ или дѣйствіемъ, безъ причиненія какого либо тѣлеснаго поврежденія, или съ причиненіемъ раны, увѣчья и даже смерти, но также и всякаго рода насилія, драки, грабежи, захватъ чужой собственности. Но этого мало; и съ за безчестіе по уложенію и новоуказнымъ статьямъ, охватывая

самыя разнообразныя преступленія, составляя истинную общественную язву, развивая ябедничество въ судахъ и усложняя до крайности дѣлопроизводство ⁷⁹⁾).

Заключеніе. Въ уложеніи выражались вполне своеобразныя, запутанныя взгляды на личное оскорбленіе, на обиду; личность укрывается за званіемъ и чиномъ. Въ этомъ отношеніи законодательство XVII столѣтія дало не много новаго: уложеніе развило и закрѣпило правоопредѣленія прежнихъ русскихъ законовъ, дополнивъ таковыя устарѣлыми нормами литовскаго статута и византійскихъ градскихъ законовъ. Оно не пошло далѣе устарѣлыхъ формъ государственнаго строя и не рѣшилось вступить въ борьбу съ предрасудками и обычаями вѣка. Личную обиду, оскорбленіе чести оно понимало въ узкомъ смыслѣ тѣхъ противозаконныхъ дѣяній, которыя затрогиваютъ не столько нравственную сторону личности, сколько ея физическую природу или матеріальное достояніе. Оно не могло различать личнаго оскорбленія отъ обиды служебной, потому что не умѣло отдѣлять достоинство лица, какъ человѣка, отъ званія, которое онъ носилъ. Каждой группѣ людей, оплачиваемыхъ извѣстною суммою денегъ за безчестье, въ государственной организаціи дана была извѣстная вѣтка, въ которой только и могли вращаться всѣ жизненные интересы этихъ людей. Какъ женщина томила въ теремѣ, такъ и стрѣлецъ, такъ и сынъ боярскій обязаны были вѣчною службою, со всѣми своими домочадцами, со всѣми своими животами.

Иначе уложеніе отнеслось къ *публичнымъ* оскорбленіямъ чести, разграничивъ въ нихъ значеніе обиды словомъ отъ обиды дѣйствіемъ постепенностью усиленія наказаній. Но эти опредѣленія пришли извнѣ—изъ литовской Руси, точно также какъ ранѣе, въ древній періодъ, приходили постановленія грековъ и скандинавовъ, какъ вмѣстѣ съ христіанствомъ пере-

---

⁷⁹⁾ Уложеніе гл. X, ст. 9, 99, 107, 143, 162, 171, 186—188, 231, 252, гл. XXI, ст. 55. О безчестьи за поклепъ, ложное свидѣтельство, ложное челобитье и проч. См. еще: соч. Утина, стр. 72 и слѣд.; Ланге, Журналъ мин. народ. просвѣщ., стр. 198 и слѣд. Авторъ перечисляетъ разные виды безчестья по неправильнымъ или ложнымъ обвиненіямъ.

пимались церковные и свѣтскіе законы Византіи. Для частныхъ личныхъ оскорбленій само уложеніе не установило какихъ либо самостоятельныхъ юридическихъ нормъ, не отдѣлило отъ нихъ другихъ преступленій, угрожающихъ лицу проявленіемъ дивой воли, матеріальной силы, въ формѣ грубаго физическаго насилія и самоуправства. Своею казуистической регламентаціей о судѣ уложеніе поддерживало только щепетильную притязательность челобитчиковъ по вопросамъ родовой чести, и усердно поощряло иски о безчестіи посредствомъ розыскаго процесса, надѣляя истцовъ матеріальнымъ благомъ въ ущербъ благосостоянію отвѣтчиковъ. Въ судѣ, по уложенію, видимъ проявленіе того же поля, со всѣми его неправдами въ пользу людей богатыхъ и сильныхъ.

Другимъ, болѣе надежнымъ путемъ должно было совершиться смягченіе народныхъ нравовъ, а такое явленіе предполагаетъ нравственный подъемъ личности. Иными путями общественное сознаніе должно было придти къ убѣжденію, что не всякая обида можетъ быть искуплена только уплатою извѣстнаго числа рублей. Только будущія грозныя событія, посредствомъ тяжкаго опыта, докажутъ необходимость ограниченія примѣненія пытокъ и удручающихъ тягчайшихъ членовредительныхъ тѣлесныхъ наказаній; даже въ вопросѣ столь деликатномъ, какъ честь, это будущее выяснить, въ чемъ именно состоитъ личная честь каждаго человѣка, какъ гражданина, какъ сына отечества.

Уложеніе, какъ мы уже сказали, сдѣлало уже много тѣмъ, что установило отвѣтственность за личную обиду „непристойнымъ словомъ“ и намѣтило публичную обиду. Въ немъ, безъ сомнѣнія, имѣлись и другія симпатичныя стороны, не взирая на его презрительное отношеніе къ человѣку, жизнь котораго имѣла такую малую цѣну для государства XVII столѣтія. Оно, на примѣръ, пришло на помощь церкви и нравственности, установивъ грозное наказаніе за оскорбленіе дѣтьми своихъ родителей ⁸⁰⁾. Но уложеніе не могло идти по пути

⁸⁰⁾ Уложеніе гл. XXII ст. 4; то же и въ 1 полн. собр. зак. I, № 431.

быстро развивавшихся въ народѣ новыхъ понятій. Не прошло и полустолѣтія, какъ потребовались коренныя въ немъ измѣненія и существенныя дополненія. Въ 1687 году воспрещено *ставить на правезъ и въ заживъ головою истцомъ не отдавать* людей неимущихъ—крестьянъ, бобылей, посадскихъ, дворовыхъ, нижнихъ чиновъ, которые не могли платить денегъ за безчестье стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ московскимъ и городovýmъ, и всякихъ чиновъ служилымъ людямъ, но наказывать ихъ за эти безчестія батогами ⁸¹⁾. Скоро явится необходимость предотвратить посягательства постороннихъ воинской службѣ людей на нижнихъ чиновъ при отправленіи ими караульной службы, въ которой предписывалось брать подъ арестъ людей публично вступающихъ въ драки ⁸²⁾. Скоро будетъ запрещено солдатамъ бить челомъ на торговыхъ всякихъ чиновъ людей, въ брани и въ безчестіи своемъ; въ подобныхъ искахъ, преслѣдовавшихъ своекорыстныя цѣли, велѣно солдатамъ отказывать и розыску не чинить ⁸³⁾. Государство съ насмѣшвой отнесется къ обидчивости воеводъ, требовавшихъ безчестья за то, что иной купецъ „смотреть звѣрообразно.“ Скоро окажется нужнымъ воспретить переходы въ другія руки недвижимыхъ имѣній—помѣстій и даже вотчинъ, которыя отписывались за безчестье по требованію истцовъ ⁸⁴⁾.

„Новоуказныя статьи, 22 января 1669 года.“ Въ разъясненіе и дополненіе 21 и 22 главъ соборнаго уложенія: о татѣхъ, разбойныхъ и убивственныхъ дѣлахъ стр. 794, ст. 90: „А будетъ кто, сынъ или дочь, не помня закона христіанскаго, учнетъ отцу или матери грубыя рѣчи говорить, или отца или мать съ дерзости рукою зашибеть, и въ томъ на нихъ отецъ, или мать учнутъ бити челомъ; и такихъ забывателей закона христіанскаго, за отца и за мать, *бити кнутомъ*.“

⁸¹⁾ 1 полн. собр. зак. I, № 1228. Именной изъ дворцоваго приказа 7 марта 1687 г.

⁸²⁾ 1 полн. собр. зак. IV, № 1663. Именной 1698 г. „которые люди на караулѣхъ въ дракахъ караульнымъ стрѣльцамъ взять себя не дадутъ и караульныхъ стрѣльцовъ побьютъ и объявятся на нихъ бой и тѣмъ людямъ за бои караульнымъ стрѣльцовъ чинити наказаніе *бити кнутомъ* и *правити на нихъ безчестье* и *увельче противъ ихъ оклады вдвое*, а на которыхъ караульныхъ бою не явится, и тѣмъ стрѣльцамъ *правитъ безчестье по окладамъ ихъ въ одинъ рядъ*.“

⁸³⁾ 1 полн. собр. зак. IV, № 1785. Именной 24 мая 1700 года.

⁸⁴⁾ 1 полн. собр. зак., IV, № 1796. Именной съ боярскимъ приговоромъ 7 іюня 1700 года. „Кто кого обезчеститъ по ижежнему правитъ безчестье, но когда истцу

Коротко сказать, грозныя событія въ быстромъ своемъ полетѣ разбивали по частямъ принципы уже обветшавшей старины и разстраивали двухвѣковую государственную организацію, съ ея патріархальными формами, въ которыхъ становилось тѣсно русскому человѣку, оканчивавшему свой отроческій возрастъ.

Несостоятельность уложенія въ борьбѣ съ преступленіями противъ чести обнаружится еще полнѣе, когда мы ознакомимся съ притязательностью родовой чести, вносившею въ общественный бытъ служилыхъ людей одну лишь смуту и бывшею существеннымъ препятствіемъ къ развитію естественнаго роста государственнаго тѣла.

Примѣчаніе. Слѣдующая статья „Мѣстничество и преступленія противъ родовой чести“ была помѣщена въ Военномъ Сборникѣ за 1888 г. № 12, и потому здѣсь опускается.

ПРЕСТУПЛЕНІЯ ПРОТИВЪ ЧЕСТИ ПО АРТИКУЛУ ВОИНСКОМУ И ПАТЕНТУ О ПОЕДИНКАХЪ.

ГЛАВА III.

Событія предшествовавшія реформамъ Петра Великаго.

Въ половинѣ XVII столѣтія въ государствахъ западной Европы вмѣстѣ съ развитіемъ монархическихъ началъ и съ учрежденіемъ регулярныхъ войскъ, выдвинулись новые элементы въ военныхъ законодательствахъ. Военные законодатели тщательно оберегаютъ достоинство и честь начальниковъ—по отношенію къ офицерамъ, офицеровъ по отношенію нижнихъ чиновъ и вообще старшихъ—по отношенію къ младшимъ. Эти принципы Густава Адольфа усвоены были всѣми законодательствами на западѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ тѣже законы защищаютъ низшихъ отъ произвола и насилія старшихъ. Огражденіе личной чести солдата, какъ сына отечества, становится предметомъ заботы верховной государственной власти.

платить нечѣмъ, то отвѣтчиковъ наказывать батогами, а помѣстій ихъ, отвѣтчиковыхъ, и вотчинъ за безчестье истцомъ впредь никому не отдавать. См. еще *Акты археограф. экп.*, т. I, № 280, 1571 г.

Въ началѣ XVIII вѣка эти же принципы стали достояніемъ и русскихъ войскъ.

Мы уже знаемъ какимъ порядкомъ совершень переходъ Россіи къ регулярной арміи. Бросимъ еще бѣглый взглядъ на состояніе русскаго общества въ концѣ XVII стол. Помѣстная система видимо слабѣла, воинскій характеръ помѣстныхъ служилыхъ утрачивался, служилые стали заниматься хозяйствомъ, заботиться о закрѣпощеніи работниковъ; послѣ покойной и празднои жизни въ помѣстьи, служба, когда приходило время, становилась тяжкою, обременительною. Сознавалась кое-гдѣ изъ *новыхъ* людей, приближенныхъ къ царю, несостоятельность русскаго военнаго строя. Начинался усиленный призывъ иностранныхъ офицеровъ для обученія русскихъ ратному строю, по образцу иноземному. Подлѣ національныхъ войскъ явились полки съ иноземными названіями: солдатскіе, рейтарскіе и драгунскіе. Солдаты и драгуны, какъ и стрѣльцы, жили нерѣдко отдѣльными слободами. Приказами управляли потомки царской дружины—бояре, окольничіе и думные люди. Отношеніе бывшей дружины къ царю измѣнились. Но судьи и воеводы продолжали кормиться отъ дѣль, и русское общество въ концѣ XVII ст. сверху до низу представляется разшатааннымъ отъ насилія и самоуправства воеводъ и судей. Христіанскія понятія продолжали еще сталеиваться съ суевѣрными обрядами, остатками язычества. Старые, знакомые намъ изъ судебныхъ поединковъ ворожеи, чародѣи, не переводились. Даже въ царскомъ дворѣ вѣрили въ чарующую силу нашептыванія, заговариванія, поимки слѣда. Вѣдунамъ и чародѣямъ щедро платили. Наговариваніе на громовую стрѣлу, на медвѣжьй ноготь, колдовство на слѣдъ, употребленіе приворотнаго корня („обратима“) продолжали кормить людей, знавшихся съ темными силами. Волхованіемъ занимались и въ царскихъ чертогахъ, и въ палатахъ вельможъ, и въ бѣдной хижинѣ посадскаго и простаго чело-вѣка. Чародѣевъ преслѣдовали и боялись. Ильѣ Милославскому, еще до брака царя Алексѣя на его дочери, подкинули письмо, будто у него хранится *волшебный перстень* знаме-

нидаго дьяка Грамотина, и послѣ того за нимъ долго при-
сматривалъ приставъ. Родственникъ царскій, бояринъ Семень
Стрѣшневъ обвиненъ былъ въ *волшебство* и это обвиненіе не
прошло даромъ: у него отняли боярство и сослали въ Во-
логду. Въ волшебствѣ же обвиняли и знаменитаго Матвѣева,
чтобъ помѣшать браку царя Алексѣя на его воспитанницѣ
Нарышкиной ⁸⁵). Немногіе, конечно, факты попали на стра-
ницы исторіи. Но мы знаемъ, что въ народѣ не переводились
бѣсовскія пѣсни, соблазнительныя игры, нашептыванія. Знаемъ
объ этомъ изъ попадающихся въ актахъ запрещеній и угрозъ
наказаніями.

Какъ ни вѣрно держались старины русскіе люди XVII
вѣка, но они не могли устоять противъ напора новыхъ идей,
которыя неотступно вторгались съ запада. Новые учителя и
въ монашескихъ рясахъ и въ доспѣхахъ бранныхъ незамѣтно,
но дружно, готовили общество къ реформаторской дѣя-
тельности Петра. Оставляя въ сторонѣ распространеніе ду-
ховнаго образованія кievскими учеными монахами, переводив-
шими на славянскій языкъ греческую библію, разные уставы
и сборники, отмѣтимъ тотъ важный фактъ, что учителями
были иноземные ратники, притомъ они были учителями не
одного ратнаго дѣла. Эти непрошеные гости, эти наставники
иноземщины заняли въ Москвѣ особую слободу, знаменитую
„Нѣмецкую слободу“, просвѣтительная роль которой доста-

---

⁸⁵) *Соловьевъ*, XIII, стр. 170, цит. 134. Приказныя дѣла москов. арх. мин.
иностр. дѣлъ. Годы 1674, 1651. Арх. мин. юст., столбцы приказнаго стола, № 1691.
Исторія о невинномъ заточеніи Матвѣева, стр. 161. Въ 1674 г. въ Тотмѣ сож-
жена была въ срубѣ публично женщина Федосья по оговору въ *порчь*. Въ Шую
къ чудотворному образу Смоленской богородицы изъ многихъ городовъ пріѣзжали
люди, мужчины и женщины, и привозили одержимыхъ *нечистыми духами* „страж-
дущіе въ молебное время мѣтаются всякими различными кознодѣйствами и кли-
чутъ на уѣздныхъ людей, что ихъ портятъ: кликала Ирина Маурила на Федуку
Якимова, и по царскому указу Якимовъ взять въ Суздаль и кончился зломъ смертью.
На свадьбахъ присутствовали *знахари*, которые умѣли отвращать всякое зло. До
суздальскаго архіепископа дошло извѣстіе, что весь городъ встревоженъ видѣніемъ
„какъ соборный попъ Иванъ ѣздилъ на медвѣдѣ“. *Соловьевъ*, XIII стр. 166 — 169.
У *Забѣлина* имѣется любопытное разбирательство по приказанію государя о „кол-
довствѣ на царичицъ слѣдъ“. Ч. II, стр. 352 и слѣд.

точно намъ уже извѣстна („Арт. воин.“, вып. 2). Въ полицейскомъ наказѣ, данномъ десятникамъ Нѣмецкой слободы, велѣно наблюдать, чтобы полковники, подполковники и начальныя люди не допускали къ *поединкамъ* нижнихъ чиновъ, чтобы не учинялось *никакого смертнаго убійства и дракъ*, чтобы не торговали виномъ, пивомъ и табаккомъ, не играли зернью и въ карты ⁸⁶). Подобныя наказы давались и самимъ начальникамъ—иноземнымъ полковникамъ; но въ извѣстныхъ намъ наказахъ для стрѣльцовъ о поединкахъ вовсе не упоминается.

Иноземцы, приходившіе искать счастья, какъ люди вышешіе къ превратностямъ судьбы, много видѣвшіе и не мало знавшіе, не стѣснялись въ своихъ привычкахъ: на свои пирушки они привлекали молодежь московской знати и занимали столыльниковъ и жильцовъ заманчивыми рассказами про житье, бытѣе заморское. Скоро и легко иноземцы примѣнялись къ русскимъ обычаямъ и нравамъ.

Гордонъ въ своемъ „Дневникѣ“ даетъ понятіе о томъ, какого рода внушенія понравились иноземнымъ начальникамъ.

„Однажды русскій капитанъ Спиридоновъ накрылъ своихъ солдатъ, которые тайкомъ ночью играли въ карты и, по обычаю тогдашняго начальства, воспользовался этимъ случаемъ для добычи: забралъ себѣ не только деньги, которыя были въ игрѣ, но еще взялъ съ солдатъ 60 рублей, не давши объ этомъ знать Гордону, какъ непосредственному начальнику. Тотъ призвалъ Спиридонова къ себѣ, и сдѣлалъ ему *строгий выговоръ* съ угрозою, что впередъ ему плохо будетъ. Капитанъ, не привыкшій къ такимъ нѣжнымъ внушеніямъ, началъ было горячиться; тогда Гордонъ употребилъ внушеніе другаго рода: схватилъ Спиридонова за голову, повалилъ на полъ, и такъ отколотилъ дубиною, что несчастный едва могъ встать. Капитанъ пожаловался полковнику, но Гордонъ заперся, потому что свидѣтелей не было; капитанъ пожаловался боярину: Гордонъ и тутъ заперся“.

Очевидно, Гордонъ хорошо усвоилъ себѣ теорію фор-

---

⁸⁶) Дѣла приказныя москов. арх, мин. иностр. дѣлъ. Годъ 1673. — *Соловьевъ* XIII, стр. 222, цит. 178.

мальныхъ дозвательствъ тогдашняго розыска—слѣдственнаго процесса.

Однажды хозяинъ дома вздумалъ выпроводить Гордона изъ занимаемой имъ квартиры. Челобитые его было уважено, но Гордонъ не обращалъ вниманія на письменныя приказанія полиціи. Явился подъячій съ 20 человѣками трубниковъ, большая часть которыхъ осталась внизу. Гордонъ потребовалъ указъ. Подъячій отказался, приказавъ трубникамъ забрать чемоданъ и вещи, а самъ беретъ полковныя знамена. „Гордонъ вскакиваетъ изъ за стола, и съ помощью денщика и двухъ офицеровъ, которые вмѣстѣ съ нимъ обѣдали, выгоняетъ подъячаго вонъ изъ комнаты и съ лѣстницы. Но подъячій соединяется съ остальными трубниками и снова идетъ на верхъ къ Гордону; тотъ съ товарищами, пользуясь выгодой своего положенія на верху, прогоняетъ ихъ, тѣмъ легче, что трубники были вооружены палками“. Между тѣмъ на шумъ прибѣжали солдаты и прогнали подъячаго съ трубниками.

По иностраннымъ законамъ за призывъ на помощь другихъ, въ случаѣ драки, опредѣлялась смертная казнь. Но въ Москвѣ на продѣлку Гордона, несмотря на то, что побиты были полицейскіе чины и служители, вооруженные палками, не обратили даже и вниманія.

Пирушки иноземцевъ вели къ ссорамъ, которыя нерѣдко оканчивались драками и поединками, несмотря на ихъ запрещеніе въ Россіи. Такъ, въ 1666 году Гордонъ поссорился съ маіоромъ Монгомери у себя на пирушкѣ, которую задалъ придворнымъ въ царскіе именины, и имѣлъ съ нимъ поединокъ ⁸⁷⁾.

Гордонъ, бывшій двукратно на шведской службѣ (въ 1655 и 1659 г.г.), не могъ не знать шведскихъ военныхъ артикуловъ, въ которыхъ поединки и драки запрещались подъ угрозою смертной казни. Легко себѣ представить, какъ выгодно было буйнымъ иноземцамъ поступать на царскую служ-

---

⁸⁷⁾ Gordon, Tagebuch, 1 B.—*Соловьевъ*, XIII, стр. 222—225 приводитъ случаи ссоръ и дракъ солдатъ со стрѣльцами и ссору полковника Гордона съ генералъ-маіоромъ Траурерихтомъ. О дракахъ солдатъ иноземнаго строя съ жителями, которыя нерѣдко окончивались увѣчьемъ и убійствомъ, имѣются свидѣнія въ актахъ историческихъ и археографической экспедиціи.

бу. Впослѣдствіи, командуя Бутырскимъ солдатскимъ полкомъ, тотъ же Гордонъ ввелъ строгую дисциплину и не допускалъ насилій и самоуправства. Но при Алексѣѣ Михайловичѣ и Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ эгоистическіе интересы, стремленіе къ наживѣ на счетъ подчиненныхъ неизбежно вели къ насиліямъ и обидамъ нижнихъ чиновъ и вызывали непрерывныя челобитныя солдатъ и стрѣльцовъ на своихъ капитановъ и полковниковъ. Въ этихъ челобитныхъ служилые люди просили о вознагражденіи за безчестье.

Для характеристики времени, предшествующей стрѣльчому бунту, замѣтимъ встать, что когда въ 1677 году на Рождество Христово нѣкоторые дѣяки не пустили къ себѣ государевыхъ славельщиковъ, то разгнѣванный царь (Ѳеодоръ Алексѣевичъ) приказалъ лишить ихъ обыкновенныхъ доходовъ, т. е. онъ повелѣлъ *„за такую ихъ дерзость и безстрашіе быть имъ въ приказахъ безкорыстно и никакихъ почестей и поминокъ ни укого ничего ни отъ какихъ дѣлъ не имать“*. Если же кто явится въ самой малой *взятокъ*, или *корысти* и имъ за то быти въ наказаніи ⁸⁸).

Въ то время, когда облеченные властью воеводы и полковники кормились на счетъ подчиненныхъ служилыхъ людей, въ русскомъ помѣстномъ и поселенномъ войскѣ не могло и установиться правильныхъ дисциплинарныхъ отношеній между начальниками и нижними чинами; не должно, поэтому, удивляться челобитнымъ стрѣльцовъ и солдатъ на *обиды*; челобитныя на обиды въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича принимали все болѣе и болѣе угрожающій характеръ. Здѣсь подъ выраженіемъ „обида“ слѣдуетъ понимать, согласно уложенію 1649 г., не только обиду личную, оскорбленіе чести, сколько матеріальный ущербъ—учетъ жалованья, насиліе, вымогательство. Во многихъ случаяхъ личная обида—опозореніе чести словомъ или дѣйствіемъ, бывала лишь послѣдствіемъ насилія и самоуправства. „Налоги“ и „обиды“ въ обществѣ XVII ст. шли рука объ руку. Событіямъ перваго москов-

⁸⁸) *Забѣлникъ*, I, стр. 333.

скаго бунта предшествовали неслыханныя вымогательства („налоги“) и злоупотребленія властью полковниковъ („обиды“). Извѣстна уже намъ полная разнузданность стрѣльцовъ, распущенность, до которой они доведены были своими же начальниками, позволявшими себѣ прибѣгать къ возмутительнымъ насиліямъ и личнымъ оскорбленіямъ. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ видимо угасалъ. Старинное дружинно-придворное устройство государева двора совершенно разстроилось и было подточено враждою партій. Стрѣльцы Пыжова полка подали государю челобитье на своего полковника. Языковъ, „глубокій дворскихъ обхожденій прониватель“, какъ думаютъ, въ угоду начальнику стрѣлецкаго приказа, боярину князю Юрію Долгорукову, произвелъ неправильный розыскъ, вслѣдствіе чего полковники были оправданы, а челобитчиковъ стрѣльцовъ, лучшихъ людей, приказано *бить кнутомъ и разослать въ ссылки*. Полковники, ободренные неудачей и посрамленіемъ стрѣльцовъ, стали еще болѣе смѣлыми въ обращеніи съ рядовыми стрѣльцами и болѣе жестокими, чѣмъ прежде. 23 апрѣля стрѣльцы полка Грибоѣдова, можетъ быть, не желая обидѣть своего престарѣлаго боярина, пошли по начальству и подали челобитье на Грибоѣдова въ стрѣлецкомъ приказѣ. Доложили боярину Долгорукову, что пришелъ какой-то пьяный стрѣлецъ съ челобитною и наговорилъ много *непристойныхъ словъ* про него, боярина, и про другихъ. Долгоруковъ *велѣлъ схватить челобитчика и выстѣчь кнутомъ передъ стѣзжею избюю*; но когда стрѣльца вывели на площадь и прочли ему приговоръ, то онъ обратился къ товарищамъ съ просьбою о недопущеніи его къ совершенію надъ нимъ поруганія за то, что имъ подана челобитная, по ихъ же желанію и приговору. Стрѣльцы взволновались, бросились на приказныхъ сторожей, смяли ихъ и выручили товарища. Этого было достаточно для возбужденія смятенія во всѣхъ московскихъ стрѣлецкихъ полкахъ. Тогда же подана была челобитная и солдатами на своего командира генераль-маіора Матвѣя Кравкова⁸⁹⁾. Таковъ былъ пер-

⁸⁹⁾ Эти обстоятельства предшествовали стрѣлецкому бунту въ маѣ 1682 г.,

воначальный толчекъ къ московскому бунту 1682 года. Смятенія солдатъ въ XVI и XVII ст., вслѣдствіе оскорбительныхъ дѣйствій офицеровъ и начальниковъ, были явленіемъ распространеннымъ въ Европѣ. Причины ссоръ, дракъ и мятежей извѣстны (Арт. Войн. вып. 2). Съ подобными, крайне опасными преступленіями въ военномъ быту, велась борьба упорная и продолжительная. Въ иностранныхъ военныхъ артикулахъ, подъ страхомъ смерти, воспрещались тайныя и неразрѣшенныя сходки, коллективныя жалобы, потому что сходки служили средствомъ для возбужденія смятенія. Въ дракахъ даже призывъ на помощь другихъ людей облагался смертію, потому что и повальные драки иногда вели къ мятежу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ иностранныхъ законахъ выработаны были правила и наставленія объ обращеніи начальниковъ и офицеровъ съ нижними чинами, о взаимныхъ отношеніяхъ солдатъ между собою и съ жителями. Установленъ былъ порядокъ обжалованія личныхъ обидъ нижними чинами. Личныя обиды словомъ и дѣйствіемъ получили весьма обстоятельную регламентацію въ законахъ о ссорахъ, дракахъ и поединкахъ. Но ни въ соборномъ уложеніи, ни въ другихъ специальныхъ русскихъ законахъ (*наказахъ и памятяхъ* для воеводъ, для стрѣлцкихъ полковъ и полковниковъ войскъ иноземнаго строя) ничего подобнаго не встрѣчаемъ, не смотря на то, что волненія и бунты случались давно въ войскахъ иноземнаго строя.

Организація стариннаго стрѣлцкаго войска исключала самое пламенное желаніе Петра I и его ближайшихъ сотрудниковъ къ водворенію дисциплины и воинскаго порядка. Только къ новоустроенному, по образцу регулярныхъ полковъ, національному русскому войску можно было привить

описанному нами въ главѣ IV о „всякой солдатской работѣ *Арт. Войн.*, вып. 2, стр. 228 и слѣд., цит. 291. См. также *Соловьева*, XIII, стр. 341 и слѣд., цит. 233, 234, 237, 239. Особенно важно свидѣтельство датскаго резидента *Розенбуша*, „Relation der Traurigen Tragedy“ въ приложеніяхъ къ исторіи Петра Великаго, *Устряловъ*, т. I, стр. 22—24, 45, приложение VI. Также въ соч. *Посельма* „Der General und Admiral Lefort. Erst. Band, S. 322.

прил. къ ж. гр. и уг. пр. кн. х 1889 г.

прочныя начала внутреннаго благоустройства, сообразуясь съ постановленіями, существовавшими на Западѣ.

Первоначальныя постановленія Петра I относительно личныхъ обидъ и о наказаніяхъ за оскорбленіе чести.

За многіе годы до появленія Устава Воинскаго 1716 г. встрѣчаемъ памятники, въ которыхъ имѣются заимствованныя отъ иностранцевъ законы, опредѣляющіе бытовыя стороны вновь устроенной регулярной арміи въ Россіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчаемъ ограниченіе или отміну иска за „безчестье“ въ войскахъ.

Новоустроенное регулярное войско немислимо было оставить при старыхъ законахъ о безчестьи. Для Петра I солдатъ былъ такимъ же слугою отечества, какимъ былъ офицеръ, будь онъ сыномъ боярскимъ, или иноземцемъ. Стремленіе государя преобразователя поднять личность солдата вытекаетъ изъ существа всѣхъ его военныхъ законовъ и собственноручныхъ инструкцій. Съ самаго начала организаціи регулярной пѣхоты видна заботливость царя объ установленіи внутренняго порядка на началахъ субординаціи.

Остановимся на постановленіяхъ, относящихся къ настоящему вопросу, по извѣстнымъ намъ памятникамъ, предшествовавшимъ появленію артикула воинскаго въ 1715 г. и устава воинскаго въ 1716 г.

Въ рукописномъ *уставѣ А. Вейде* 1698 г., между прочимъ находимъ такое общее правило о поведеніи нижнихъ чиновъ на квартирахъ: *В.* „Отъ пьянства и отъ зерни и отъ гульбы удержаться. Также поставленные на стоялыхъ дворахъ, чтобы жили смирно, и хозяевамъ *озорничества* и *обидъ* не чинили. А если имъ отъ хозяевъ будетъ *какая обида* и имъ, солдатамъ, сказывать о томъ *капраламъ* своимъ, а *капралу* о томъ *извѣщать* сержантомъ, а сержанту о томъ *сказывать* капитану, а капитану о томъ *доносить* полковнику. А если кто учинитъ *собою обиду* хозяевамъ и тѣмъ людямъ учинено будетъ *жестокое наказаніе по винѣ*“

смотря. А за пьянство, и за зерень, и за гульбу будетъ жестокое наказаніе, и отъ полку будетъ отставленъ“⁹⁰). Въ этомъ первоначальномъ извѣстномъ намъ дисциплинарномъ уставѣ намѣчены также обязанности нижнихъ чиновъ на службѣ и въ строю, права и обязанности капитана. Намѣчены, но еще не обработаны. Имѣлись довольно полныя наставленія для руководства поведеніемъ солдатъ и опредѣленія объ отношеніяхъ солдатъ другъ къ другу и въ начальникамъ. Такъ, были извѣстны правила или статьи съ указами Петра *о неподачи жалобъ высшему начальству мимо ротныхъ командировъ, о наказаніяхъ за личныя обиды и о запрещеніи въ войскахъ сходокъ въ круги и соединительные совѣты*. Эти правила находимъ въ рукописныхъ сборникахъ, хранящихся въ древнемъ румянцевскомъ музеѣ и въ Императорской публичной библиотекѣ⁹¹).

Въ „Уложенномъ Артикулѣ“ заключается слѣдующее краткое постановленіе о *личныхъ обидяхъ*: „Егда начальный человекъ или солдатъ, равностно себѣ солдата или не солдата, невѣжливыми бранными и чести тронутыми словами тронеть и тотъ станетъ бить челомъ, и тому отвѣтчику подобно избивенному, по обстоянію вреда принуждену (быть) к о м у д е н е ж н о ю в и н о ю повинитца, тотъ *реченіемъ прощается* (т. е. просить прощенія) *и сверхъ того пойманіемъ* (арестомъ) *и безчестнымъ*

---

⁹⁰) Мое изслѣдованіе: „Вейде, Адамъ Адамовичъ, одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ Петра Великаго и его военный уставъ 1698 г.“ Казань, 1887 г. стр. 18 и 19.

⁹¹) Соединительные круги или сходки солдатъ запрещены послѣ перваго стрѣльчаго бунта. Правила о принятіи жалобъ за личныя обиды, какъ и многое другое, относящееся до внутренняго порядка въ войскахъ, могли быть разработаны Гордономъ и Лефортомъ для двухъ выборныхъ солдатскихъ, а равно для преображенскаго и семеновскаго полковъ. Изъ біографіи Лефорта (Поссельта) видно, что онъ по *цѣлымъ днямъ*, не рѣдко запершись съ царемъ, работалъ надъ составленіемъ разныхъ правилъ. На редакціи нѣкоторыхъ правилъ первоначальныхъ зажитно перо иностранца, плохо владѣвшаго русскимъ языкомъ. Поэтому мы думаемъ, что нѣкоторыя постановленія, относимыя къ началу XVIII столѣтія, могли быть уже составлены до начала организаціи регулярной пѣхоты въ 1699 году.

(вѣроятно-тѣлеснымъ) наказаніемъ отъ пожу или роты наказанъ быть (наказывается)⁹²⁾.

И такъ, солдатамъ внушается быть вѣжливыми въ отношеніяхъ между собою и не употреблять словъ, оскорбительныхъ для чести товарища. Обдчикъ долженъ просить прощенія и, сверхъ того, подвергается исправительному наказанію. Постановленіе это очень важно. Оно требуетъ, чтобы обиженный отказался отъ своихъ словъ, испросилъ у обиженного прощенія. Денежное безчестіе уже теряетъ свое самостоятельное значеніе, становится элементомъ второстепеннымъ, или замѣняется другимъ наказаніемъ. Законодатель даетъ понять, что честь солдата—благо, неудобоецѣнимое на деньги, что оскорбленный можетъ быть удовлетворенъ признаніемъ своей вины и отказомъ отъ самоуправства. Исправительныя наказанія и испрошеніе прощенія у обиженного болѣе надежны, чѣмъ расплата деньгами, которая развиваетъ пустое сутяжничество. Нужно припомнить, что въ русской арміи при Петрѣ I служили солдатами и дворяне.

Въ самомъ началѣ устройства регулярной арміи въ 1700 г., Петръ I рѣшилъ ограничить искъ за безчестіе на основаніи соборнаго уложенія. Жалобы о безчестіи оскорбительными словами, странными, часто нелѣпыми, становились просто смѣшными, и разбирательство этихъ жалобъ только по пустякамъ занимало не только судей и приказныхъ, но даже самого государя. Путивльскій воевода Алымовъ, подалъ жалобу, въ которой объяснялъ, что истецъ его Григорій Батуричъ, въ приказной избѣ, на допросѣ по дѣлу, сказалъ ему, Алымову, что онъ смотритъ на него з в ѣ р о о б р а з н о⁹²⁾. Въ челобиты Алымовъ присовокупляетъ: „И тѣмъ онъ меня, холопа твоего, обезчестилъ“; далѣе ссылается на уложеніе и проситъ доправить на Батуричѣ безчестіе. Но Петръ не обратилъ вниманія на уложеніе. Въмѣсто доправы безчестія, онъ велѣлъ за *недѣльное челобитье* доправить на самомъ воеводѣ

---

⁹²⁾ Сборникъ *Кожевникова* въ румянцевскомъ музеѣ, по описанію А. Востокова, № 13.

10 рублей пени и приказалъ раздать эти деньги на милостыню въ богадѣльни, нищимъ ⁹³).

Вслѣдъ за симъ, въ указѣ 4 мая 1700 г. Петръ I выставилъ смѣшныя и нелѣпыя поводы къ искамъ за личныя обиды съ требованіемъ уплаты денегъ за безчестье. Основую этого интереснаго указа служатъ слѣдующія выраженія и слова, выписанныя изъ челобитныхъ въ судномъ московскомъ приказѣ: „вольно тебѣ лаять“, „шпынокъ турецкой“, „изъ подъ бочки тебя тащили“, „не Воротынскій-де ты лаешь“, „робенокъ“, „сынишко боярскій“, „мартынушко мартышка“, „черти тебѣ сказываютъ“, „трусъ“, „отецъ твой лаптемъ шти хлѣбалъ“, „отецъ твой лапотникъ, сулилъ сыромятную кожу и яловичьи сапоги“, „разоренье-де мнѣ отъ тебя“, „мучиль-де ты меня“, и т. п.

Петру I, пожившему долго въ Голландіи, ознакомившемуся съ порядкомъ иной расправы въ войскахъ за личныя обиды и оскорбленія чести, не могли не казаться безплодными занятія правительственныхъ установленій разборомъ челобитій, основанныхъ въ сущности на придиркахъ не только къ словамъ, не имѣющимъ смысла, но даже и ко взгляду, который почему либо могъ казаться оскорбительнымъ для чести. Съ того времени въ постановленіяхъ о личныхъ обидахъ, по крайней мѣрѣ въ постановленіяхъ для войскъ и флота, повѣяло новымъ духомъ; въ военныхъ и морскихъ законахъ взоръ Петра I постоянно обращенъ на ближайшіе поводы къ беспорядкамъ и смутамъ, которые повели къ бунту въ стрѣльцкихъ войскахъ, и онъ ищетъ способы для предупрежденія подобныхъ несчастій. Драгунамъ и солдатамъ, а равно и матросамъ, разрѣшается *приносить жалобы* на личныя обиды и притѣсненія (налоги) но не иначе, какъ *по начальству* сперва капитану, а затѣмъ, если жалоба останется безъ удовлетворенія, то нижній чинъ можетъ обжа-

---

⁹³) *Забѣлинь*, I, стр. 262, цит. 2 дворц. разр., т. IV, 1132, 1136. Деньги эти розданы по богадѣльнямъ, по 4 деньги человѣку—на 291 челов. и по 2 деньги—на 92 челов.

вать своего офицера полковнику; солдатъ можетъ жаловаться и на полковника высшему начальству, если ближайшій начальникъ оставитъ его просьбу безъ удовлетворенія; но каждый обязанъ приносить жалобу по командѣ и только за себя лично: „тѣ бы писали и подавали челобитные всякой своимъ именемъ о своей обидѣ, а не отъ всего полку“. Жаловаться за другихъ, или упоминать въ своей челобитной о разныхъ обидахъ на другихъ, воспрещено. Драгунамъ и солдатамъ воспрещается также собираться тайно или явно въ круги или сходки, или составлять „соединительные совѣты“ для составленія челобитной, ибо это равносильно бунту: „А буде въ которыхъ полкахъ солдаты учнутъ между собою въ круги о чемъ совѣтовать, и кто увѣдавъ извѣститъ, и про то розыскивать, и по розыску, за круги и за соединительныя совѣты, или кто челобитныя станутъ писать и подавать о одной обиде многіе, хотя и о правомъ дѣлѣ, тѣмъ учинена будетъ безъ всякаго милосердія смертная казнь. А извѣтчику дано будетъ его, великаго государя, жалованья: изъ нижнихъ будетъ повышень повышень чиномъ“⁹⁴).

Постановленія о личныхъ обидахъ получили болѣе обстоятельное, въ юридическомъ смыслѣ, развитіе, въ „Уложеніи или правѣ воинскаго поведенія“ 1702 года, составленномъ по соображенію съ датскимъ военнымъ артикуломъ Христіана V 1683 г.⁹⁵).

---

⁹⁴) Подлинный текстъ по рукописи, хранящейся въ румянцевскомъ музеѣ, напечатанъ у *Розетейма*: „Очеркъ истор. о судныхъ учрежден. въ Россіи до кончины Петра Великаго“. С.-П.-Б. 1878 г., прилож. XII, стр. 354.—Въ своемъ „Описаніи рукописей румянц. музея“, 1842 г., А. Востоковъ полагаетъ, что наставленіе „О порядкѣ примесенія жалобъ нижними чинами и о запрещеніи сходокъ“ составляетъ часть указа Петра Великаго полковнику Ивану Петр. Бауру (т. е. въ 1706 г. или позже). Можетъ быть это и такъ, но несомнѣнно, что правило такое существовало уже при началѣ формированія регулярныхъ полковъ въ 1699—1700 г., когда Петръ I ознакомился на практикѣ съ подобными порядками въ Европѣ. Круги же или соединительныя совѣты запрещены были еще въ правленіе Софіи, слѣдовательно положеніе Востокова не имѣетъ большаго значенія.

⁹⁵) Corp. Jur. Mil. Novis II Christ. V Kön. Dännem. Art. Вѣ. art. 14, 26, 27, 29, 30, 33, Ст. „Улож. или право воинск. поведенія“ ст. 8, 59, 60, 61, 62, 63 и 65.

Относящіяся къ личнымъ обидамъ статьи военнаго уложенія: 8, 59, 60, 61, 62, 63, 66, 69, сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) воинскіе люди (служители) всякаго вѣроисповѣданія и какой бы то ни было народности, должны жить между собою въ христіанской любви, „другъ друга ни словами, ни дѣломъ безчестія не чинити, и противъ непріятели за одно поступати“ (ст. 8, art. 14). 2) Начальнымъ людямъ и солдатамъ „весьма воздерживаться“ отъ чести нарушительныхъ и бранныхъ словесъ и безчестіевъ. 3) За оскорбленіе словомъ виновные, по опредѣленію суда (воинскаго), въ который они приносятъ жалобу, обязаны *испроситъ христіанское прощеніе*, а если его не получаютъ, то подвергаются *заключенію въ желѣза*, или наказываются по усмотрѣнію суда (ст. 59 art. 26) ⁹⁶. Всѣ ссоры и драки, если не послѣдовало добровольнаго примиренія, разрѣшаются въ воинскомъ судѣ или начальникомъ (ст. 60, art. 27). 4) Кто обнажить оружіе или нападетъ на другаго (за исключеніемъ случаевъ, когда начальникъ долженъ „унимать“ подчиненныхъ), тотъ подвергается *жестокому наказанію на тѣлѣ* (ст. 61, art. 28). 5) Кто въ строю рукою ударить—солдатъ солдата, или начальникъ начальника—тотъ наказывается: солдатъ—*по усмотрѣнію своего офицера*, начальникъ—*по опредѣленію воинскаго суда*; кромѣ того оскорбленный даетъ *пощечину оскорбителю* при тѣхъ же людяхъ, при которыхъ самъ былъ обиженъ (ст. 62, art. 28). 6) На квартирахъ въ городахъ и селахъ за оскорбленіе („никакимъ безчестіемъ досадительно“) поселянина или поселянки виновные подвергаются *смертной казни или жестокому наказанію*, „по винѣ смотря“; дѣло это разсматривается въ судѣ (ст. 63, art. 30) ⁹⁷. 7) Когда послѣ примиренія кто либо

См. мое изслѣдованіе: „Военные законы Петра Великаго въ рукописяхъ и первопечатныхъ изданіяхъ“, изд. 1887 г., стр. 22, 23 и слѣд., цит. 17, 18, 19.

⁹⁶ Въмѣсто наказанія „по усмотрѣнію суда“ въ подлинникѣ „постыдное изгнаніе изъ полка“—„mit schimpflicher Vorweisung vom Regiment“. С. J. M. Nov. II, art. 26, стр. 271. Кромѣ того въ ст. 59 „воен. улож.“ за брань измѣнникомъ, или трусомъ, или другимъ вредительнымъ словомъ (напр. воромъ), когда обезчещенный окажется дѣйствительно виновнымъ въ такомъ преступленіи, обидчикъ за *недоднесеніе*, подвергается тому же наказанію, которому подлежить совершившій оное.

⁹⁷ Воен. уложеніе въ ст. 63 значительно суживаетъ опредѣлительную часть датскаго подлинника (art. 30) и допускаетъ возможность избѣгать наказанія посредствомъ рѣшенія дѣла судомъ. У датчанъ объектомъ обиды можетъ быть: „солдатъ, горожанинъ, крестьянинъ, его жена, дѣти и прислуга“ (Gesinde); „дѣяніе

нападетъ на того, съ кѣмъ поссорился, и послѣдній ранить или убьетъ нападающаго, то содѣянное не вѣняется въ вину (ст. 66, art. 33). 8) Кто въ ссорѣ ножемъ, „воровскимъ оружіемъ“, нанесетъ рану, тому ножъ *сквозь руку пробить между перстовъ* и по указу паки самому прорывать (ст. 57, art. 24). 9) Никто, отъ высшняго до нижняго чина, не долженъ выходить и вызывать на *поединокъ*, подъ угрозой жестокаго наказанія; убившій на поединкѣ, по розыску, *подвергается смертной казни*. 10) Въ случаѣ оскорбленія словомъ или дѣйствіемъ всякому дано право приносить жалобу полковнику или другому своему начальнику и просить суда по ст. 39, по самому не расправляться (ст. 69, art. 35) ⁹⁸⁾.

Намъ уже извѣстно, изъ предыдущихъ указаній (вып. 2-й), что редакція военнаго уложенія 1702 г. часто не согласуется съ текстомъ датскаго военнаго артикула. Но оно противно духомъ своего оригинала. Въ постановленіяхъ о личныхъ обидахъ *военное* уложеніе категорично отказалось отъ системы челобитій по соборному уложенію, установило порядокъ обжалованія по начальству и денежную пеню замѣняетъ исправительнымъ или уголовнымъ наказаніемъ. Военное уложеніе до такой степени рабски подчинено датскому военному артикулу, что обиженному предоставляетъ право, посредствомъ сдачи пощечины, возстановлять свою нарушенную честь! Принципъ тальона сохраненъ и при нанесеніи раны ножемъ, какъ было и въ литовскомъ статутѣ (буквально). Дѣла о личныхъ обидахъ рѣшаются или властью начальника, или по усмотрѣнію суда; но какъ при этомъ разграничивалась подсудность изъ военнаго уложенія не видно. Неизвѣстно также, въ чемъ состояло „досадительное безчестіе“, за которое по ст. 63

можетъ быть совершено въ полѣ, гарнизонѣ или собственномъ жилищѣ; въ 30-мъ артикулѣ предусмтрѣна не одна только обида дѣйствіемъ, оскорбленіе ударомъ палкою или другимъ предметомъ, но и насиліе: „*géwalthätiger ueberhatt und beschimpffet*“. Категоричность постановленія 30-го датскаго военнаго артикула по редакціи ст. 63 военнаго уложенія исчезаетъ, а это должно вести къ произволу. Очевидно, что въ выраженіи „досадительное безчестіе“, нужно понимать нѣчто большее, чѣмъ личная обида дѣйствіемъ.

⁹⁸⁾ Ст. 39, на которую дѣлается ссылка, не имѣется въ рукописи, изданной Розенгеймомъ.

опредѣляется смертная казнь; очевидно здѣсь предположена не какая либо обида дѣйствиємъ (ударъ палкою или чѣмъ либо), но насиліе. Въ военномъ уложеніи встрѣчаемъ два особыя самостоятельныя преступленія—*нанесеніе удара ножемъ* „яко тайнымъ воровскомъ оружіемъ“ и *поединокъ*; о послѣднемъ въ соборномъ уложеніи и новоуказныхъ статьяхъ не упоминается. Но вліяніе датскаго военнаго закона всего болѣе мы видимъ въ новыхъ карательныхъ мѣрахъ; таковы: *христіанское прощеніе*, *пощечина публичная*, какъ воздаяніе зломъ за зло (*lex talioni*), независимо отъ понесеннаго наказанія по суду, *прободеніе руки съ прорваніемъ тѣмъ же ножемъ*, каковымъ нанесена рана, и *наказаніе шницрутенами*. Подъ выраженіемъ „*жестокое наказаніе на тѣлѣ*“ слѣдуетъ понимать наказанія *изувѣчивающія*, бывшія у насъ въ большомъ употребленіи въ XVII столѣтіи, каковы: „отсѣченіе руки, пальцевъ, отсѣченіе ноги и проч., или же *болъзненныя*—кнутомъ, батогами и, можетъ быть, шницрутенами. О томъ, что шницрутены назначались за нѣкоторыя преступленія низшимъ чинамъ видно изъ улож. или права воин. повед. 1702 г.“. Такъ, въ ст. 12, за отказъ отъ работъ или своей должности солдатъ подвергается наказанію *шницрутенами или кнутомъ*.

И такъ, въ *первыя же годы* сѣверной войны русская армія должна была подчиниться новымъ законамъ за личныя обиды, причемъ законодатель обращаетъ особенное вниманіе на оскорбленіе подчиненныхъ со стороны лицъ, имѣющихъ дисциплинарную власть. Законодатель уже не ограничивается запрещеніемъ поединка, какъ было въ наказахъ и полицейскихъ инструкціяхъ для иноземцевъ. Поединками считались у насъ иноземцы; теперь они облагались смертною казнію, какъ во всѣхъ государствахъ Европы. Ранѣе, въ началѣ XVII стол., смертная казнь назначалась не за вызовъ, а за нанесеніе раны или убійство на поединкѣ. Въ регулярной арміи Петра иноземныхъ офицеровъ, со включеніемъ остзейскихъ нѣмцевъ, служило число не малое, особенно въ высшихъ чинахъ и въ драгунахъ.

Вышеизложенное о личных обидах по военному уложению прямо показывает, что Петръ Великій стремился привить въ войскахъ совершенно другія начала. Но *обида* оставалась еще понятіемъ неопредѣленнымъ, растяжимымъ; съ понятіемъ о личной обидѣ соединялось посягательство на различныя блага, какъ матеріальныя, такъ и не матеріальныя, тутъ затрогивалась не одна только честь въ ея объективномъ значеніи. Понятіе о личной обидѣ еще не было специализировано: оно смѣшивалось съ насиліемъ на тѣлесную неприкосновенность. Законодатель видимо былъ озабоченъ преслѣваніемъ самоуправства, но помимо рѣшенія суда или дисциплинарною властью начальника не признавалъ права на самовольную расправу съ обидчивомъ.

Этотъ принципъ знало и соборное уложеніе, но оно не съ такою энергіею, какъ законы Петра, гарантируетъ подчиненнаго. Оно не имѣетъ понятія о дисциплинѣ какъ охранѣ службы государственной.

Въ „Артикулѣ краткомъ“ барона Гюйсена ⁹⁹⁾, который въ 1705—1706 году составленъ для драгунъ и согласно рукописи румянцов. музея, названъ артикуломъ Меншикова, во II главѣ: „о наказаніи простыхъ прегрѣшеній“ находимъ восемь статей подъ-рядъ (6—13), которыя касаются личныхъ обидъ и оскорбленій чести; но редакція этихъ постановленій крайне туманна, нѣкоторыя статьи изложены даже такъ непонятно ¹⁰⁰⁾, что трудно добиться смысла, не обращаясь въ другимъ, подобнымъ же законамъ иностраннымъ. Между тѣмъ

---

⁹⁹⁾ Мой трудъ: „Военные законы Петра Великаго въ рукоп. и первоп. изд.“, стр. 25 и слѣд., здѣсь объяснено, что Артикулъ краткій составленъ первоначально на нѣмецкомъ языкѣ барономъ Гюйсеномъ и обнародованъ въ Германіи подъ заглавіемъ „Moskowitzisches Kriegs-Reglement“ въ 1706 г.; но еще ранѣе, въ 1705 г. онъ былъ переведенъ на русскій языкъ, отпечатанъ въ Москвѣ церковно-славянскимъ шрифтомъ и опубликованъ для народа. См. дит. 20, 21, 22, 23.

¹⁰⁰⁾ Напримѣръ *ст. 12* „Кто же похочетъ кого обругать или смѣяться и оный свое терпѣніе не право (?), челобитьемъ къ высшему донесетъ, то съ челобитчикомъ въ равной винѣ и въ наказаніи будетъ“. или *ст. 10*: „А офицерамъ въ ротной кондиціи не право состоящее въ словахъ (?), по тягости (?) заслуживать или отпустить (?) по обрѣтеніи возымѣють; напередъ у обиженнаго просить“ (?).

неопредѣленность савнціи легко могла допускать полный произволь въ военныхъ судахъ, составленныхъ изъ офицеровъ, совершенно невѣжественныхъ въ дѣлѣ правосудія.

Остановимся на ст. 7, 8, 9, въ которыхъ яснѣе выражено намѣреніе законодателя:

Поединки наказываются смертью „хотя кто (т. е. никто) не раненъ будетъ или животъ не потеряетъ. Понеже сямъ, преступая противъ Его Величества своего Государа, которому каждый свое дѣло разсудить отдаетъ и на службѣ его ся отдати должень“ (ст. 7).

Вліяніе иностранныхъ законовъ о поединкахъ и ссорахъ, очевидно, сталкивается съ обычаями и правами, глубоко укоренившимися въ русскомъ народѣ: ссоры и драки, которые иногда оканчивались убійствомъ, часто случались на пирушкахъ въ пьянствѣ. И слѣдующая статья 8 за убійство въ безпамятствѣ (*безъ опамятства*), „поспѣшеніемъ въ пьянствѣ“ мѣру наказанія зачинщику (?) опредѣляетъ по состоянію виновнаго: *рядовому*— „бѣжать сквозь строй“, т. е. наказать его прогнаніемъ сквозь строй шпицрутенами, *унтеръ-офицера*— „въ полу приковать и паки дослуживать“, вѣроятно, заковывать въ желѣза и лишать унтеръ-офицерскаго званія, а *высшему офицеру*— „со всѣмъ жалованьемъ (?) безъ абшиду отбавать“. Нельзя не обратить вниманія на крайнюю снисходительность „Краткаго артикула“ къ убійцамъ-пьяницамъ!... Но далѣе: „А буде кто изъ русаковъ (предполагается въ горячности и вѣроятно, на пирушкахъ) осмѣлится ножами рѣзаться, *тому руку на цѣлый часъ привоздитъ къ высплицъ и его потомъ прогнать*“. Изъ существа редакціи ст. 8, выписанной нами цѣликомъ, можно заключить, что почтенный баронъ Гюйсенъ, первую часть ея назначалъ для иностранцевъ, а вторую для русскихъ— „русаковъ“.

Статья 9 такъ изложена: „Кто смрадными (*sic*) и особливо злобственными словами, которые у русаковъ гораздо суть въ употребленіи, своего подобнаго будетъ бранить, то бы онаго (т. е. у онаго) явно просилъ прощенія, а рядовыхъ, по розысканіи худости таково неправа, въ строю бѣжать (т. е.

прогнать свозь строй шпицрутенами). Неправо—хотя при немъ, или за глаза обидящаго, учинено будетъ“. И здѣсь существенная разница въ мѣрѣ наказанія по отношенію къ субъекту; притомъ въ вину вмѣняется и обида заочная „за глаза обидящаго“.

Необходимо знать, что составитель, баронъ Гюйсенъ, пользовался особеннымъ покровительствомъ Меньшикова, по порученію котораго онъ и составлялъ артикулы для *драгунъ*, подвластныхъ князю Александру. Въ то время (1705—1706 г.г.) почти всѣ командиры драгунскихъ полковъ и весьма значительная часть офицеровъ были иностранцами, преимущественно саксонцами. Это обстоятельство и принято во вниманіе въ постановленіяхъ о личныхъ обидахъ. Какъ видно, люди русскіе, въ горячности, имѣли привычку рѣзаться ножами и ругаться „смердными“ словами. Не трудно понять, что „смердныя слова“ суть матерныя и другія грубыя, обидныя для чести выраженія. Объ искорененіи этого обычая въ народѣ давно хлопотала церковь, но безуспѣшно. Теперь за искорененіе дурныхъ обычаевъ взялось государство. Употребленіемъ дурныхъ словъ русскіе люди не стѣснялись и это всегда удивляло иностранцевъ. Далѣе, подгулявшій на пирушкѣ иностранецъ за убійство отдѣлывался исключеніемъ изъ службы, а пьяному „русаку“ за нанесеніе раны (правда ножомъ) опредѣлялось изувѣчивающее наказаніе, а затѣмъ *исключеніе* (?). Тутъ даже странное противорѣчіе, ибо убійца на пиру (т. е. въ пьяномъ состояніи) могъ избѣжать наказанія. Въ прежнихъ русскихъ законахъ не встрѣчаемъ исключенія изъ службы, но была *ссылка*, которая въ XVII столѣтіи, въ московскомъ государствѣ практиковалась въ обширныхъ размѣрахъ, особенно во второй половинѣ XVII вѣка. Напротивъ, на западѣ изгнаніе изъ войска, или изгнаніе изъ страны, за личныя оскорбленія, даже въ XVII столѣтіи примѣнялось въ обширныхъ размѣрахъ ¹⁰¹).

¹⁰¹) Значеніе ссылки, какъ самостоятельнаго наказанія, обстоятельно выяснено въ изслѣдованіи *Н. Д. Сергеевскою* „Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка“, гл. IV: область примѣненія ссылки и цѣли ея.

Но уже во второй половинѣ XVII столѣтія изгнаніе, особенно въ регулярныхъ войскахъ, въ Европѣ замѣнялось галерными работами или ссылками на галеры, въ крѣпости. Точно также и у насъ, при Петрѣ I, ссылку въ разные города замѣнили работы на галерахъ или каторгахъ, или же въ крѣпостяхъ, какъ и всегда на Западѣ.

И такъ, за многіе годы до изданія артикула воинскаго въ русскихъ войскахъ уже опредѣлены были взаимныя отношенія воинскихъ чиновъ между собою, принимались инныя мѣры и входили въ судебную практику другія наказанія для преслѣдованія личныхъ обидъ словомъ и дѣйствіемъ, особенно же самовольной расправы посредствомъ грубыхъ насилій. Низшимъ чинамъ и офицерамъ указаны легальные способы для обжалованія оскорбительныхъ для чести дѣйствій, вообще „обидъ“ со стороны офицеровъ и начальниковъ. Такія постановленія, не смотря на недостатки въ частностяхъ, при извѣстныхъ предѣлахъ дисциплинарной власти начальника, частью опредѣленныхъ собственноручными инструкціями Петра I, частью выработанныхъ практикою постоянной и тяжелой войны, могли служить уже достаточнымъ средствомъ для нравственнаго подъема солдатъ и офицеровъ. Дѣйствительно, въ русской арміи, одержавшей величайшую побѣду подъ Полтавою, понятіе о чести стояло на весьма высокой степени: невозможно и сравнить солдатъ полтавскаго періода съ солдатами азовскихъ походовъ. Сутяжничество и ябедничество, столь распространенныя въ дѣлахъ о личныхъ обидахъ даже въ высшихъ слояхъ общества, должно было ослабѣть въ войскѣ. При установившихся новыхъ, болѣе разумныхъ дисциплинарныхъ отношеніяхъ, хотя эти отношенія зачастую поддерживались палкою, нѣтъ мѣста челобитью, гдѣ обиженный домогается присужденія нѣсколькихъ рублей за полученную пощечину, за вырванный клочъ волосъ изъ бороды; незначительная обида наказывается скоро военнымъ начальникомъ. Обруганный, обиженный словомъ, зная, что за понесенное оскорбленіе онъ не получитъ денегъ отъ обидчика, начинаетъ взвѣшивать собственные поступки и зная, что

соперникъ по его жалобѣ подвергнется болѣе или менѣе тяжкому тѣлесному наказанію, становится болѣе сдержаннымъ, болѣе осмотрительнымъ въ собственныхъ поступкахъ. Самое постоянство службы, перенесеніе общихъ трудовъ, раздѣленіе одинаковой опасности въ виду непріятели способствовало упроченію товарищескихъ, братскихъ отношеній другъ къ другу, какъ у солдатъ, такъ и у офицеровъ, и развитію понятій о чести, основанному на взаимномъ уваженіи, даже болѣе—на признаніе личныхъ достоинствъ, на взаимной любви. Въ воинскій бытъ арміи Петра I впервые проникли педагогическія начала, которыя лучше всякихъ каръ, предписываемыхъ законами, приучаютъ людей къ самообладанію и развиваютъ самопознаніе.

Честь и достоинство каждаго воина, каждаго солдата въ регулярной арміи Петра выросли вмѣстѣ съ подъемомъ величія своего вѣнценоснаго предводителя.

Личныя обиды и наказанія за оскорбленіе чести въ патентѣ о поединкахъ и артикулѣ воинскомъ.

Петръ Великій, посредствомъ своей регулярной арміи, стремился къ перевоспитанію своего народа. Мысль эта не была новою: до него лучшіе изъ монарховъ въ Европѣ задавались именно такою задачею. Мы не знаемъ другой арміи, которая по своему нравственному уровню и воспитанію въ духѣ чести стояла бы выше шведской, слѣпо повиновавшейся волѣ великаго полководца и одного изъ благороднѣйшихъ государей. Даже самодержавный Людовикъ XIV, съ подозрительною ревностью относившійся къ могущественному дворянству, всѣ средства Франціи напрягалъ къ поднятію нравственнаго значенія военнаго званія, посредствомъ подчиненія всѣхъ чиновъ безъ различія суровымъ законамъ дисциплины. Но онъ не умѣлъ достигнуть цѣли, потому что въ своемъ законодательствѣ поддерживалъ принципы мести и презрѣнія къ личности человѣка. Тутъ существенная разница съ идеями великаго протестантскаго полководца, самаго безукоризненнаго христіанина и истиннаго

друга челоуѣчества—Густава-Адоуьфа. При началѣ учрежденія національныхъ регулярныхъ войскъ на армію смотрѣли какъ на школу, призванную къ перевоспитанію народа, который многіе годы страдалъ отъ обидъ, насилій и самоуправства наемныхъ полчищъ. Посредствомъ военныхъ законовъ старались привить къ солдату національныхъ постоянныхъ войскъ истинны христіанской вѣры и правила нравственности, какъ главнаго источника дисциплины. Внушеніемъ страха божія, нравственности и чести проникнуты преимущественно протестантскіе военные кодексы, во главѣ которыхъ стоятъ шведскіе законы Густава-Адоуьфа, а за ними слѣдуютъ законы Христіана V и Вильгельма оранскаго, т. е. датскій и голландскій военные артикулы. Шведскіе принципы усвоены были и бранденбургскимъ военнымъ законодательствомъ, но не надолго. Въ концѣ XVII вѣка на бранденбургскихъ законахъ, какъ равно на датскихъ и шведскихъ, подражавшихъ французскому режиму, видимо отразилось вліяніе жестокихъ ордонансовъ и регламентовъ Людовика XIV. Съ одной стороны, съ крайнею мезтью преслѣдуются поединки и преступленія противъ чести въ войскахъ, особенно личныя обиды и оскорбленія подчиненными своихъ начальниковъ, вообще младшихъ старшими, выше мѣры, съ другой стороны—въ этомъ отношеніи, по примѣру Густава-Адоуьфа, принимаются мѣры для огражденія подчиненныхъ отъ самоволія, притѣсненія и самоуправства начальниковъ, (отъ офицера до полковника) которымъ законы иногда угрожаютъ лишеніемъ чиновъ и даже жизни за противозаконное обращеніе съ солдатами. Въ артикулахъ, какъ и въ ордонансахъ, солдатамъ и офицерамъ теперь, съ конца XVII стол., во французскомъ и другихъ законахъ строго внушается жить между собою по братски, въ дружескомъ согласіи и въ христіанской любви. „Имя солдатъ просто, говоритъ нашъ законодатель, содержитъ въ себѣ всѣхъ людей, которые въ войскѣ суть отъ вышняго генерала даже до послѣдняго мушкетера коннаго и пѣшаго“. Но всѣ эти люди, составляющіе войско, живя другъ съ другомъ въ согласіи, обязаны оказывать другъ

другу *респектъ* „по его достоинству и рангу“; подчиненные, повинуваясь начальнику, обязаны, вмѣстѣ съ тѣмъ, и почитать его ¹⁰²).

Честь, какъ благо, доступное каждому воину, составила основу новѣйшихъ *военныхъ законовъ*. Но независимо этой специальной, такъ сказать, точки зрѣнія артикула воинскаго на личность, въ немъ (глава XVII) и въ патентѣ о поединкахъ, отърывается передъ нами совершенно новая сторона, неизвѣстная прежнимъ русскимъ законамъ — сторона общечеловѣческая.

По теоріи военныхъ законодателей XVII ст. честь принадлежитъ каждому воину, какъ человѣку. „Обиженный, кто бы онъ ни былъ — солдатъ или офицеръ, долженъ объявить о своемъ оскорбленіи военному суду и въ немъ искать сатисфакціи“ ¹⁰³). Рядомъ съ честью общечеловѣческою существуетъ честь государственная и сословная. Такъ слѣдуетъ понимать толкованіе законодателя въ артикулѣ о лишеніи чести: „никакое воздаяніе такъ людей не приведетъ къ добру, какъ любленіе чести, и никакая казнь такъ не стращаетъ, какъ лишеніе оной“ ¹⁰⁴). Признанный „безчестнымъ“, „ошельмованный“ изгонялся изъ войска.

Мы знаемъ, что Петръ I въ своихъ военныхъ законахъ стремился привить западно-европейскія идеи. Съ одной стороны, онъ организовалъ по западному образцу сословія, съ другой стороны — онъ старался привить къ дворянству и войску понятія о личной чести, основанной на внутреннемъ достоинствѣ личности, которая за личную обиду не можетъ уже довольствоваться денежнымъ вознагражденіемъ. Онъ вводитъ христіанское прощеніе и отозваніе или отказъ отъ оскорбительныхъ для чести словъ и облагаетъ личныя обиды тюремнымъ заключеніемъ или инымъ наказаніемъ, независимо денежныхъ вознагражденій.

---

¹⁰²) *Уставъ Воинскій*, о экзерциции, ч. III: „Что есть солдатъ“?

¹⁰³) *Уставъ Воинскій*, ч. I: „О должностяхъ, гл. XLIX — патентъ о поединкахъ, ст. 1 и 2.

¹⁰⁴) *Уставъ Морской*, кн. V, гл. XX, арт. 141.

Въ его военныхъ законахъ видимъ довольно подробное изъясненіе тѣхъ дѣйствій, которыя должно признавать обидными для лица, т. е. оскорбительными для чести въ абсолютномъ значеніи. Въ *патентъ о поединкахъ и начинаніи ссоръ* предусматрѣны случаи (обида словомъ и дѣйствіемъ), въ которыхъ выражено *непосредственное* презрѣніе къ личности, явное, открытое неуваженіе къ ея достоинству; въ главѣ XVIII арт. воинск. „о *носительныхъ письмахъ*“, разсматривается тоже неуваженіе или презрѣніе къ личности, но выраженное уже въ формѣ уклончивой и коварной, посредствомъ клеветы или распространенія ругательныхъ или оскорбительныхъ для чести писемъ (пасквиль); наконецъ, глава XVII арт. воинск. „о *возмущеніи, бунтѣ и драктѣ*“ содержитъ такіа оскорбительныя дѣйствія, послѣдствіемъ которыхъ можетъ быть нанесеніе раны, увѣчья и даже смерти.

Во всѣхъ этихъ законахъ Петра I предусматрѣны преступленія, направленныя прямо и непосредственно противу чужой чести и лишь косвенно въ нихъ затрогиваются тѣ матеріальныя и нравственныя блага, для охраненія которыхъ существовали самостоятельныя наказанія въ другихъ частяхъ артикула воинскаго.

Въ патентѣ и въ артикулѣ, специализируется понятіе о личной обидѣ, какъ посягательствѣ на честь общечеловѣческую, въ двухъ главныхъ формахъ въ формѣ *непосредственной*, открытаго *посягательства* на честь лица (патентъ), и въ формѣ *заочнаго*, замаскированнаго *оскорбленія* (гл. XVIII) пасквиль, клевета.

Законы Петра I о личныхъ обидахъ, *по свойству употребляемыхъ обидчиомъ средствъ*, дѣлятся на слѣдующіе виды: 1) обида словомъ, 2) обида на письмѣ, 3) обида дѣйствіемъ, 4) угроза, 5) клевета и 6) опасныя драки. Эти законы составлены по нидерландскому, шведскому и датскому военнымъ артикуламъ и по комментаріямъ на голландскіе, бренденбургскіе, старо-шведскіе и имперскіе нѣмецкіе военные артикулы, а именно: „патентъ о поединкахъ и начинаніи ссоръ“ (гл. 49, ч. I уст. воин.) составленъ по прил. къ ж. гр. и уг. пр. кн. X 1839 г.

нидерландскому закону о поединках Вильгельма Оранскаго ¹⁰⁵), глава XVII „о возмущеніи бунтѣ и дракѣ“ арт. воин., по системѣ и тексту шведскаго и датскаго военныхъ артикуловъ ¹⁰⁶), глава XVIII арт. воин. „о поносительныхъ письмахъ, бранныхъ и ругательныхъ словахъ“ по комментаріямъ на нѣмецкіе законы—имперскіе и бранденбургскіе ¹⁰⁷). На этихъ законахъ Петра I, какъ и на всѣхъ оригиналахъ, служившихъ источниками, отразилось болѣе или менѣе вліяніе французскихъ идей, разошедшихся нѣсколько съ идеями о воинской чести Густава Адольфа.

Текстъ поименованныхъ петровскихъ законовъ, въ параллели съ иностранными законами по полн. собр. зак. (V, № 3006), мы сличили съ подлинными рукописями устава

---

¹⁰⁵) С. J. M. изд. 1709 г. ч. I, стр. 232—236. „Patent gegen das Duelliren und Händel anfangen“. Въ 12 артикулахъ. Начинается воззваніемъ Вильгельма Генриха Оранскаго и проч. ко всѣмъ офицерамъ и солдатамъ, состоящимъ на службѣ генеральныхъ штатовъ соединенныхъ Нидерландовъ и напоминаетъ о несоблюденіи предписаній о дуэляхъ въ уставахъ о военной дисциплинѣ и земскихъ плакатахъ, отъ чего происходятъ смертоубійства, роняется достоинство юстиціи и на страну распространяется гнѣвъ Божій. Данъ 31 марта 1684 г. въ Гаагѣ. Подписалъ G. H. Prince d'Orange, скрѣпилъ по повелѣнію Его Высочества C. Huyens.

¹⁰⁶) Въ шведскомъ военномъ артикулѣ Карла XI, гл. XV: „Von Unzulässigen Zusammenkünften, Meutereyen und Schlägereyen, art. 79—84, со ссылкой на плакатъ о дуэляхъ и бояхъ 22 августа 1682 г. С. J. M. Nov. II, стр. 388, 389, 433—442. Въ датскомъ военномъ артикулѣ Христиана V, гл. III: „Vom Frevel, gemeinen Uebelthäten und Misshandlungen нѣкоторые артикулы 25—36 и начало главы IV, „Vom Tumult, Aufruhr etc.“. Кромѣ того имѣются въ виду комментаторы: голландскій Петръ Паппи, бранденбургскій Эбергардъ Гейеръ и шведскій Матвій Шварценъ. Не оставлены безъ вниманія и правоопредѣленія Густава Адольфа.

¹⁰⁷) Трактатъ о личныхъ обидахъ неизвѣстнаго комментатора въ арт. 18 военного кодекса: „Käys. Ferdinand III und Leopold I. С. J. M. Nov. I, стр. 65—71. Слѣдуетъ имѣть въ виду также вышеупомянутые комментаріи и обновленный и усиленный *мандатъ* Саксонскій 2 іюля 1712 г. противъ личной чести, обиды, нарушенія спокойствія и поединковъ С. J. M. Nov. I, стр. 287—320. Припомнимъ, что въ этомъ комментарий установлена классификація личныхъ обидъ: обида словомъ—легкая и тяжелая, обида дѣйствіемъ—легкая и тяжелая, обида на письмѣ, или заочная обида (насквилъ) и обида жестомъ, которая въ способѣ иска отличается отъ обиды словомъ. Искъ за обиду можетъ быть двойкій—въ порядкѣ гражданскомъ и въ порядкѣ уголовномъ, т. е. принято въ основаніе римское право *lege Cornelia de injuriis*.

воинскаго и артикула и по первому полному изданію 1719 г., и указываемъ на собственноручныя поправки руки Петра I и важнѣйшія редакціонныя исправленія Макарова въ рукописи арт. воин., хранящейся въ бібліотекѣ главнаго штаба. Какъ и въ первыхъ двухъ выпускахъ нашего труда объ артикулѣ воинскомъ, каждый артикулъ сопровождается замѣтками, справками и ссылками на другіе, сходные съ русскимъ текстомъ, иностранные законы.

Патентъ о поединкахъ распространяется на всѣхъ безъ исключенія военно-служащихъ, а равно на всякаго, кто будетъ находиться въ лагерѣ и гарнизонѣ. Всѣ лица, составляющія войско должны пребывать въ любви, мирѣ и согласіи и оказывать должный респектъ каждому по его рангу и достоинству. Подчиненные за оскорбленіе начальниковъ наказываются по обстоятельствамъ дѣла на основаніи особыхъ артикуловъ ¹⁰⁸). За оскорбленіе чести въ ея общечеловѣческомъ значеніи военный судъ долженъ учинить сатисфакцію обиженному, соотвѣтственно причиненной ему обидѣ, и наказать обидчика по состоянію дѣла: *жестокю*, или *заключеніемъ*, *отставленіемъ отъ службы*, *вычетомъ изъ жалованья*, или *на тѣль*.

Въ патентѣ предусмтрѣны: *обида браннымъ или тому подобнымъ словомъ*, *ударъ рукою*, *ударъ палкою*, *угроза побоями* (въ глаза и заочно), *вызовъ на поединокъ* и *бой на поединкѣ*, съ тѣми или другими послѣдствіями. За обиду словомъ или дѣйствіемъ опредѣляется испрошеніе *прощенія* ¹⁰⁹), *болте*, или

---

¹⁰⁸) Объ оскорбленіи словомъ и дѣйствіемъ подчиненнымъ своего начальника, рядовымъ унтеръ-офицера, нижними чинами вообще офицера, офицерами старшаго казано особо въ арт. 21, 22, 24, 25 и 26; подобнаго рода личныя обиды военные законодатели рассматриваютъ какъ прямое нарушеніе воинской дисциплины и чинопочитанія. См. мой трудъ: „Артикулъ Воинскій“ вып. I, гл. III, стр. 196 и слѣд — Патентъ о поединкахъ и ссорахъ имѣетъ болѣе общую цѣль, не касаясь служебныхъ отношеній между начальниками и подчиненными.

¹⁰⁹) Испрошеніе прощеніе, стоя на колѣнахъ передъ обиженнымъ, существовало во всѣхъ современныхъ европейскіхъ законахъ и сопровождалось нѣкоторыми формальностями. Это такъ называемое „христіанское прощеніе“.

меньше продолжительный арестъ, съ лишеніемъ на все время ареста жалованья, и изгнаніе ¹¹⁰⁾.

Дѣла о личныхъ обидахъ должны быть окончиваемы въ теченіе трехъ недѣль и никакъ не долѣе шести; судьи—именно президентъ и губернаторы, за всякій день промедленія, сверхъ шести недѣль, лишаются жалованья (за этимъ наблюдать фискаламъ). Штрафныя деньги опредѣлено обращать на гошпитали (слѣдовательно не въ пользу обиженнаго). Обиженный, не донесшій объ учиненномъ ему оскорбленіи, подлежитъ тому наказанію, на какое заслуживаетъ обидчикъ: „того для надлежитъ немедленно или битъ челомъ или помирился“ ¹¹¹⁾.

Никакое оскорбленіе не можетъ умалять чести у обиженнаго. Офицерамъ, рядовымъ и всѣмъ прочимъ, „которые въ лагерѣ и крѣпостяхъ обрѣтаются“, повелѣвается объявлять тотчасъ военному суду о происшедшихъ ссорахъ „словесныхъ или дѣйствительныхъ“, въ ихъ присутствіи или инымъ какимъ либо образомъ извѣстныхъ, подъ опасеніемъ наказанія, какимъ облагается обидчикъ „яко бы онъ самъ обидящій былъ“ ¹¹²⁾.

Угроза за самовольную расправу съ обидчикомъ всего

---

¹¹⁰⁾ Въ наказаніяхъ за обиду дѣйствіемъ, если не причинено раны или увѣчья, господствуетъ принципъ равнаго возмездія. Въ нидерландскомъ патентѣ о поединкахъ за обиду дѣйствіемъ не полагается денежнаго штрафа, но обидчикъ, кромѣ заключенія на одинъ или два года, могъ подвергнуться временному или вѣчному изгнанію. За угрозу опредѣляется такое же наказаніе, какъ и за самое дѣяніе, а въ русскомъ патентѣ арестъ на 3 мѣсяца.

¹¹¹⁾ Неопредѣленность русскаго текста объ ответственности лицъ, которымъ ввѣряется разбирательство по дѣламъ чести, можно объяснить тѣмъ, что патентъ переводили ранѣе организациіи Петромъ I военныхъ судовъ и учрежденія комендантовъ. Въ подлинномъ текстѣ сказано такъ: „So wird denen Richtern, als nemlich dem Praesidenten und Fiscal von dem Hohen Kriegs-Rath wie auch denen Gouverneurs und Commandeurs in denen Frontiers Plätzen“. Въ русскомъ текстѣ это мѣсто такъ передано: „того ради судьямъ: а именно президенту, такожъ и губернаторамъ“. За медленность въ рѣшеніи дѣла въ нидерландскомъ патентѣ: лишеніе должности на три мѣсяца. Напечатанное курсивомъ—„того для и прочъ“ прибавка нашего законодателя.

¹¹²⁾ Постановленія о донесеніяхъ общи всѣмъ военнымъ законамъ того времени, и русскій текстъ буквально согласованъ съ нидерландскимъ.

рельефнѣе выражена въ постановленіяхъ о поединкѣ, какъ дѣяніи безусловно воспрещаемомъ подѣ опасеніемъ смерти.

Вызовъ другаго на поединокъ лишаетъ вызывателя права на сатисфикацію и кромѣ того за вызовъ опредѣляется лишеніе чиновъ и достоинства, съ объявленіемъ „негоднымъ“ (въ нидерландскомъ подлинникѣ: *ontuchtig*), на имѣніе вызывателя налагается денежный штрафъ (какой неизвѣстно) и сверхъ того отписывается (т. е. конфискуется) десятая, шестая или третья часть его имѣнія. Все это согласно съ духомъ обще-европейскаго военнаго права „о поединкахъ“ съ незначительными лишь отступленіями отъ оригинала французскаго регламента. Такому же наказанію, какъ и вызыватель, подвергаются: а) тотъ кто отъ вызывателя принимаетъ цидулку или письменные вызовы (въ нидерландскомъ оригиналѣ: *Botschaft, Billet oder Cartel*); б) тотъ кто такую же цидулку принесетъ вызванному; в) секунданты или посредники, обѣщавшіе присутствовать на поединкѣ; г) переносившіе вызывательныя письма и д) не донесшіе о предложенномъ, завѣдомо извѣстномъ, поединкѣ. А слуга доставившій цидулку о вызовѣ, ему извѣстномъ, наказывается шпицрутенами.

Поединщики, которые явятся на мѣсто и обнажатъ другъ противъ друга шпаги, подвергаются смертной казни и конфискаціи имущества, хотя бы никто не былъ раненъ или убитъ; такому же наказанію подвергаются секунданты или свидѣтели. Наказаніе поединщиковъ ограничивается „жестокимъ денежнымъ штрафомъ“ по разсмотрѣнію воинскаго суда, ежели поединщики сами помирились на мѣстѣ поединка, хотя бы и обнажили оружіе ¹¹³). Но если они вступили въ бой, и въ томъ бою убиты и ранены будутъ, то какъ *живые, такъ и мертвые повѣшены да будутъ* ¹¹⁴).

¹¹³) Объ ограниченіи наказанія помирившимя поединщикамъ не упоминается въ нидерландскомъ патентѣ.

¹¹⁴) Въ оригиналѣ сказано такъ: въ случаѣ состоявшейся дуэли, когда кто либо изъ поединщиковъ будетъ убитъ или раненъ, то трупъ убитаго долженъ быть повѣшенъ на висѣлицѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ производится уголовный судъ, имѣнія убитаго конфискуются, а виновникъ, вызыватель или вызванный, наказывается лишеніемъ жизни и его имѣнія также конфискуются.

Всякая драва одинъ ли на одинъ, или съ извѣстнымъ числомъ секундантовъ, одинаковымъ или не одинаковымъ оружіемъ, не доведенная то свѣдѣніи суда, умышленно, для избѣжанія штрафа, почитается за поединокъ; на равнѣ съ поединками облагается наказаніемъ и участники драки, „которые въ томъ найдутся“ ¹¹⁵).

Поединки наказываются одинаково, гдѣ бы не случились, въ лагеря или крѣпости и въ иномъ государствѣ, и никто не можетъ отговориваться мѣстомъ для избѣжанія наказанія ¹¹⁶). А чтобы всѣ знали о томъ, что предписано въ патентѣ, таковой долженъ быть объявленъ повсюду—въ лагеряхъ, въ гарнизонахъ и во всѣхъ губерніяхъ и высланъ также каждому полковнику.

Русскій патентъ о поединкахъ отличается отъ нидерландскаго чрезвычайно маловажными отступленіями; между тѣмъ послѣдній составляетъ сжатое извлеченіе изъ регламента Людовика XIV, но однако съ ослабленіемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ карательныхъ мѣръ. Мертвые въ Голландіи не преслѣдуются лишеніемъ христіанскаго погребенія, какъ во Франціи. По всѣмъ признакамъ русскій патентъ о поединкахъ былъ обнародованъ въ началѣ Сѣверной войны, но не ранѣе организаціи военныхъ судовъ, въ 1705 или 1706 годахъ. Извѣстно теперь, что въ 1-ю часть устава воинскаго вошли весьма многія постановленія, которыми русскія войска руководствовались съ первыхъ лѣтъ этой войны.

Нельзя не обратить вниманія на то, что спеціальныя законы о поединкахъ въ западной Европѣ, главнымъ образомъ, относились къ дворянству; въ этомъ высшемъ слоѣ въ началѣ XVIII вѣка установился и центръ тяжести понятій о чести; каждый дворянинъ стремился защитить свою честь

---

¹¹⁵) Въ ст. 10 нидерландскаго патента предполагается одинаковое оружіе „mit gleichen Waffen“.

¹¹⁶) Нидерландскій законъ мѣсто поединка, облагаемаго наказаніемъ, ограничиваетъ только для солдатъ.

своими собственными силами и средствами и готовъ былъ отстаивать ее даже съ пожертвованіемъ своей собственной жизни. Это рыцарское понятіе о чести, какъ уже намъ извѣстно, вело къ самовольной расправѣ и самоуправству, и законодатели съ XVII ст. требовали подчиненія дворянъ въ дѣлахъ чести судебному разбирательству, облагая тяжкими наказаніями поединки, какъ опасную драку, во имя общаго блага и спокойствія въ государствѣ. Тотъ же взглядъ на поединокъ усвоенъ и законодательствомъ Петра I, несмотря на явленіе совершенно противоположное въ быту русскаго дворянства XVII ст., а именно: на особенную склонность его къ судебному разбирательству въ дѣлахъ чести.

Переходимъ къ гл. XVII—XVIII Артикула Военскаго.

Артикулы „о возмущеніи бунтѣ и дракѣ“ распадаются на двѣ главныя части: въ первой части запрещаются сходки или собранія воинскихъ людей, возбужденіе къ бунту или возмущенію, равно какъ и общія ссоры и драки съ призывомъ на помощь *другихъ*, отчего могутъ произойти безпорядки и возмущенія. Эта часть (арт. 133—138) главы служитъ какъ бы отвѣтомъ Петра на сходбища стрѣльцовъ 1682 г., предшествовавшія майскому бунту. Главное вниманіе нашего законодателя здѣсь обращено на *зачинщиковъ* сходковъ „сходбищъ и собраній“, *хотя для советовъ какихъ нибудь, хотя ни для зла или для челобитья, чтобъ общую челобитную писать* (собственноручная добавка Петра I), или на возбудителей бунта, словомъ, дѣломъ или письмомъ, непосредственно самимъ собою или черезъ посредство другихъ. Офицеры, давшіе поводъ къ сходкѣ, или допустившіе сходку, наказываются *лишеніемъ чести, имѣнія и живота*, нижніе чины —зачинщики бунта наказываются *повѣшиваніемъ*, а подстрекатели къ бунту—*лишеніемъ живота и на тѣль*. Вообще за возмущеніе опредѣляется висѣлица и наказаніе виновныхъ должно слѣдовать немедленно на мѣстѣ преступленія, чтобъ не дать расширится мятежу, ибо быстрота наказанія производитъ страхъ на другихъ. Наравнѣ съ зачинщиками, т. е. висѣлицей, наказываются и призывающіе на помощь въ общей дракѣ, равно

какъ и тѣ, которые оказывали эту помощь (арт. 138). Такой законъ имѣеть общее историческое значеніе—остатокъ средневѣковой организаціи войскъ, ибо въ войскахъ наемныхъ, въ случаѣ ссоры и драки, люди разныхъ національностей, которымъ приходилось плохо, обращались за помощью жъ людямъ другой націи ¹¹⁷⁾.

Въ правильно организованной арміи, въ которой дисциплина не есть мертвая буква, сходки, ведущія въ мятежу, немислимы, но въ XVII и въ началѣ XVIII ст. было иначе. Начало главы XVII, не имѣеть повидимому ничего общаго съ второю ея частью, но это кажущееся несходство исчезаетъ, если обратить вниманіе на ближайшіе поводы къ сходкамъ и бунтамъ въ войскахъ XVII вѣка. Источникомъ подобныхъ явленій были обиды и насилія, злоупотребленія властью, и законодатели стремились предотвратить подобныя опасныя явленія, посредствомъ преслѣдованія частныхъ столкновеній и дракъ.

На первой части главы XVII, составленной по новшведскому кодексу, замѣтно отразились соображенія комментатора Гофера на Бранденбургскій военный артикулъ.

Вторая часть главы XVII (соображенная съ датскимъ военнымъ артикуламъ) касается поединковъ, т. е. частныхъ столкновеній съ оружіемъ, и вообще ссоръ, вслѣдствіе обиды, хотя бы и на пиру, а также личныхъ обидъ дѣйствіемъ, какъ послѣдствія ссоръ. Въ артикулахъ определено, какъ должно поступать съ тѣми, которые ссорятся, и запрещено представлять несправедливую жалобу „неправое челобитье“ (арт. 142, 147 и 148). Обруганный „когда онъ самъ не захотѣлъ учинить самовольнаго отмщенія, долженъ принести жалобу своему командиру (арт. 147)“. Такимъ образомъ здѣсь, какъ и въ патентѣ, законодатель стре-

---

¹¹⁷⁾ Вопросъ объ обидахъ и дракахъ въ иностранныхъ войскахъ нами рассмотрѣнъ въ началѣ историческаго очерка (въ настоящей статьѣ опущеннаго); въ случаѣ драки подъ страхомъ смерти воспрещалось призывать на помощь людей другой націи *Сеñi qui cria de la nation sera passe far les picques. Ордонавъ Франциска II* въ XVI ст. Тоже было и въ старыхъ нѣмецкихъ имперскихъ артикулахъ.

мится установить порядокъ обжалованія личныхъ обидъ и притѣсненій въ войскахъ, предотвратить самовольную расправу другъ съ другомъ, и вводить формальное обжалованіе, но не съ цѣлью уничтоженія поединковъ, которые въ русскихъ нравахъ не имѣли никакой почвы, а съ цѣлью прекращенія самоуправства; однако при склонности къ насилію, сутяжничеству и ябедничеству законодателю приходилось въ законахъ регулировать взаимныя отношенія, особо между офицерами и особо между солдатами, строгими наказаніями за личную обиду внѣ сферы служебныхъ отношеній, т. е. независимо отъ законовъ по нарушенію чинопочитанія и подчиненности (что предусмотрено въ главѣ III). Драки, вызовы и поединки воспрещаются всѣмъ безъ изъятія русскимъ и иноземцамъ, *къмъ бы то ни было* (арт. 139).

Въ артикулахъ, относящихся къ дракѣ, предусмотрены четыре случая оскорбленія дѣйствіемъ: *ударъ и побой тростью или чѣмъ либо въ сердцахъ и злости* (артик. 146); *ударъ по щеку* (арт. 145); *поднятіе шпала или пистолета противъ кого либо съ намѣреніемъ повредить* (арт. 144), *нанесеніе удара ножомъ, „кто съ еѣмъ ножами порежется“* (арт. 143), и *драка*, учиненная „при питье въ пиру безъ вызову (на поединковъ)“ (арт. 141). Роды наказанія согласованы съ постановленіями датскаго военнаго артикула, а равно съ литовскимъ статутомъ—*отъсѣченіе руки* (арт. 146 и 144), *пробитіе руки ножомъ, съ привосокупленіемъ шпиритенъ*¹¹⁸⁾. За вызовъ на поединковъ, когда онъ состоится, какъ вызыватель, такъ и принявшій вызовъ подвергаются повѣшенію,

¹¹⁸⁾ Въ морс. уст. ч. V, гл. XIV дается уже болѣе полное опредѣленіе оскорбленія оружіемъ, рукою, тростью. Въ § 98, 99 и 100 за обнаженія оружія, нанесеніе имъ раны или увѣчья, за ударъ руками или тростью, мѣра наказанія измѣняется въ зависимости отъ служебнаго положенія субъекта и объекта. Напримѣръ, офицеръ за ударъ товарища рукою или тростью лишается чина и облагается денежнымъ штрафомъ по усмотрѣнію суда, унтеръ-офицеръ за ударъ унтеръ-офицера палкою или инымъ чѣмъ (кромя ружья и ножа) заключается на 3 дня въ желѣза и платитъ обижанному изъ жалованья, по усмотрѣнію командорскому, а рядовой наказывается кошками у шпала.—Офицеръ, за обнаженіе оружія, безъ нанесенія раны, записывается въ матросы по требованію суда, а унтеръ-офицеры и рядовые наказываются у шпала кошками.

„хотя оба не ранены отъ того отойдутъ“. И если кто либо одинъ или оба будутъ убиты, то ихъ за ноги повѣсить. Секунданты, или посредственники, подвергаются одинаковому наказанію. Почти вся вторая часть главы XVII артикула основана на датскомъ военномъ артикулѣ Христіана V, и потому соотвѣтствуетъ военному уложенію 1702 г., но изложена въ болѣе сжатой и ясной редакціи, чѣмъ статьи этого уложенія ¹¹⁹).

Въ главѣ XVIII арт. воин. предусмтрѣна *заочная обида* т. е. оскорбленіе на письмѣ (и въ печати) съ цѣлью распространенія обстоятельствъ позорящихъ честь, хотя бы обвиненіе было справедливымъ (пасквиль), и клевета (арт. 149 и 151); кромѣ того обида словомъ браннымъ въ раздраженіи (арт. 152), т. е. легкая обида. Въ прежнихъ русскихъ памятникахъ до XVIII вѣка съ пасквилемъ мы не встрѣчаемся, встрѣчаемъ *подметныя письма*, которыя имѣли другое значеніе, чѣмъ пасквили по опредѣленію. Арт. Воин. ¹²⁰). Чтоже касается до клеветы или *поклепа*, (т. е. ложнаго обвиненія кого либо), то такого рода оскорбленіе чести у русскихъ съ древнѣйшихъ временъ было въ большемъ употребленіи и, какъ мы видѣли изъ соборнаго уложенія, составляло одно изъ наиболѣе распространенныхъ преступленій. Но заочная обида, подъ именемъ *пасквиля*, какъ продуетъ болѣе зрѣлой цивили-

---

¹¹⁹) Самое заглавіе главы XVI „о возмущеніи, бунтѣ и дракѣ“ показываетъ, что въ артикулахъ, опредѣляющихъ весьма строгія наказанія за нанесеніе ударовъ чѣмъ либо, предполагаются обиды дѣйствіемъ тяжкія для чести—ударъ по щекѣ и ударъ палькою, или же опасныя, послѣдствіемъ которыхъ можетъ быть рана, увѣче, даже смерть. Впрочемъ нанесеніе удара, отъ котораго произошла смерть, предусмтрѣно въ арт. 148 и толкованіи; виновный подвергается обыкновенной смертной казни. Слѣдуетъ еще замѣтить, что за драку на пиру, въ состояніи оубьяненія, нижніе чины наказываются шпицрутенами, а офицеръ—жестокимъ арестомъ, испрошеніемъ прощенія у обиженнаго и затѣмъ *намазывается*, но какъ именно—неизвѣстно.

¹²⁰) О подметныхъ письмахъ въ царствованіе Петра Великаго 1 полн. собр. зак. IV, № 2245, V, №№ 2877, 3143. Эти письма велѣно просто сжигать при свидѣтеляхъ тому, кто ихъ найдетъ.

лизаціи, становится известною лишь со времени преобразования Петра ¹²¹).

Въ началѣ XVIII столѣтія, какъ видно изъ исторіи, Германія высылала къ намъ брошюры, въ коихъ задѣвалась честь великаго преобразователя и нѣкоторыхъ его сотрудниковъ. Карлъ XII усердно покровительствовалъ пасквильнтамъ и содѣйствовалъ ихъ распространенію въ Европѣ, особенно въ Германіи, на театрѣ своихъ дѣйствій. Известный юристъ фонъ-Гюйссенъ, составитель артикула краткаго и переводчикъ устава воинскаго съ русскаго языка на нѣмецкій, обязанъ былъ сочинять отвѣты на пасквили, тревожившіе духъ Петра I и оскорблявшіе Меншикова. Между сочиненіями Гюйсена, изданными въ Германіи и Франціи, въ защиту дѣла Петра особенное значеніе имѣеть: *Ausführliche Beantwortung des freventlichen und lügendhaften Pasquils*. Это собственно отвѣтъ Гюйсена на ложныя обвиненія и искаженные факты бывшаго воспитателя цесаревича Алексѣя Петровича *Heinebauera* ¹²²).

По артикулу воинскому „пасквиль есть сіе, когда кто письмо изготовить, напишетъ или напечатаетъ, и *въ томъ кого въ какомъ дѣлѣ обвинитъ* и оной явно прибѣтъ или прибить велитъ, а имени своего и прозвища въ ономъ не изобразитъ“. Пасквильнту опредѣляется наказаніе такое, на

---

¹²¹) *Пекарскій*, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. С.-П.-Б. 1862 г. ч. I, стр. 72, 80, ч. II, стр. 120. При брошюрѣ фонъ-Гюйсена приложенъ „артикулъ краткій“. См. нашъ трудъ: „Воен. зав. Петра Великаго въ рукоп. и первопеч. изд.“, стр. 25, цит. 20. Известно, что съ пасквилями *Heinebauera* поступали именно такъ, какъ изложено въ арт. 149, т. е. ихъ сожигали подъ висѣлицею. О подметныхъ письмахъ въ царствованіе Петра Великаго въ 1 полн. собр. зак., IV, № 2445.

¹²²) „Слово пасквиль происходитъ отъ имени сапожника римскаго Pasquino, который приобрѣлъ въ XVI столѣтіи известность своими язвительными островами на счетъ духовенства; отсюда Pasquinade и Pasquil“. *Спасокучъ*, Журналъ министерства юстиціи, 1860 г., III, стр. 42.—Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ пасквили были въ большомъ ходу въ Европѣ. Опредѣленіе данное пасквилю въ артикулѣ взято изъ комментарія на имперскій артикулъ Фердинанда III и Леопольда I въ С. J. M. Nov., I, стр. 68. Pasquil, Famos-Libell, Famos-Schrift—См. текстъ арт. 149 съ объясненіями. Тоже морской уставъ, кн. V, гл. XIV, ст. 103.

какое онъ заслужилъ за преступленіе, въ коемъ обвиняетъ свою жертву; самое же ругательное письмо сожигается подъ висѣлицею. Пособники пасквилянта наказываются *леге*, но какъ именно, изъ толкованія не видно. Обвиненіе посредствомъ пасквиля можетъ быть и не ложнымъ. Если окажется, что опозоренный въ пасквилѣ дѣйствительно совершилъ то, въ чемъ его пасквилянтъ обвиняетъ, то послѣдній по усмотрѣнію суда наказывается тюрьмою, ссылкой на ка-торгу, шпицрутенами и прочимъ, „понеже онъ истиннымъ путемъ не пошелъ, дабы другаго погрѣшенія объявить“ (арт. 149). Не отысканный пасквилянтъ объявляется безчестнымъ (арт. 150).

Что же касается до наказанія за произненіе словъ *позорящихъ честь и доброе имя другаго*, то офицеръ обязанъ передъ судомъ отказаться отъ своихъ словъ, сказавъ „что онъ солгалъ“, и выси-дѣть полгода въ заключеніи; но какъ поступать въ такихъ случаяхъ съ унтеръ-офицерами и рядовыми въ артикулѣ не сказано. Въ случаѣ отказа или отрѣченія отъ словъ, не смотря на данный срокъ судомъ, наказаніе тюрьмою усиливается и опредѣляется денежный штрафъ, который за вторичные отказъ удваивается; и тогда отзвѣвъ „что онъ солгалъ“, дѣлаетъ за него профось (арт. 150). Впрочемъ опредѣленія арт. 151 въ строгомъ смыслѣ не подходятъ подъ современное понятіе о клеветѣ ¹²³). За оскорбленіе *къмъ либо другаго бранными словами* въ сердцахъ, опредѣляется испрошеніе христіанскаго прощенія передъ судомъ, а въ болѣе тяжкихъ обидахъ „ежели гораздо жестоко

¹²³) *Спасовичъ* даетъ такое опредѣленіе клеветы: „клевета есть *распространеніе ложныхъ, вымышленныхъ противъ кого нибудь обвиненій въ дѣляхъ, противныхъ правиламъ чести*. Произнесеніе ложнаго обвиненія въ глаза лицу, котораго она касается, будетъ составлять не клевету, а обиду; клевета собственно только потому и страшна, что вкрадывается тайно, коварно въ общественное мнѣніе и поражаетъ человѣка своимъ ядовитымъ жаломъ, такъ сказать, въ плуту, а не въ лицо, такъ что оклеветанный часто и защищаться не можетъ, не зная откуда идетъ нападеніе. Журналъ министерства юстиціи, 1860 г., III, стр. 38 и 39.— Слѣдовательно, арт. 149 и 156 главы XVIII артикула воинскаго содержатъ въ себѣ понятіе клеветы и обиды, смотря потому было ли обвиненіе ложнымъ или справедливымъ.

браниль“ денежный штрафъ и *сносное* заключеніе; а кто не хочетъ платить, того принудить „потребными способами“ (арт. 152 и толкованіе). Взаимность обиды словомъ не наказуема, но кто на обиду словомъ отвѣтитъ „боемъ или инымъ своевољествомъ“ (приписка рукою Петра), тотъ право свое (на вознагражденіе) теряетъ и подвергается одинакому наказанію съ соперникомъ (арт. 153).

Глава XVIII, очевидно построена согласно съ опредѣленіями неизвѣстнаго комментатора на 18 имперскій артикуль Фердинанда и Леопольда I. Впрочемъ здѣсь карательныя мѣры соображены также и саксонскимъ патентомъ о поединкахъ, ссорахъ и личныхъ обидахъ ¹²⁴). Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ другихъ военныхъ артикулахъ—шведскомъ, датскомъ и бранденбургскомъ, которыми руководствовался преимущественно нашъ законодатель, не имѣется особой главы „о поносительныхъ словахъ“ и это отступленіе, независимо отъ толкованій, составляетъ отличительную черту русскаго артикула воинскаго отъ западныхъ артикуловъ скандиновской редакціи.

Заключеніе къ XVII и XVIII главамъ артикула воинскаго и къ патенту о поединкахъ.

Потентъ о поединкахъ, часть главы XVII и вся глава XVIII артикула воинскаго, согласуясь съ духомъ европейскаго военного законодательства эпохи Петра Великаго, служитъ существеннымъ и чрезвычайно важнымъ дополненіемъ къ русскимъ законамъ.

Артикуль воинскій вноситъ новое понятіе о чести, не только въ объективномъ смыслѣ, но и въ субъективномъ. Ибо поднимая личность солдата, законодатель желаетъ возбудить въ немъ нравственное достоинство, внутреннюю честь, какъ неотъемлемую принадлежность каждаго человѣка.

---

¹²⁴) Главѣ XVIII арт. воин., въ морскомъ уставѣ соответствуетъ глава XIV части V. См. мои объясненія на текстъ соответственныхъ артикуловъ русскихъ и иностранныхъ.

Законодатель требует, чтобы и послѣдняго солдата *каждый* уважалъ какъ война, чтобы *никто* не порочилъ его личность, какъ слуги отечества. Личная обида и клевета, какъ нарушение уваженія къ воину, ставится подъ угрозу наказаніемъ. Честь, какъ высшее благо, можетъ быть отнято только при извѣстныхъ условіяхъ, въ законахъ опредѣленныхъ.

Со стороны *субъекта* и *объекта*—патентъ о поединкахъ отличается нѣсколько отъ соотвѣтственныхъ артикуловъ гл. XVII и XVIII; первый предназначается исключительно для военнотружущихъ, какъ видно изъ самаго вступленія ст. 1 и 2. Но въ гл. XVII и XVIII (арт. 139—153) субъектомъ и объектомъ обиды можетъ быть всякій, а не исключительно только офицеръ или нижній чинъ. „*Вся* вызовы и т. д. запрещаются“, „*кто съ кѣмъ* поспорится“, „*кто съ кѣмъ* ножами порѣжется“, „*кто кого* тростью ударить“, „*кто* пасквили тайно сочинить“, „*кто* бранными словами избранить“, „*кто* противъ бранныхъ словъ боемъ отмщать будетъ“; исключеніе составляютъ: арт. 151, гдѣ сказано объ офицерѣ какъ о субъектѣ преступнаго дѣянія, и арт. 141, гдѣ установлена различная мѣра наказанія для офицера и рядоваго. Но эти статьи очевидно могли быть прилагаемы и къ гражданскому и государственному быту. Въ патентѣ и въ главѣ XVII и XVIII арт. воин. не говорится объ оскорбленіи словомъ или дѣйствіемъ начальника, ибо такое преступленіе, какъ нарушеніе дисциплины, предусмотрено въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ артикула (гл. III); не упоминается также объ отвѣтственности начальника за оскорбленіе подчиненнаго, офицера за оскорбленіе солдата, ибо и эти случаи предусмотрены въ той же главѣ.

Артикулъ отличается отъ патента болѣе распространеннымъ опредѣленіемъ состава преступления. Въ артикулѣ умыселъ или намѣреніе обидѣть имѣетъ значеніе на усиленіе наказуемости; такъ въ обидѣ словомъ: „*кто не одумавшись съ сердцемъ*, или не *опаматоваясь*, дабы *тѣмъ его честное имя* обругать и уничтожить“, въ обидѣ обнаженіемъ шпаги: „въ *намѣреніи* чтобъ *кого тѣмъ* повредить“, „*кто съ*

сердцовъ и злости ударить." Но въ патентѣ объ умыслѣ вовсе не упоминается; тутъ законодатель всѣ случаи предоставляетъ рѣшенію судьи, отъ котораго зависитъ признать дѣйствіе оскорбительнымъ, неприличнымъ или инымъ. Очевидно, что *намыреніе* причинить обиду есть не одно только необходимое условіе для признанія дѣянія преступнымъ. Патентъ устанавливаетъ непродолжительный срокъ, отъ 3 до 6 недѣль, для овозначенія разбирательства дѣла о личныхъ обидахъ.

Установивъ опредѣленную дисциплинарную власть надъ нижними чинами въ порядкѣ іерархической подчиненности, законодатель предоставилъ капитанамъ, полковникамъ и старшимъ начальникамъ, разбирательство дѣлъ по личнымъ обидамъ рядовыхъ и унтеръ-офицеровъ между собою, если обида дѣйствіемъ не сопровождалась тѣлеснымъ поврежденіемъ—увѣчемъ или ранюю, въ послѣднихъ случаяхъ дѣло передавалось суду. Солдатъ о своей личной обидѣ долженъ былъ приносить жалобу капитану, а если не получить удовлетворенія, то могъ жаловаться полковнику. Такимъ образомъ не только судебной, но и военно-административной практикѣ предоставлялось разрѣшать, какія именно выраженія и дѣйствія въ данномъ конкретномъ случаѣ слѣдовало считать оскорбительными, и такъ какъ никакою положительный законъ не можетъ предусмотрѣть разнообразныхъ случаевъ, гдѣ данное дѣйствіе содержитъ обиду, поэтому рѣшеніе вопросовъ объ оскорбленіи чести въ большинствѣ случаевъ зависѣло отъ господствовавшего представленія о ней въ войскѣ и народѣ. Въ этомъ отношеніи артикулъ воинскій и патентъ оказали услугу уже и тѣмъ, что намѣтили главнѣйшія *отрицанія дѣянія*, въ которыхъ содержится отрицаніе достоинства лица и выражается презрѣніе въ нему, или же нарушается тѣлесная неприкосновенность.

Въ Патентѣ и Артикулѣ предусматриваются слѣдующіе виды обиды: 1) *словомъ браннымъ* (арт. 152), *словомъ поносительнымъ* (арт. 151), словомъ, касающимся чести или бранью съ сердца (пат. 152), словомъ *гораздо жестокимъ* (арт. 152), 2) *угрозу* (пат. ст. 5), 3) *обиду на письмѣ*—

ругательное письмо или пасквиль, 4) *обиду дѣйствіемъ*: а) *ударомъ рукою* (пат. ст. 3), *ударомъ по щекъ* (арт. 145), б) *ударомъ тростью* (арт. 146), *палкою* (пат. ст. 4), в) *поднятіемъ пистолета или шпала*, съ дурнымъ намѣреніемъ (арт. 144), г) *ударомъ ножа* (арт. 143). Кромѣ того указанъ особый видъ оскорбленія; *драка на пиру и при питьѣ*, когда никто не раненъ, не умерщвленъ и не произошло вызова на поединовъ (арт. 141).

Наказанія за обиды назначались различныя, смотря по роду и тяжести обиды, съ намѣреніемъ или съ горяча, въ раздраженіи; за обиду браннымъ словомъ (т. е. легкую или простую) въ горячности — опредѣляется христіанское прощеніе, а за обиду словомъ гораздо жестокимъ опредѣляется *денежный штрафъ* и *заключеніе* (сносное) арт. 152), за клевету обидчикъ долженъ объявить передъ судомъ „что онъ солгалъ“ и подвергается *заключенію на полгода* (арт. 151); за обиду дѣйствіемъ (на основаніи патента) опредѣляется лишеніе жалованья на полгода или на годъ, или лишеніе чина (ежели каковой имѣеть) вовсе или на время и объявленіе „за негоднаго“, а иноземцу—*изгнаніе безъ пасу*. Во всякомъ случаѣ обидчикъ долженъ просить христіанскаго прощенія у обиженнаго и быть готовымъ получить отъ него „равную мсть“ (т. е. получить ударъ рукою или палкою). За угрозу побоями опредѣлялось испрошеніе прощенія и вычетъ трехмѣсячнаго жалованья (пат. о поед. ст. 1, 2, 3, 4, 5). По артикулу за ударъ по щекѣ опредѣляется *ударъ по щекѣ* отъ профоса и иное наказаніе (по разсмотрѣнію) (арт. 147). За ударъ тростью *отстыченіе руки* (арт. 146 и 144), за ударъ ножемъ — *привожденіе руки къ щекамъ* или *прободеніе ножемъ*. Такія же суровыя карательныя мѣры (за ударъ по щекѣ, за ударъ палкою, за обнаженіе оружія и нападеніе съ ножемъ) практиковались въ то время и въ сосѣдней странѣ, гдѣ дѣйствовалъ литовскій статутъ, и тѣже самыя наказанія, согласно датскому кодексу, приняты были еще ранѣе въ уложеніи 1702 г.; въ артикулѣ исключено только *прорваніе ладони до перстовъ*. Но спустя нѣсколько лѣтъ въ

морскомъ уставѣ 1720 г. за обиды не встрѣчаемъ уже наказаній членовредительныхъ; ихъ замѣняютъ шпицрутены, наказаніе вошками, а для офицеровъ—лишеніе чиновъ, вычеты изъ жалованья; или тѣ и другіе могли быть сосланы на галеры ¹²⁵).

Замѣтимъ, что въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII ст. саксонскіе юристы личныя обиды дѣйствіемъ, смотря по степени причиняемаго матеріальнаго вреда обиженному, дѣлили на *легкія* (*geringere oder kleinere*) и *тяжкія* (*hohe und grobe real Injurien*), относя къ послѣднимъ нанесеніе ранъ и всякаго рода увѣчій, причеиъ обидчикъ могъ возбуждать искъ въ порядкѣ гражданскаго и уголовнаго процесса; въ первомъ случаѣ присуждалась *денежная пеня за безчестіе*, а въ случаѣ причиненія ранъ или увѣчья обидчикъ подвергался, кромѣ платы на леченіе (*Artz Lohn*) и на содержаніе за время леченія, *временному изгнанію, тюремному заключенію, денежной пени* или *иному наказанію*, смотря по свойству раны и состоянію лица; когда же искъ предъявленъ былъ въ уголовномъ порядкѣ, то обидчикъ подвергался *наказанію на тѣлѣ и вѣчному изгнанію*, но не обязанъ былъ платить ни врачебной пени, ни денегъ на содержаніе потерпѣвшаго ¹²⁶).

Но въ артикулѣ воинскомъ обиды и по внѣшнему дѣянію, и по свойству употребленныхъ преступникомъ средствъ, и по тяжести матеріальнаго вреда не были приведены въ систему; нѣтъ также дѣленія исва на уголовный и гражданскій, можетъ

---

¹²⁵) Морск. уст. кн. V, гл. XIII, а р т. 98—за обнаженіе ножа или оружія безъ нанесенія раны опредѣляетъ наказаніе *у штиля кошками*, а за причиненіе раны тоже наказаніе сопровождается *сылкою на галеры*; офицеръ за первое преступленіе *написанъ будетъ въ матросы*, а за второе—*высланъ будетъ въ галерную работу вѣчно или на время*; а р т. 99—за драку между офицерами руками или тростью *на берегу: лишеніе чина на время и денежный штрафъ*, по опредѣленію суда, *на корабль—лишеніе чина, написаніе на время въ матросы и денежный штрафъ*, по опредѣленію суда; а р т. 100—рядовой за ударъ унтеръ-офицера палкою, или инымъ чѣмъ (кромѣ ружья, или ножа) наказывається *кошками у штиля*. Необходимо замѣтить, что въ морскомъ уставѣ тщательно проведено различіе въ опредѣленіи мѣры наказанія между офицерами, унтеръ-офицерами и матросами. Этотъ принципъ соответствія рода наказанія съ іерархическимъ положеніемъ военнаго чина послѣ Густава Адольфа усваивается всею Европою.

¹²⁶) С. I. M. Nov. I, 67.

прил. къ ж. гр. и уг. пр. кн. к 1889 г.

быть потому, что порядокъ судопроизводства былъ одинъ и тотъ же, какъ для дѣлъ уголовныхъ, такъ и для дѣлъ гражданскихъ (см. процессы и гл. X соборн. улож.).

Артикуль знаетъ однако обиду дѣйствиємъ легкую, когда въ дракѣ потерпѣвшему не нанесено ни раны, ни увѣчья, и тяжкую въ арт. 143 „когда кто съ кѣмъ ножемъ порѣжется).“ Но вообще причиненіе ранъ и увѣчий въ дракѣ, когда отъ раны или увѣчья могла быть опасность для жизни, рассматривалось какъ *самостоятельное преступленіе*, какъ покушеніе на убійство. Въ подобныхъ случаяхъ виновный подвергался наказанію по главѣ XIX артикула воинскаго. Соб. уложеніе всякое увѣчье, не входя въ разсмотрѣніе мотивовъ, рассматривало какъ самостоятельное преступленіе. Уложеніе (гл. XXII, ст. 10) предписывало „за такое его ругательство ему тоже учинити; да на немъ же взяти изъ вотчинъ его и изъ животовъ тому, надъ кѣмъ онъ такое наругательство учинить, будетъ отсѣчь руку, и за руку пятьдесятъ рублей; а будетъ отсѣчь ногу, и за ногу пятьдесятъ рублей; а за носъ и за ухо и за губы и за глазъ по тому же за всякую рану по пятидесяти рублей.“

Вообще въ карательныхъ мѣрахъ за раны и увѣчья въ дракѣ артикуль воинскій слѣдуетъ еще духу уложенія, по принципу возмездія *ex l. tal.* оттого и сохраняетъ ударъ по щекѣ, отсѣченіе руки, пригвожденіе ладони. Но этого рода наказанія, какъ мы видѣли, уже отживали свое время и спустя нѣсколько лѣтъ отвергнуты ¹²⁷⁾.

Относительно *поединка* слѣдуетъ сказать, что нашъ законодатель смотритъ на него какъ на *особое преступленіе* и, согласно общему духу законовъ всей Европы, облагаетъ

---

¹²⁷⁾ 1 п. с. з. VII, стр. 74 морск. уст. гл. XIII, ст. 98, 99, 100. Въ ст. 98— за обнаженіе какого либо оружія или ножа, безъ причиненія раны, наказаніе *кошками у штыля*, а если *п о р а н и т ь* или такъ бить станеть, хотя „не ружьемъ, что битый отъ того *нѣкоторое увѣчье понесетъ*: то оный имѣетъ быть такожь наказанъ на тѣлѣ, и посланъ въ *галерную работу тѣло или временно*, по разсмотрѣнію суда. Такъ для нижнихъ чиновъ. А офицеръ за обнаженіе оружія *разжаловывается въ матросы*, а ежели поранить, то „сосланъ будетъ въ *галерную работу тѣло или временно*.“ Толк. Сіе разумѣется во время драки.

крайне суровою карою. Патентъ о поединкахъ различаетъ двѣ степени преступнаго дѣянія: поединокъ *начатый* вызовомъ и поединокъ *оконченный* нанесеніемъ раны или убійствомъ; за вызовъ (ст. 11) опредѣляется: *лишеніе чиновъ и достоинства, объявленіе негоднымъ*, т. е. безчестнымъ, *денежный штрафъ* и *конфискація части имущества*; за поединокъ *оконченный* (ст. 12) назначается повѣшеніе обоихъ поединщиковъ, какъ живаго, такъ и мертваго. Артикулъ знаетъ точно также двѣ степени поединка, но съуживаетъ промежутокъ между ними *поединокъ начатый*, когда оба соперника, вызыватель и вызванный, *уже согласились* на бой, и *поединокъ окончанный* смертію; въ обоихъ случаяхъ опредѣляется повѣшеніе. Поединщики послѣ смерти преслѣдуются тѣмъ, что ихъ трупъ вѣшали за ноги. О лишеніи же христіанскаго погребенія за поединокъ не упоминается ни въ патентѣ, ни въ артикулѣ.

И такъ, наши военные законы въ эпоху Петра I предусматривали три ступени поединка: 1) вызовъ, 2) соглашеніе сторонъ на вызовъ и 3) поединокъ *оконченный* кровопролитіемъ. О поединкѣ, окончившемся безъ кровопролитія, т. е. неудавшемся, оба памятника умалчиваютъ; неудавшійся поединокъ подводится къ средней ступени, что видно изъ словъ артикула 13: „хотя оба не ранены отъ того отойдутъ.“ Секунданты наказываются одинаково съ вызывателемъ и вызываемымъ.

Взаимныя обиды словомъ, какъ взаимно равныя ненаказуемы, но если на обиду браннымъ словомъ послѣдовалъ ударъ („бой или иное своевольство“), то оба соперника подвергаются одинаковому наказанію (арт. 153). Далѣе такой простой формы оцѣнки взаимности обиды артикулъ не заходитъ.

Изъ разсмотрѣнія текста законовъ и изъ сказаннаго нами о личныхъ обидахъ по патенту о поединкахъ и артикулу воинскому, мы можемъ представить нѣсколько общихъ замѣчаній о *духѣ законовъ Петра Великаго*, относящихся къ преступленіямъ противъ чести.

Учрежденіе регулярныхъ войскъ, созданіе флота, коренныя преобразованія въ административномъ строѣ государства

вели къ измѣненію условій общественнаго строя и къ поднятію значенія личности чловѣка въ войскѣ и вообще на службѣ государству. Въ прошломъ XVII вѣкѣ личность чловѣка всецѣло поглощалась государствомъ, преступленіе разсматривалось какъ грѣховное дѣяніе, а въ наказаніи господствовало устрашеніе и равное возмездіе воздать зломъ за зло. Въ такихъ преступленіяхъ, гдѣ не затрогивались интересы государства, какъ въ личныхъ обидахъ, законы ограничивались *денежнымъ штрафомъ* въ пользу потерпѣвшаго; напротивъ, тамъ гдѣ преступленіемъ затрогивались интересы государственные и религіозные, тамъ законодательство примѣняло въ широкихъ размѣрахъ наказанія *изувѣчивающія*, независимо отъ *смертной казни*. Колебанія государственнаго строя, религіозный расколъ, народныя волненія и бунты стрѣльцовъ только усиливали ожесточеніе въ наказаніяхъ и развивали ихъ неправомѣрность; грубость и дикость нравовъ, казалось, не предвѣщали смягченія въ казняхъ, не возбуждали состраданія къ жертвамъ квалифицированной смертной казни, къ изувѣченнымъ безрукимъ, безногимъ преступникамъ.

Въ артикулѣ воинскомъ и въ уставахъ: воинскомъ (1716 г.) и морскомъ (1720 г.) въ возмездіи за личную обиду повѣяло новымъ духомъ потому собственно, что поднято чловѣческое достоинство солдата, признана въ немъ личность съ правомъ на честь и уваженіе, и выражена угроза за пренебреженіе къ нему, за опороченіе его словомъ или дѣйствіемъ. Простой солдатъ, простой матросъ въ арміи Петра занимаетъ опредѣленное положеніе и тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ право на уваженіе къ себѣ государства за службу, на попеченіе о солдатѣ, потерявшемъ на ней свое здоровье, личность въ самомъ маломъ состояніи становится элементомъ силы и могущества и въ войскѣ, и въ государствѣ Петра. Если слабы были средства полицейскаго надзора въ столицахъ и въ провинціи, то они замѣтно выросли въ войскѣ и во флотѣ: оскорбленному, потерпѣвшему отъ личной обиды словомъ и дѣйствіемъ нижнему чину данъ исходъ въ обжалованіи, съ соблюденіемъ только приличія въ формѣ и, во всякомъ случаѣ, безъ нарушенія дисцип-

лины и порядка службы. Въ этомъ истинно христіанскомъ взглядѣ на личную обиду законодательство Петра оставило далеко за собою соборное уложеніе и служить, можно сказать, основою для дальнѣйшаго развитія правительственнаго взгляда въ Россіи на преступленія противъ чести.

Недаромъ Россія прожила болѣе полтора ста лѣтъ, чему свидѣтельствомъ служатъ нѣтъ о поединкахъ Екатерины II (1787 г.), законодательство Николая I (уложеніе о наказаніяхъ 1845 г., съ дополнительнымъ указомъ 1851 г.; и военно-уголовный уставъ) и новѣйшіе общіе и военные законы Александра II. Правда—въ карательныхъ мѣрахъ, направленныхъ противъ оскорбителей чести въ артикулѣ, какъ и въ соборн. уложеніи, господствуетъ еще принципъ равнаго возмездія: ударъ за ударъ, отсѣченіе руки за рану или увѣче. Но эта средневѣковая форма наказанія скоро исчезаетъ, уступая въ морскомъ уставѣ мѣсто болѣе мягкой формѣ тѣлеснаго наказанія шпирутенами или кошками у шпиль корабля; устрашеніе наказаніемъ по прежнему составляетъ господствующій принципъ въ возмездіи, но не ради очищенія преступника отъ грѣха, а ради общественной пользы, ради достоинства и чести арміи и флота. Этотъ принципъ всего рельефнѣе выдвигается въ карательныхъ мѣрахъ противъ зачинщиковъ сходовъ и вообще бунта. Въ возмущеніи наказаніе смертію должно слѣдовать быстро „дабы чрезъ то другимъ *страхъ подать*, и оныхъ отъ такихъ не пристойностей удержать (пока не разширится), и болѣебъ не умножилось (последнее слово добавлено рукою Петра Великаго (а р т. 1 3 7, г о л к.). Въ законахъ Петра выдвигается рельефнѣе, чѣмъ прежде, принципъ повиновенія единой власти, во имя общественнаго порядка, тишины и спокойствія. Въ военномъ быту, всякое дѣяніе, запрещенное закономъ, разсматривается какъ нарушеніе единой воли, воли верховнаго законодателя, воли монарха: „ибо Его Величество есть самовластный монархъ, который силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанскій Государь, по своей волѣ и благомыслию управлять“. Личное оскорбленіе подчиненнымъ своего начальника—младшимъ старшаго, ря-

довымъ унтеръ-офицера—преслѣдуется съ особенною строгостью, потому что такимъ опаснымъ дѣяніемъ разрушается чинопочитаніе, оскорбляется достоинство власти, а слѣдовательно нарушается дисциплина и установленный правопорядокъ. Точно также, во имя того же порядка, и подчиненному за личное оскорбленіе и обиду начальникомъ дано право искать удовлетворенія посредствомъ „праваго челобиться“ или жалобы.

Авторитетъ единой воли монарха, какъ законодателя, сильнѣе всего выражается въ наказаніи за поединки, и здѣсь мы видимъ соединеніе двухъ господствующихъ принциповъ всей карательной системы Петра I—*устрашенія и авторитета единой верховной власти въ государствѣ*.

Византійское и средне-вѣковое латинское начало искупленія за грѣхъ постепенно отступаетъ передъ новѣйшимъ монархическимъ принципомъ; его уже нѣтъ въ наказаніи за поединокъ.

Нельзя также не остановиться на одной крупной чертѣ въ свойствѣ наказаній за личные обиды, ссоры, драки: это стремленіе къ *равенству наказаній*; законодатель отступаетъ отъ условій равенства въ такихъ случаяхъ, когда къ офицеру, по духу военныхъ законовъ, неудобно уже было примѣнить тѣлесное наказаніе, которымъ стали наказывать исключительно нижнихъ чиновъ. Шпицрутены (или наказаніе кошками по морскому уставу) для офицера замѣняются болѣе или менѣе продолжительнымъ арестомъ, разжалованіемъ и денежнымъ штрафомъ; т. е. къ офицеру, какъ къ дворянину считали неприличнымъ примѣнять наказанія тѣлеснаго, которымъ подвергались нижніе чины и лица низшихъ сословій—мѣщане и крестьяне ¹²⁸). По крайней мѣрѣ такое раз-

---

¹²⁸) Въ текстѣ артикула воинскаго не встрѣчается наказанія батогами, которое было въ такомъ ходу съ XVII стол., какъ дисциплинарное взысканіе, опредѣляемое по усмотрѣнію начальствующихъ лицъ. По соборному уложенію наказаніе батогами, простое и нещадное, опредѣлялось за многія преступленія, оно же было орудіемъ правежа при гражданскихъ взысканіяхъ. Въ оглавленіи наказаній по „процессамъ“ „битые батогами“ отнесено къ легкимъ тѣлеснымъ наказаніямъ

граниченіе наказаній въ личныхъ обидахъ для офицеровъ и нижнихъ чиновъ уже тщательно проведено въ морскомъ уставѣ (ч. V, гл. XIII и XIV). Офицерами, теперь въ 1720 году, служили исключительно дворяне, рядовыми и матросами были большею частью взятые по набору крестьяне. Между офицерами и солдатами, въ послѣдніе годы царствованія Петра (въ арміи и флотѣ), существовала точно такая же рознь, какая была между дворянами и ихъ крѣпостными крестьянами.

Законодателю предстояло однако обезпечить личность всякаго солдата, не взирая на его низшее положеніе въ іерархіи, отъ грубыхъ и жестовыхъ нападокъ, отъ насилій и отъ самоуправства офицеровъ, которые продолжали смотрѣть на солдата какъ на *своего слугу*, и какъ смотрѣли дворяне на своего *крѣпостнаго*. Переломить укоренившійся въ нравахъ обычай было чрезвычайно трудно. Доставить законную защиту обиженному нижнему чину тѣмъ болѣе было затруднительно, что необходимо было въ тоже время поддерживать строго принципы чиновочитанія, какъ основы воинской дисциплины. Установивъ въ своемъ уставѣ воинскомъ военную іерархію, отъ фельдмаршала до рядоваго, и очертивъ кругъ обязанностей генераловъ, штабныхъ и полковыхъ офицеровъ, а равно унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, законодатель требуетъ прежде всего, почтенія низшаго чина къ высшему (арт. 24 толков., арт. 25, 27). Обиженный своимъ начальникомъ можетъ принести жалобу „о понесенномъ своемъ безчестіи и несправедливости“ учтиво и въ пристойномъ мѣстѣ и оттуда ожидать удовлетворенія. Офицерамъ, подъ опасеніемъ *преданія суду и мшениа своего чина*, воспрещается бить подчиненныхъ имъ солдатъ: „безъ важныхъ и пристойныхъ причинъ, которыя службы Его Величества не касаются“¹²⁹⁾. Такое огра-

между тѣмъ какъ наказаніе плицутенами и лозами (сквозь строй) считается тяжельмъ тѣлеснымъ наказаніямъ.

¹²⁹⁾ Артикулы, относящіеся къ личнымъ обидамъ подчиненными начальниковъ (глава III, арт. 21, 22, 24, *толков.*, 25, 27), рассмотрѣны и объяснены въ первомъ выпускѣ „Артикула Воинскаго“, стр. 198—218. Законодатель, облагая суровымъ наказаніемъ оскорбленіе словомъ или дѣйствіемъ начальниковъ, считаетъ нужнымъ обезпечить также личность солдата отъ насилія и самоуправства офице-

ниченіе власти офицеровъ не соотвѣтствовало понятіямъ общества, воспитаннаго на принципахъ полнаго господства помѣщика надъ крѣпостнымъ.

Правоопредѣленія военныхъ законовъ Петра I относительно личныхъ обидъ во всякомъ случаѣ составляютъ выдающуюся эпоху въ русскомъ законодательствѣ. Законодатель въ уставахъ воинскомъ и морскомъ стремился противодѣйствовать глубоко укоренившемуся обычаю самоуправства и склонности къ насилию въ высшемъ служиломъ сословіи. Въ „патентѣ о поединкахъ“ опредѣляется: что „никакое оскорбленіе не можетъ умалить чести обиженнаго“ (ст. 9), что кто попрекаетъ обиженнаго тѣмъ, что онъ прибѣгнулъ къ судебному разбирательству, того постигнетъ кара равная той, какая полагается за обиду, что обидчикъ за нанесенное оскорбленіе долженъ испросить прощеніе у обиженнаго, долженъ публично отказаться отъ словъ, какими оклеветалъ кого либо, можетъ подвергнуться аресту, а при обстоятельствахъ отягчающихъ и другому наказанію; денежное же вознагражденіе—плата за безчестье, составляетъ лишь дополнительное возмездіе, и во многихъ случаяхъ опускается.

Новыя уголовныя мѣры Петра современемъ, послѣ укрѣпленія государственнаго строя, должны были взять верхъ надъ гражданскимъ *вознагражденіемъ за обиду*—безчестіемъ, оттѣснить его на задній планъ и превратить его во второстепенный элементъ наказанія за оскорбленіе чести ¹³⁰).

II. Боброевскій.

ровъ, арт. 33, стр. 214. Привлеченіе офицеровъ къ отвѣтственности по суду за личное оскорбленіе солдатъ и вообще за самоуправство прежде всего высказано было въ шведскихъ и датскихъ военныхъ законахъ; напротивъ, французскіе и нѣмецкіе католическіе законодатели къ такому факту произвола относились пассивно. См. мое объясненіе на шведскіе артикулы, стр. 217.

¹³⁰) Такой взглядъ на военные законы Петра I, о личныхъ обидахъ выразилъ и Спасовичъ въ своей статьѣ: „О преступленіяхъ противъ чести частныхъ лицъ по уложенію о наказаніяхъ 1845 г.“ *Журналъ мин. юст.* 1860 г., т. III, стр. 12.

